

СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ

Лев Гудков

**Иллюзии выбора:
30 лет постсоветской России**

Рига
2021

Лев Гудков. Иллюзии выбора: 30 лет постсоветской России.

Рига, 2021. – 228 стр.

По словам социолога Льва Гудкова, с 2006 по 2021 год директора Аналитического центра Юрия Левады Левады, объявленного Минюстом РФ «иностранным агентом», волны общественного воодушевления и разочарования в России слабо связаны с пониманием состояния общества и власти. Они питаются другими источниками — надеждами, иллюзиями, возмущением или чувством гордости и коллективного единства. Такие установки устойчивы, поскольку исходят из внутренних побуждений, а не из знания. Но именно поэтому они так важны для анализа особенностей общества и его взаимодействия с государством. Накопилось много поводов, побуждающих высказаться на тему, «как мы понимаем» и объясняем сложившуюся ситуацию.

Книга написана на основе лекций, прочитанных автором на семинарах Школы гражданского просвещения.

Редактор *Александра Рощина*
Корректор *Жанна Зимина*
Верстка *Виктории Матисон*

© Лев Гудков, 2021

ISBN 978-9934-23-536-8

Содержание

Лекция 1.	
Предварительные замечания	5
Лекция 2.	
Макс Вебер: позиция ученого в ситуации кризиса	14
Лекция 3.	
Макс Вебер о бюрократии	37
Лекция 4.	
Типы легитимного господства	48
Лекция 5.	
Концепция «политического» К. Шмитта	69
Лекция 6.	
Политика как призвание и профессия	84
Лекция 7.	
Проблема «советского человека»	94
Лекция 8.	
Вместо заключения: как мы думаем.....	111
Лекция 9.	
Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении	147
Графики к лекции 9	205

Лекция 1.

Предварительные замечания

Я очень рад всех видеть, Школа жива, есть люди, которых волнуют общие вопросы и кто, несмотря на все злоключения последнего времени, хочет их обсуждать с другими. Я исхожу из предположения, что слушатели Школы участвуют в ее работе, потому что внутренне стоят перед проблемой, которая раньше, лет 100 назад, именовалась примерно так: «Современная духовная ситуация и ее вызовы» или «Диагноз нашего времени». Всеми нами движет потребность знать, каковы перспективы того, что жизнь придет в соответствие с нашими ожиданиями и убеждениями, каковы шансы на реализацию наших надежд, что мы должны и что мы можем делать, если они расходятся.

Почему 100 лет назад? Потому что примерно тогда, в то время интеллектуалы в Европе впервые столкнулись с неоднозначными последствиями процессов модернизации общества: переходом от закрытого сословного иерархического общества к открытому, к представительской политической системе, свободному рынку, стремительному экономическому развитию, индустриализации, мобильности населения, возникновению новых систем коммуникаций и информации, и с прочими социальными формами, неизвестными ранее. Обратной стороной появления массового индустриального общества оказалось нарастание социальных конфликтов и идеологических противоречий, особенно обострившихся после катастрофических последствий Первой мировой войны, утрата групповой и индивидуальной идентичности, проблемы анонимии, массовых неврозов. Вместе с ними обозначился кризис веры в прогресс, просвещение, гуманизм и демократию, то есть во все то, что ранее

придавало смысл общественному, публичному существованию — политике, науке, культуре как идеалу совершенствования человека и общества. То, во что верили в XIX веке, — свобода, демократия, равенство — все обернулось против человека, начало показывать свою темную сторону. На сцену вышли массы фрустрированных, ущемленных и дезориентированных людей, полных агрессии, вражды и ксенофобии.

Вопросы, подобные названным выше, возникают всякий раз, когда у нас, вопрошающих, уходит почва из-под ног, когда наши ожидания расходятся с тем, что происходит в обществе, когда усиливается ощущение надвигающегося мрака, собственного бессилия и утраты достоинства¹. Сегодня мы погружаемся как раз в такое состояние неопределенности, раздвоенности, нарастающей депрессии. Причины этого весьма многообразны, их нельзя свести только к наступлению реакции в России. На Западе закончился длительный, почти 70-летний, период послевоенного мира и благосостояния, обусловленного опытом осмысления идеологий и практик тоталитаризма, геноцида и сознанием значимости демократии и прав человека как факторов, блокирующих организованное насилие. Исчез образ врага в виде угрозы со стороны СССР. Обнаружились негативные стороны быстрого включения восточноевропейских стран в Евросоюз, ресентиментные и антидемократические настроения, рост национализма². В России массовое разочарование в реформах стало основанием авторитарного, плутократического режима, приобретающего с течением времени все более репрессивный характер.

Результаты 30-летнего развития страны (после начала реформ — горбачевских, затем ельцинских) повергают многих в состояние тревоги и фрустрации. Это касается не всех, но многих — демократов,

---

¹ Сразу должен подчеркнуть позицию, с которой я рассматриваю текущие события и процессы: по своим взглядам я — либерал и сторонник просвещения. Такая декларация нужна мне (и вам) для понимания или учета того, как, с каких позиций я буду в дальнейшем описывать состояние российского общества и его особенности, отбирать факты и анализировать их.

² *Крестев И., Холмс С.* Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию. М.: Альпина Диджитал, 2019.

Лекция 1. Предварительные замечания

националистов, либералов и просто людей без особых идеологических установок. Вместо демократии, свободы, экономического процветания в последние 10 лет мы имеем дело со снижением доходов населения, милитаризацией государства, экономической стагнацией (экономисты говорят о стагфляции) при относительно стабильном плутократическом режиме. Расширяются масштабы репрессий, исчезают даже номинальные признаки правового государства, разделения властей. На общественной сцене — торжество наглой, циничной и неумной власти, обладающей всеми ресурсами принуждения, монополией на пропаганду, демагогию и средствами административной мобилизации населения.

Социологические исследования свидетельствуют о том, что эти явления — закономерное проявление длительного и противоречивого процесса разложения советского тоталитаризма. Мой опыт социолога заставляет меня думать, что такой процесс (в лучшем случае) может захватить несколько поколений, в худшем — обернуться неизбежной инволюцией и национальной деградацией страны, вызванной несостоятельностью общества. Для понимания текущих событий важно иметь в виду именно большие временные размерности в качестве исходной системы координат настоящего и перспективы оценок.

Между тем такая позиция вызывает неприятие, она противоречит установкам той части демократически ангажированной общественности, которая верит в свои возможности *скорого* изменения политической системы.

На своих публичных лекциях и в выступлениях я постоянно сталкиваюсь с очень характерными реакциями аудитории — с упреками в пессимизме и даже обвинениями в том, что я «торгую пессимизмом», с сетованиями на то, что мои оценки происходящего «угнетают», «демотивируют», навязывают чувство безнадежности, подавляют всякую готовность что-то сделать³.

---

³ Разновидностью этого же отношения являются вопросы: «Скажите, что надо делать?», «Есть ли возможность демократии в России?», «Когда она наступит?» и т.п. Мне приходится всякий раз возвращать вопрос тому, кто его задал, поскольку ответ зависит от него.

Я категорически с этим не согласен. «Пессимизм» — неправильное, по меньшей мере неточное слово. Предаваться пессимизму, с моей точки зрения, психологическая роскошь, непозволительная для нас. Скрытая слабость позиции тех, кто это говорит, состоит, на мой взгляд, в том, что значимость целей собственного действия (участия в общественной жизни, в протестах, в просветительской деятельности, в работе НКО, комментируя происходящее в фейсбуке и т.п.) остается непроясненной. И этот скрытый момент имеет важное значение. Он означает, что к утверждаемым нами ценностям, убеждениям добавляется принципиально иной компонент (наши интересы), имеющий иную природу, чем познавательная мотивация. Назвать это эгоизмом было бы, наверное, неправильно, но и не учитывать его нельзя. Девиз Школы — кантовское требование «Имей мужество пользоваться своим умом» — это не просто красивые слова, но и менее приятное требование трезво смотреть на мир, видеть реальность, отличную от наших идеалов, и достойно встречать свою судьбу. В противном случае встает вопрос: какова собственная, «настоящая» цена наших убеждений и ценностей, если мы исходим из их значения для «себя», так или иначе применяя их к себе, к сроку собственной жизни?

Вообще-то это старая религиозная или этическая дилемма: является ли добро добром, если ты каким-то образом или в какой-то степени заинтересован в добром поступке, или доброе поведение, дело, ценности (представление о прекрасном, истине, свободе и т.п.) могут быть только внутренним императивом, как утверждал Кант?

Это одна сторона проблемы, другая (не менее сложная) связана с двусмысленностью последствий чисто этического поведения. Юрий Трифонов, явно недооцененный у нас писатель, когда-то описал эти моральные ловушки в своем романе о Желябове и нардовольцах, назвав его «Нетерпение».

Нет оснований сомневаться в этической искренности и готовности к самопожертвованию таких людей, но отсутствие в сознании исторического измерения, то есть готовности принять в расчет *последствия своего действия* или последствия достижения своих целей, и приводит к непредвиденным последствиям своего поведения: к быстрому разочарованию, астении, депрессии. Либо,

Лекция 1. Предварительные замечания

напротив, толкает к идее радикального слома несправедливой системы, к насилию, которое, в свою очередь, порождает или восстанавливает репрессивный режим. Этот отказ от сознания ответственности (от исторической перспективы своего действия), от способности без иллюзий смотреть на происходящее в стране, не ожидая награды или наказания, по сути, и выражает характерную черту российского общества-государства: социальную ограниченность горизонтальных, межгрупповых связей, неспособность понимания интересов и ценностей людей, не таких, как мы сами.

Я хочу подчеркнуть тем самым опасность завышенных ожиданий, порожденных либо аберрацией зрения, либо недостаточностью средств анализа социальной действительности. Часто ригидность подобных представлений связана с тем, что для их обладателей верность таким взглядам оказывается более важной (для поддержания чувства собственного достоинства), чем осознание фактической стороны. Это особенно актуально на фоне прорыва накопившегося недовольства, протестных настроений и состояния эйфории у демонстрантов. А нам нужно долгое дыхание, поскольку историю не делают спринтеры.

Волны общественного воодушевления и разочарования слабо связаны с пониманием состояния общества и власти. Они питаются другими источниками — надеждами, иллюзиями, возмущением или чувством гордости и коллективного единства, в том числе верой в детерминированность демократического транзита России, на которой строились реформы начала 1990-х годов и их поддержка населением. Такие установки чрезвычайно устойчивы, поскольку они исходят из внутренних побуждений, а не из знания. Но именно поэтому они так важны для анализа особенностей российского общества и его взаимодействия с нынешним государством. Обратная сторона слепой веры в транзит — отчуждение от политики большей части населения, его конформизм, готовность терпеть, равно как и оппортунизм нашей интеллектуальной элиты, превращающей эти иллюзии в источник своего авторитета. И то и другое образует «нерасколдованную», нерефлексивную основу общественной культуры России, «бессознательное» общества, о которых я, собственно, и хотел бы говорить.

Парадигма транзита мне кажется сегодня устаревшей, а точнее, неадекватной в принципе. Сила ее заключается в том, что в ней слились как не проработанные остатки коммунистической веры в светлое будущее, инерция перестроечной идеологии, желание жить «как в нормальных странах» и русское авось. Убедительность этим иллюзиям придает и аналогия с (относительно) успешными преобразованиями в Восточной Европе: в Польше, Чехии, Венгрии, странах Балтии, прежних советских республиках. Но при этом упускается из виду, что успешный «транзит» в Восточной Европе проходил не на пустом месте, демократия в этих странах не была актом «творения» нового порядка из ничего. «Транзит» продолжал те тенденции, которые складывались задолго до 1989 года, до бархатных революций. Напомню о рабочих волнениях в Польше в 1956, 1967–1968, 1976–1977 годах и в 1980-м (закончившихся введением военного положения), о вооруженном восстании в Венгрии в 1956 году, подавленном нашим национальным героем Г. Жуковым, о Пражской весне 1968 года. Массовое участие в них (при поражении самих движений) меняло общественное сознание, становилось условием накопления опыта и радикального неприятия режима. Появление таких социальных форм самоорганизации общества, как КОС-КОР (Комитет защиты рабочих), профсоюз «Солидарность», членами которого были 10 миллионов из 37 миллионов жителей тогдашней Польши, никак нельзя считать случайным. Равно как и продуктивное влияние польской, чешской и венгерской эмиграции.

В чем суть этих движений, заложивших основу трансформации политических режимов, привнесенных в эти страны СССР после Второй мировой войны? Необходимой основой их успеха была гражданская солидарность, готовность терпеть тяжесть переходного периода реформ, скрепленная антисоветизмом (и не просто антисоветизмом, а антитоталитаризмом) и национализмом, ущемленностью национального чувства. В культуре этих стран сохранялись, воспроизводились образцы национальной государственности, утраченной в ходе завоевания этих стран Германией и последующей советской оккупации. Это чрезвычайно важные вещи для формирования демократии⁴. Наконец, немалое значение имела помощь Запада, поддержка этих движений, которая

Лекция 1. Предварительные замечания

невозможна, немыслима в нужных объемах для России, учитывая ее размеры и антизападные установки⁵.

В России опереться было не на что. События в Новочеркасске (1962), похожие на польские выступления рабочих, или национальные волнения в разных регионах (в Тбилиси, Абхазии, Узбекистане, Туве и других местах) не были (и не стали позже) фактом общественного сознания, люди ничего не знали о них. Поэтому такие аналогии России с восточноевропейскими странами здесь неоправданны и не очень уместны.

С моей точки зрения, «транзит», как и весь корпус связанных с ним понятий, заимствованных из чужого контекста и механически перенесенных на нашу почву, — «авторитаризм», «гибридный режим», «плебисцитарная демократия», — плохо работает, потому что у этих понятий совершенно другая концептуальная, идеологическая и институциональная основа. Они выработаны для описания и объяснения коллизий в обществах, отличных от России. Транзитологический язык непродуктивен в качестве средства описания и анализа текущих процессов в России, но очень практичен в качестве внутригрупповой коммуникации, средства поддержания консенсуса в среде с «демократическими» взглядами⁶. Убедительность его связана не с эффективностью в качестве инструмента

---

⁴ Имперскость русских оказывается крайне негативным фактором для развития национального сознания как условия демократии в России. Идентификация с имперскими ценностями подавляет плюрализм и общественную солидарность, на что много раз указывал Э. Паин в своих работах. Русский национализм имел и имеет великодержавный, консервативный характер, защитный по отношению к модернизационному и либеральному влиянию Запада. Подробнее: *Гудков Л.* Ресентиментный национализм // Вестник общественного мнения. 2014. № 3–4. С. 163–227.

⁵ Российская агрессивная антизападная пропаганда очень успешно дискредитирует необходимость широкого взаимодействия с западными демократиями, расценивая его как подрывные действия, разрушение традиционных ценностей и проч.

⁶ Пушкинское «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман» — в высшей степени точное социологическое описание этого механизма компенсаторной идентичности.

анализа, а со своим происхождением из словаря и языка западной политологии. Западная политология в этом плане служит критерием подтверждения «правильности» таких установок. В результате мы имеем не парадигму, которая объясняет происходящее, а символ веры: Россия будет свободной!

С моей точки зрения, эта проблема гораздо серьезнее, чем кажется. Конечно, она затрагивает наши средства познания, инструменты анализа социальной реальности, но главное — скрывает наши ценности, тот моральный базис, который определяет, мотивирует исследовательский и общественный интерес, необходимость и потребность знать. Я не хочу сказать, что ситуация безнадежна, в противном случае я не выступал бы здесь. Но быстрых изменений режима ждать не приходится именно потому, что по-настоящему мы не готовы что-то менять, не очень хотим, а потому не знаем, что делать. Пренебрежение мнениями людей, не таких, как мы сами, оставляет нас наедине с властью. Воспроизводится старая российская дилемма: революция либо «сверху», либо радикальным меньшинством без участия темных масс.

Отсутствие понимания демократами природы массового отношения к власти играет в этом далеко не последнюю роль. Это проблема. Ее нужно объяснять, осмыслить, что мы понимаем (хотим понять) и что мы не понимаем (не хотим понимать). Вместо этого идут бесконечные и пустые разговоры о правовом государстве, о демократии, оставляя в стороне реальные, повседневные нужды и интересы обычных людей, которые отвечают либералам той же монетой. В этом отказе от понимания заключается моральная ограниченность и слабость или бессилие российского либерализма. Либералы (к среде которых я принадлежу) не хотят замечать огромной инерции и массивности политической культуры, которые блокируют возможности изменений. А раз так, то их протест обречен на отсутствие массовой поддержки и неудачу.

Несколько слов о том, как дальше будет построен этот курс лекций.

Чтобы разобраться то, на чем базируется инерционность российского общества, слабо отделенного от парализующего его развитие государства, я собираюсь затронуть следующие темы: функции

Лекция 1. Предварительные замечания

бюрократии и легитимность социального порядка, что такое политика, чтобы затем перейти к проблематике распада советской системы или частичной ее регенерации при Путине. Но прежде чем начать разбираться с инерционностью, хотел бы кратко прояснить язык, с помощью которого можно анализировать сказанное, а именно, проблему тоталитаризма или, точнее, институтов, которые определяют воспроизводство социальной системы, а значит, культуры и человека специфического типа, сформированного этими институтами. И закончить собираюсь анализом антропологии российского общества, опираясь на материалы эмпирических исследований — социологических опросов общественного мнения, ведущихся командой Левады с 1988 года. В этих лекциях я буду использовать материалы работ Левады о «советском человеке»⁷ и свои собственные — прежде всего, сравнительно недавно опубликованные статьи «Вторичный, или возвратный, тоталитаризм» и «Советский человек» сквозь все режимы: 30 лет исследовательского проекта»⁸.

Но начну я с Макса Вебера (1864–1920), крупнейшего социолога и мыслителя XX века, намного опередившего свое время. Настоящее признание его идей (так называемого «веберовского ренессанса») пришло спустя полвека после его смерти, в 1970–1980 годах⁹. Вебер нужен мне для того, чтобы вместе с вами наметить понятийные инструменты для предстоящего анализа российской ситуации.

---

⁷ Левада Ю. От мнений к пониманию. М.: МШПИ, 2000; Левада Ю. Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006.

⁸ Вторичный, или возвратный, тоталитаризм // Вестник общественного мнения. 2018. № 3–4 (127). С. 207–257; «Советский человек» сквозь все режимы: 30 лет исследовательского проекта // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М.: НЛО, 2021.

⁹ Я довольно много занимался им в свое время, еще тогда, когда в СССР мало кто знал это имя. На занятия им меня поставили Ю. Левада и мой учитель М. Виткин, когда я еще студентом пришел к ним работать в отдел теории и методологии Института социологии. Но сегодня в России потихоньку начинают если не изучать его, то хотя бы переводить. В 2020 году в мире отмечали столетие со дня смерти Макса Вебера.

Лекция 2.

Макс Вебер: позиция ученого в ситуации кризиса

Вернусь к тому, с чего я начал, — с «диагноза нашего времени». Состояние, в котором мы оказались сегодня: резкое усиление реакционных тенденций в эволюции страны, чувство подавленности и депрессии, вызванное расширяющимися масштабами репрессий, цензуры, агрессивной внутренней и внешней политики, антилиберальной демагогией властей и проч., не уникально. Такое положение не раз возникало в интеллектуальной истории разных современных обществ. Понимание причин, приводящих к нему, как и выходов из него, дает если не силы, то, по крайней мере, освобождает от инфантильно-эгоистической заикленности на переживании безысходности и отчаяния. Примером тому и служит Макс Вебер. Почему именно он? Мой выбор определяется двумя соображениями: наши политологи хватаются за работы тех авторов, которые сегодня в ходу в западных науках, но они не соответствуют реалиям нынешней России. Их модели и концепции могут быть более сложными или менее сложными, но они ориентированы на решение задач, которые еще не актуальны для России. Для них многие вещи, еще не тронутые отечественной мыслью, представляются аксиоматическими или давно усвоенными. Напротив, российская ситуация в интеллектуальном плане оказывается в определенном резонансе с теми проблемами, которые ставились когда-то отцами-основателями социальных наук — в момент распада старого порядка и появления совершенно новых явлений и отношений. То, как они решали эти проблемы, на мой взгляд, для нас сегодня гораздо важнее, чем эпигонское следование последней моде в этой сфере.

Положение, в котором Вебер оказался к 1918 году, очень драматичное: поражение Германии в войне, повлекшее за собой крах империи, самого сильного в Европе государства, появившегося на карте менее 50 лет назад. Тяжелейший шок страны, очень быстро развивавшейся в предшествующие десятилетия и в промышлен-

Лекция 2. Макс Вебер: позиция ученого в ситуации кризиса

ном, и в социальном плане, переживавшей бурный рост национального самосознания, гордости за военные, культурные, научные и экономические достижения. Страны с действующим парламентом, правовым государством, плюрализмом политических партий, с рабочим и пенсионным законодательством (кстати, первым в истории).

Несправедливый характер Версальского договора, возложившего вину за войну и ее последствия только на Германию, обострил проблематику национального достоинства и поиск государственной модели будущего страны. Развал социальных и политических институтов на фоне тотального обнищания и общей дезориентированности, угроза гражданской войны, радикализация политических маргиналов, нетерпение молодежи, которой хочется идеалов, позитивного целеполагания, — такова ситуация, в которой Вебер ставит свой диагноз. По его мнению, возникает опасность не просто революционного авантюризма и путчизма (как левого, спартаковского, так и крайне правого), но и усиления того, что чуть позже получит название «тоталитарных движений», стремления к насильственному захвату власти и попыток осуществить утопическое преобразование действительности, вопреки имеющимся в наличии расстановкам сил, воплотить в жизнь свои групповые идеологические проекты и фантазии, готовность к «решению всех проблем сразу».

Эта смесь дилетантизма, прожектерства и жестокости, пренебрежения к жизни других людей представляется Веберу иррациональной и самоубийственной. Такое понимание возникло у него не на пустом месте — он много занимался анализом событий обеих русских революций, написал несколько больших работ о событиях 1905 года¹⁰, в которых довольно резко отзывался о Ленине и большевиках

---

¹⁰ «К положению буржуазной демократии в России» (февраль 1906), «Переход России к мнимому конституционализму» (август 1906) и ряд газетных статей в 1917–1919 годах. Одна из этих работ была немедленно переведена на русский язык и издана в том же году в Киеве, но тираж ее сразу же был конфискован полицией. Вебер изучал русский язык с русскими студентами, которые потом стали очень известными людьми в российской истории,

и о русских кадетах, собирался написать большую работу об этике Льва Толстого. Именно осмысление русского опыта заставляет его с особым вниманием относиться к безответственным действиям политических лидеров и партий в Германии. Он довольно мрачно смотрит в завтрашний день, говоря, что предстоит «полярная ночь ледяной стужи и суровости», пережить которую спустя десять лет удастся немногим. Понятно, что он еще ничего не знал о нацизме, но самые общие контуры этой опасности он видел уже тогда.

Осенью и зимой 1918–1919 годов Вебер читает несколько лекций в Мюнхене и Вене перед разной аудиторией, прежде всего перед студентами. Две из них, «Политика как призвание и профессия» и самая знаменитая «Наука как призвание и профессия», стали классическими образцами позиции ученого по отношению к обществу¹¹. Были и другие важные публичные лекции этого года (например, «Социализм», которую он прочел офицерам), а также большие статьи «Парламентаризм и демократия», «К политической критике чиновничества и партийной жизни», но нам сейчас важна именно «Наука как призвание и профессия».

Вебер выступил с очень жестким анализом ситуации, расходившимся с настроениями тогдашней немецкой молодежи: жаждой реванша, мечтаниями о новой жизни, требованиями коренных изменений в политике с опорой на национальные ценности и традиции, что должно было бы сохранить героический дух аристократизма в политике против плебейской культуры масс (олицетворяемой как коммунистами, так и социал-демократами), а также

участниками и авторами, группировавшимися вокруг знаменитого международного (и русского) журнала «Логос». Многие авторы «Логоса» (например, известный правовед, философ, социолог Б. Кистяковский) были студентами Вебера, Г. Риккерта и др.

¹¹ Weber Max. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1968. S. 582–613; Weber Max. Gesammelte Politische Schriften. 3. Aufl. Tübingen, 1971. S. 505–560. Обе переведены на русский язык (Вебер М. Избранные произведения / Пер. П. П. Гайдено и А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990. С. 644–735). «Наука как призвание и профессия» была опубликована с некоторыми сокращениями еще в 1978 году в сборнике Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) «для служебного пользования».

против «буржуазной демократии». Выступления в печати Вебера вызывали негативную реакцию со стороны как «патриотически» и националистически настроенного правого студенчества, так и левых сторонников революционных преобразований. Против Вебера проходили демонстрации студентов, правой националистической молодежи.

Много позднее, уже после смерти, его одинокая человеческая позиция была охарактеризована как героический стоицизм.

Такая реакция объясняется тем, что, строго говоря, Вебер выступил против доминирующих в этот момент философских и мировоззренческих установок, на которых основывалась немецкая академическая культура, конституированная идеей университета, объединяющего образование и научные исследования¹².

Немного истории для понимания интеллектуального контекста этой проблематики.

Названная модель университета — нового в сравнении с традиционным, средневековым — была выдвинута в 1809 году Вильгельмом фон Гумбольдтом и предполагала преподавание дисциплин, которые предназначены служить свободному *самообразованию* человека как гражданина национального государства. Государство же со своей стороны гарантировало университету финансирование и определенную академическую автономию, обещая не вмешиваться в процесс обучения и исследований¹³. Отдельные науки должны были подводить к общему мировоззрению, которое завершала философия. Она должна была аккумулировать, обобщать и венчать эту сумму знаний как искомый смысл мировой истории (что-то вроде конечной фазы гегелевской диалектики Абсолютного

---

¹² Эта идея была заимствована позднее в Америке, ставшей после войны ведущей современной страной.

¹³ Разумеется, эти гарантии были условны, так как профессора считались государственными чиновниками высокого класса, то есть государство контролировало их назначение в соответствии со своими интересами и идеологическими установками. Так, например, очень влиятельный социолог и философ Георг Зиммель почти до конца жизни не мог стать профессором из-за своего еврейского происхождения, несмотря на рекомендации М. Вебера, Г. Риккерта и других авторитетных немецких ученых.

духа). Таким образом, предназначение университета определялось как идея воспитания национально ответственного гражданина, а не просто подданного. Почему гражданина? Потому что государство (в Германии) в начале XIX века мыслилось как институт, воплощающий национальные ценности, символизирующий национальную честь, авторитет, престиж, солидарность и защищающий их. Напомню, что сама Германия в это время состояла примерно из 300 отдельных мелких княжеств и государств, среди которых выделялась Пруссия с ее быстрым промышленным развитием и началами модернизации. В культуре немцев еще сохранялась память о Священной Римской империи германской нации, о Карле Великом и Фридрихе Барбароссе как о великих политиках, прообразах создателей единой Европы. И университет был предназначен реализовать идеальный проект национального единства немцев на основе общей культуры («немецких классиков в шкафу и немецкого императора на троне», как позднее напишет историк литературы Р. Гримм)¹⁴. В утопическом смысле государство поэтому воспринималось как «братство любви» — не племенная общность, а политическое и культурное единство, сообщество единомышленников. Это не идея Французской республики — равноправных в политическом и социальном плане граждан, а в первую очередь единство ценностей, культуры, веры в великую миссию немцев. К концу XIX века именно сообщество граждан, бюргеров (Bürgertum), патрицианской буржуазии (см. «Будденброки» Т. Манна), мыслилось в Германии в качестве носителей высшей национальной культуры, оттеснивших на второй план традиционную сословную аристократию, прежде всего прусское юнкерство. По крайней мере, так было в понимании М. Вебера, видевшего в этом долг и предназначение немецкой буржуазии¹⁵. Идея немецкого государства в то время — этически очень нагруженный предмет мысли, это не просто

---

¹⁴ Die Klassik-Legende / Hrsg. von Grimm R., Hermand J. Frankfurt a.M., 1971. Можно вспомнить в этом ряду и патристические «Речи к нации» Фихте.

¹⁵ Вебер, безусловно, был националистом, однако, в отличие от многих консерваторов, не считал, что можно говорить о превосходстве той или иной культуры над другими.

Лекция 2. Макс Вебер: позиция ученого в ситуации кризиса

машина господства над подданными. Университет и должен был создать или воссоздать из саксонцев, пруссаков, ганноверцев, баварцев и других немцев единый народ, преодолевающий свою относительную отсталость (в сравнении, конечно, с Великобританией и Францией). Примечательно, что немецкое слово «образование» (*die Bildung*) имеет в своей семантике и происхождении религиозные (протестантские) истоки: образование человека по образу (*das Bild*) и подобию божьему. В русском языке эти коннотации либо исчезли, либо и не возникали, поскольку, скорее всего, само понятие образования было заимствовано из немецкого языка вместе с завозом немецких профессоров при создании Академии Петром I.

Политика Бисмарка по консолидации немецких земель и победа над Австрией, а затем над Францией в 1871 году, провозглашение империи (*das Reich*) убедили немцев в правильности этих идей и очень подняли их в собственном мнении¹⁶.

Этим концепция немецкого университета принципиально отличалась от английской модели элитарного воспитания, готовящего имперскую элиту Британии, или от французского университета, готовящего чиновников к государственной службе.

Но к концу XIX века и особенно уже после Первой мировой войны эта философия и идеология университета подверглась внутренней эрозии и почти распалась. Обнаружилась ее несостоятельность, поскольку вместе с прогрессом науки, в первую очередь естественных наук, давшим сильнейший импульс технологическому и промышленному развитию, вместе с эволюцией экономических и исторических наук, с утверждением позитивного права, этнографии, социологии пришлось признать, что каждая дисциплина все сильнее следует собственной логике развития и чем дальше, тем все более важную роль играет внутренне обусловленная дифференциация научных исследований. Философия уже не могла

---

¹⁶ Вспомним слова, приписываемые Бисмарку: «Прусский учитель выиграл сражение при Садовой». В 1866 году прусская армия разгромила австрийцев, что положило конец спорам о доминировании Пруссии и Австрии в зоне немецкого наследия германской империи.

охватить своим методом все пространство умножающегося знания. А вместе с этим размывалась просвещенческая идея философии как единства Разума или как венца других наук, суммы дисциплин, объединяющей корпус знаний для воспитания гражданина. Другими словами, единый космос знаний распался¹⁷.

И это произвело довольно тяжелое впечатление на первых этапах модернизации. Предвестником этой утраты философского (эпистемологического) единства оказался Ф. Ницше и мыслители, учитывающие его опыт критики культуры.

То, что М. Вебер почувствовал и осознал, может быть, раньше других, было развернуто в основном уже после его преждевременной смерти¹⁸. Не случайно в это время (условно — период 1910–1930 годов) вышла масса публикаций, обозначивших кризис (христианской) морали или конец самой Старой Европы. Назову известные: «Ресентимент в структуре моралей» М. Шелера (1910), «Введение в психоанализ» З. Фрейда (1915–1917), «Закат

---

¹⁷ Можно сказать, что конец эпохи европейского Просвещения означал уход не только идеи единства и универсализма знания, последних остаточных форм средневекового универсума, но и условия для радикальной революции в философии и методологии науки, начавшейся в 1920–1960-х годах (идеи релятивизации знания, его зависимости от позиции исследователя, всего того, что позже дало толчок теориям научных революций Т. Куна, критического рационализма, коммуникативной этики и рациональности и многого другого). У Вебера осознание этого вызова стало поводом для принципиально новой методологии социальных наук: «понимающей социологии». Он, в отличие от ранних концепций — систем социологии (О. Конта, Г. Спенсера и даже его современника Э. Дюркгейма и других), — выдвинул новый принцип: требование строить системы объяснений, исходя из принципа «понимания» действующих, схватывание субъективного смысла их действий, конкретной мотивации их поведения. А это означало, что никакого «объективного» значения происходящих процессов («материализма исторических процессов» в духе Маркса) не может быть; что нам для того, чтобы иметь возможность анализировать значение актуальных событий, необходимо «понимать» самих акторов, участников взаимодействия, выводить из их перспективы и оценок ситуации каузальные следствия; что то, что представляется здравому рассудку обывателя в качестве «объективных сущностей» и безличных сил, — государство, нация, право, экономика, война, политика и т.п. — суть не более, чем устойчивые взаимодействия людей.

Европы» О. Шпенглера (1918–1922), статья «Философия как строгая наука» Э. Гуссерля (1911) и его работа «Идеи к чистой феноменологии» (1913), развернутые позже в фундаментальный труд «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (1936); «Старая и новая политика» (1914), «Тема нашего времени» (1923), «Дегуманизация искусства» (1925), «Восстание масс» (1930) Х. Ортеги-и-Гассета. С другой стороны, появилось множество сочинений, манифестов, авторы которых провозглашали ценность иррационального упоения силой, войной, коллективным слиянием, растворением субъекта в массе (например, сочинения Э. Юнгера «Борьба как внутреннее переживание» (1920) (другие варианты перевода — «Бой», «Схватка»), «В стальных грозах» (1922), «Рабочий. Господство и гештальт» (1932), «Тотальная мобилизация» (1932) и др.) или утверждения расового превосходства (антисемитского и антиславянского толка), описания экзистенциалистского опыта одиночества, абсурда, бессмысленности и бесчеловечности. Можно добавить сюда и первые сочинения Ф. Кафки: «Приговор», «Превращение», «Замок» (1912–1915), или позже — роман Э. М. Ремарка «На западном фронте без перемен» (1929) и другие.

Все это происходило чуть позже, чем рассматриваемый момент, 1918–1919 годы. Границы времени интеллектуальной работы и ее драм условны; течение времени — разное для разных групп и индивидов. В как бы одно состояние мысли, мировоззрения, восприятия реальности разные люди входят не синхронно.

Во всяком случае, в той ситуации в Германии, в которой осознал себя Вебер, ощущение социального и институционального распада было чрезвычайно острым. И столь же острой возникала проблема позитивных идеалов, веры, ориентиров. Выход виделся в

Методологическое требование «понимать» меняет всю оптику восприятия действительности. Для нашей либеральной публики этот принцип оказывается слишком трудным — видеть то, что «противоречит нашим взглядам», она не хочет (или не может, что в данном случае то же самое). Отсюда — слабость социальной поддержки и политическая самоизоляция.

¹⁸ Он умер в июне 1920 года от испанки, эпидемия которой свирепствовала тогда в Европе.

поисках новой идеологии, идеала нового национального сообщества, не империи, как это было до этого, а национального сообщества, в том числе и расового типа, что отчасти можно рассматривать как жажду реванша после поражения Германии в войне.

Вебер выступил с очень жесткой позиции, противоречащей не только предшествующим основаниям немецкой науки, но и тем «романтическим» порывам в политике (у правых, у левых, коммунистов, спартаковцев, а также тех, кто позже примкнул к течению «консервативной революции» и к нацистам), которые ему представлялись безответственными и дилетантскими.

Еще до войны в ходе заседаний немецкого Союза по социальной политике он выступил в дискуссии 1910–1911 годов, получившей историческое название «Спор о методах», с резкой критикой позиции «исторической школы», возглавляемой Г. фон Шмоллером, авторитетной и очень распространенной тогда в исследованиях народного хозяйства. Шмоллер считал, что экономическая наука — это по своим методам историческая дисциплина, которая, руководствуясь определенными *практическими* ценностями, собирает материал, извлекая из него, из отдельных примеров и данных, положительные выводы и рекомендации государству для проводимой им политики. Г. фон Шмоллер возглавлял направление, объединявшее либеральных профессоров и ученых, сторонников социально-этической политики, которое получило ироническое название «Kathedersozialismus» — «кафедральный социализм». Проповедование государственного социализма сводилось к провозглашению необходимости руководства государством (бюрократией) хозяйственного и политического процесса, в том числе проведения определенной национально ориентированной экономической и социальной политики, включая разработку рабочего законодательства, санитарно-гигиенических регламентов и проч. Роль ученого в этом плане заключалась в том, чтобы вносить «на научной основе» ценности, оценивать действительность, способствуя прогрессу и мирной эволюции страны.

Вебер уже тогда полемически отреагировал на подобные декларации, противопоставив им принцип «свободы от ценностей» в научных исследованиях¹⁹. Но в 1918 году его позиция стала еще более

определенной и жесткой. Он заявил, что наука в современном мире утратила прежний статус приоритетного пути к свободе, к добру, к знанию. Наука сегодня, говорил Вебер, не является ни путем к счастью, ни к добру, ни к построению свободного общества. Мы знаем, что искусство может быть прекрасным, но не добрым, что доброе — безобразным, что истина не связана ни с тем, ни с другим²⁰.

Наука стала профессиональным производством знаний. Это производство знаний ради знаний, а «производство знаний не имеет конца». То есть такая установка предполагает внутренний парадокс для тех, кто занят в науке и предан самой науке: смысл науки, как ни странно, заключается для них в том, чтобы знания, которые производят ученые, исследователи, как можно быстрее устарели.

---

¹⁹ Этот принцип понимается у нас чрезвычайно вульгарно, как требование занять некую беспристрастную позицию по отношению к актуальным событиям или историческому материалу. Вебер считал это нереальным или демагогией. От ценностей нельзя «освободиться», они составляют существо личности человека, ученого, политика, общественного деятеля или группы, политического движения. Ценности — суть направляющие, регулятивы познавательного интереса, они играют очень важную роль в познавательной деятельности, будучи принципами отбора материала важного от незначимого, своего рода «лучом прожектора», направляемого на эмпирическую действительность. Именно поэтому они должны быть *эксплицированы*, чтобы было ясно, с какой позиции идет селекция значимого по отношению к поставленной проблеме материала. В этом плане Вебер различал процедуру «отнесения к ценности» и практические ценностные высказывания, *оценки*. То, что Вебер считал недопустимым в науке, — это как раз суть позиции Шмоллера: вынесение *практических оценок* эмпирическим фактам, то есть занятие определенной позиции при установлении причинных или функциональных связей и интерпретаций материала, в том числе вынесение этических или эстетических, религиозных или моральных, политических суждений, производимых под влиянием определенных интересов. На русском языке с этой методологической работой Вебера («Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке») можно ознакомиться в сборниках: *Вебер М. Избранные произведения* / Пер. М. И. Левиной. М.: Прогресс, 1990, или в книге: *Вебер М. Понимающая социология* / Пер. М. И. Левиной. М.: АСТ, 2021.

²⁰ То, что это так, свидетельствует уже искусство экспрессионистов 1910–1920-х годов, живопись, кинематограф (например, «Андалузский пес» Л. Бунюэля и С. Дали), литература и даже музыка.

В этом заключается, собственно, ход ее истории. В современном мире разомкнулась традиционная связь знания, истины, мудрости, доброты и красоты, берущая начало в античной философии. Утратив философское обоснование знания, наука (как и политика, искусство, экономика или религия) стала автономной от других институтов, но перестала быть источником экзистенциальных смыслов человеческого существования²¹.

А что тогда может наука?

Во-первых, наука разрабатывает техники овладения жизнью — как внешними вещами, так и поступками людей. Во-вторых, она создает методы мышления, инструменты анализа и объяснения. Но это, по мнению Вебера, менее значимые ее достижения. Главное — она «содействует в обретении ясности»²².

Наука, если отвлечься от ее вклада в развитие технологий, может *помочь* человеку осмыслить свое положение в мире, дать себе трезвый, рациональный отчет в том, *что мы можем, а что — нет*. В этом заключается важнейшая роль науки. Она — главный агент в процессе рационализации действительности, «расколдовывания», секуляризации и демифологизации реальности, прояснения условий человеческого существования. Она — движущая сила процесса, который определяет происходящее в современном мире²³.

---

²¹ «Какой человек откажется “научно опровергнуть” этику Нагорной проповеди, например, заповедь “непротивления злу” или притчу о человеке, подставляющем и левую и правую щеку для удара? И тем не менее ясно, что здесь, если взглянуть на это с мирской точки зрения, проповедуется этика, требующая отказаться от чувства собственного достоинства. Нужно выбирать между религиозным достоинством, которое дает эта этика, и мужским достоинством, этика которого проповедует нечто совсем иное: “Противься злу, иначе ты будешь нести свою долю ответственности, если оно победит”. В зависимости от конечной установки индивида одна из этих этических позиций исходит от дьявола, другая — от Бога, и индивид должен решить, кто для него Бог и кто дьявол. И так обстоит дело со всеми сферами жизни» (Вебер М. Избранные произведения. С. 726).

²² Вебер М. Избранные произведения. С. 739.

²³ Schluchter W. Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus. Eine Analyse von Max Webers Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1979; Tenbruck F.-H. Der Fortschritt der Wissenschaft als Trivialisierungsprozess; Tenbruck F.-H. Die

Лекция 2. Макс Вебер: позиция ученого в ситуации кризиса

Но все это означает, что изменилась позиция человека: этически он больше не может успокаивать себя тем, что его знания, убеждения и верования значимы больше, чем «низкая действительность», что мы *обязаны* отдавать отчет в своих действиях и взглядах, а значит, быть ответственными за свои иллюзии, надежды и веру. Единый космос средневекового мышления распался уже в результате работы Просвещения, но процесс интеллектуализации жизни, конечно, на этом не мог остановиться.

В итоге мы имеем дело с плюрализмом порядков ценностей и верований, конкурирующих между собой за признание человеком. Выбор за нами — какому «богу» или «демону» служить, какими ценностями руководствоваться. Нельзя сказать, что ценности немецкой культуры выше английской, французской, русской или какой-то другой культуры²⁴. Ценности, или культуры, не иерархичны, они — значимы²⁵, и мы как думающие и духовные существа выбираем, каким из них следовать²⁶.

---

kulturellen Grundlagen der Gesellschaft. Der Fall der Moderne. Opladen, 1990. S. 143–174.

²⁴ «Судьба культурной эпохи, “вкусившей” плод от древа познания, — необходимость знать, что мы не можем извлечь смысл происходящего в мире из сколь угодно совершенных результатов его исследования, а принуждены к тому, чтобы быть в состоянии создавать его самим, что “мировоззрения” никогда не могут быть продуктом прогрессирующего эмпирического знания, что самые высокие идеалы, которые сильнее всего движут нами, во все времена формировались в борьбе с другими идеалами, которые для других людей так же священны, как наши — для нас» (*Weber Max. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1968. S. 154*).

²⁵ Немецкое понятие «ценность» (*das Wert*) не имеет предиката «существования», его модальность — быть *значимым*, быть признанным, иметь силу признания, выражаемую модальным глаголом *gelten*. Оно также используется в экономике, но в русском переводе передается как «стоимость». Но это одно и то же семантическое образование: в смысловом отношении выражение «моральный долг требует», «закон вступил в силу» (*gilt*) и «это стоит» использует одно и то же слово. Важно лишь признание силы, значимости какого-то семантического компонента для нас, как и для других действующих субъектов, его воздействие на нас.

²⁶ «Трансцендентальной предпосылкой всякой науки о культуре является не то, что мы определенную или вообще какую-либо “культуру” находим

Веберовская позиция важна для нас своей трезвостью, тем, что можно назвать «интеллектуальной честностью» или «интеллектуальной порядочностью», сопротивлением (в общем-то, понятной) склонности к надеждам, упованиям на лучшее будущее. Дело социальной науки — фиксировать «то, что есть». Разумеется, это не означает запрет на выражение своего личного отношения к происходящему, как эпигоны нередко трактуют его принцип «свободы от ценностных суждений» или требование воздержания от практических оценок (что такое хорошо, что такое плохо, допустимо, морально или нет). Дело в необходимости разведения этих плоскостей деятельности, не путать одно с другим.

В этих тезисах скрыто критическое отношение как к историческому материализму (научному обоснованию классовой борьбы и определенному мировоззрению), так и к любым другим идеологиям, мимикрирующим под науку (расовые теории, евгеника и проч.).

Но если это так, то это означает, что иерархическое представление о знании ушло или, точнее, что мы не можем претендовать на абсолютную истину, поскольку это было бы проявлением не просто догматизма, но и авторитарного насилия по отношению к другому, не разделяющему наши представления. Время однозначной веры («вера есть уверенность в невидимом», как проповедовал ап. Павел) окончательно прошло.

Отсюда важнейшим методологическим императивом в социальных и исторических науках становится чисто социологический принцип — осознание многообразия мотивов, интересов, идей, которыми руководствуются другие люди, требование *понимания*

ценной, а то, что мы — культурные люди, одарены способностью и волей сознательно занимать позицию по отношению к миру и наделять его смыслом» (там же. С. 180).

²⁷ Поэтому Вебер был основателем новой, «понимающей социологии», основанной на методологии «понимания» смысла действующих. Согласно этому принципу, любые «объективные» образования — государство, церковь, право и т.п. — существуют лишь как формы взаимодействия людей, которые вкладывают в свои действия определенный смысл, понимаемый другими участниками взаимодействия. И если наука хочет быть эмпирической, она

другого²⁷. Плюрализм в этом плане не означает релятивистского отказа от собственных убеждений, напротив, он предполагает осознание расхождений и значимости собственных представлений. Или, другими словами, отказ от понимания других является уже не просто глупостью или идиотизмом, а нравственно ущербным состоянием.

Интеллектуальная ответственность приобретает статус императива. «Отсутствие дистанции по отношению к изучаемому предмету должно быть осуждено, так же как и отсутствие дистанции к человеку»²⁸. Еще раз подчеркну значение этого тезиса, крайне важного в условиях современной России: наука не может быть оправданием права на господство, на политический или иной социальный авторитет, на особую позицию истины или нравственности.

Почему доклад Вебера называется «Наука как призвание и профессия»? При переводе с немецкого приходится использовать два слова вместо одного: *der Beruf* — это и «призвание», и «профессия». Профессия — это то, чем занят, над чем работает специально обученный работник, квалифицированный специалист в своем деле, за что он получает оплату, что составляет его социально-ролевое отличие от других людей и работников. Корень здесь *rufen*, от глагола *rufen* — звать. Вместе с тем «призвание» имеет отчетливые религиозные корни (ср. евангельское «много званых, но мало избранных»), призыв к соблюдению императивного завета, договора с богом, исполнению тех заповедей, которые выдвигает религия, в данном случае — исполнению своей предназначенной роли в жизни, в добросовестном труде как условию будущего спасения. Поэтому идентификация человека со своим трудом предполагает,

---

должна исходить из возможности понимания акторов и выстраивать свои конструкции только из этих смыслов, не привнося туда своих оценок.

²⁸ «Сегодня наука — это профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей, а вовсе не милостивый дар провидцев и пророков, приносящий спасение и откровение, и не составная часть размышления мудрецов и философов о смысле мира. Это, несомненно, неизбежная данность в нашей исторической ситуации, из которой мы не можем выйти, пока остаемся верными самим себе» (*Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. 1. Tübingen. S. 14*).

что он видит в работе не только возможность заработка, но и «служения делу», которое становится частью его внутренней жизни и судьбы, условием его самореализации. От этого зависит его самооценка, уважение к себе, личностная идентичность и признание со стороны других людей.

Такой отказ от надежды на совершенный мир, на полное преобразование жизни был воспринят как культурный или научный пессимизм. Что было неверным. «Одной только тоской и ожиданием ничего не сделаешь, и нужно действовать по-иному: обратиться к своей работе и соответствовать “требованию дня” — как человечески, так и профессионально»²⁹.

Современная наука, как я уже говорил, это производство специализированного знания, не дающее ни путей к спасению, ни к достижению лучшего общества³⁰. Такой диагноз трудно вынести. Наука может лишь *помочь* человеку дать отчет себе в той ситуации, в которой он находится. «Судьба нашей эпохи с присущей для нее рациональностью и интеллектуализацией (и прежде всего, расколдовыванием мира) заключается в том, что как раз предельные и самые возвышенные ценности ушли из общественной сферы либо в потустороннее царство мистической жизни, либо в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу. Не случайно наше самое высокое искусство интимно, а не монументально; не случайно сегодня только внутри самых малых групп или тесных кругов личного общения, от человека к человеку, пиа-ниссимо, пульсирует нечто, что раньше буйным пожаром, пророческим духом проходило через большие общины и сплывало их»³¹.

---

²⁹ Вебер М. Избранные произведения. С. 734.

³⁰ «Если наука что и может сделать, так это скорее убить веру в то, будто вообще существует нечто такое, как “смысл” мира!» (Вебер М. Избранные произведения. С. 717–718). В этом Вебер следует Л. Толстому, считавшему, что наука лишена смысла, поскольку она не может ответить на самый важный вопрос в нашей жизни: что нам делать, как нам жить? Вебер здесь ставит вопросы, которые позже будут постоянно прорабатываться экзистенциализмом.

³¹ Weber M. Wissenschaftslehre. S. 612; Вебер М. Избранные произведения. С. 734.

Лекция 2. Макс Вебер: позиция ученого в ситуации кризиса

Позиция Вебера отражала важнейшую особенность немецкой культуры: протестантское отношение к самому себе, основанное на методическом самоконтроле, и требование ясности, самоотчета о своем положении и действиях. Истоки этого сводятся к тезису «спасения верой» (исходной идее Лютера, усиленной затем Ж. Кальвиным и другими протестантскими вероучителями). В отличие от практики католической церкви, обещающей спасение через послушание церкви, следование ее предписаниям и соблюдение всех необходимых ритуалов, почитание святых, в протестантизме нет гарантий религиозного избрания, то есть обещаний предопределенности спасения. В истоке (в кальвинизме) верующие не знают, кто избран, а кто нет. И только по косвенным признакам, таким как результаты своей жизни (прежде всего, по плодам своего труда, успехам в работе, появлению благосостояния), человек может догадываться (точнее сказать, обнадеживаться верой в свое будущее), предопределен он к спасению или нет. Это не подтверждение, но все же некоторые признаки благословения (успеха) могут проявляться в его жизни.

Тем самым возникает необычное для традиционных культур представление о целостности индивидуальной жизни, выстраиваемое «с конца», с представления о балансе добродетельных и греховных действий в течение жизни. Поэтому концептуально вся жизнь протестантского верующего направлена на методическую само-рефлексию, постоянный самоотчет и контроль над своим поведением³². Трезвость и отказ от обнадеживающего или воодушевляющего самоупоения, романтического иррационализма становятся важнейшей чертой ответственного отношения к себе. В конечном счете институционализация этого сознания через закрепление этих субъективных практик в системе повседневных норм, отношение к работе, обучение в школе, через среду воспитания, формы социализации и фиксации этого в артефактах культуры привела к

---

³² В истории протестантской литературы есть замечательные примеры — материалы так называемых *conduct books*, нечто вроде бухгалтерских книг доходов и расходов своих поступков или дневников, которые обыватели вели по своей воле, заноса туда ежедневные записи о своих действиях.

появлению и формированию современного человека — активного, ответственного и рефлексивного, практически ориентированного, а значит, включенного в многообразные социальные отношения. Не мистик и не созерцатель.

Связи с религией, с трансцендентной сферой постепенно ослабли, но остался специфический тип человека, постоянно контролирующего себя, трезво оценивающего свое поведение, исходя из своих представлений о сумме достойных и недостойных действий, подводимых общим итогом в конце жизни. Речь не о сентиментальной «совестливости» (русской психологической черте), а о довольно жестком (почти аскетическом в своей трезвости) отношении к себе, при котором единственное основание для оценки — это необходимость смотреть на себя, исходя из конца собственной жизни, из подступающей смерти, оценивать себя, исходя из большой временной перспективы³³. Так появляется идея обзорности, целостности своей жизни, биография как идея оформленной прожитой жизни, а затем и современная автобиография, что-то вроде внутреннего аналога исповеди, но не перед внешним служебным авторитетом (священником), а перед самим собой. Из конца жизни мы реорганизуем свою жизнь, подчиняя ее требованиям религии, а с неизбежной секуляризацией действительности, обмирщением жизни — и императивам этики³⁴. Вебер это называл «служением делу». Подобная идея и рефлексивная практика появляются лишь в западной культуре, и там, где они возникают, рождается современный человек. Конечно, в современности, в условиях секуляризации религиозные значения либо полностью стерты, либо не сознаются, не маркированы специально, а представляют собой повседневные нормы одобряемого поведения. Но это значит, что они стали рутиной в практиках воспитания в семье, в школах,

---

³³ В одном из писем Вебер пишет, что он ненавидит в немцах все, что не прошло школу сурового аскетизма.

³⁴ Побочными следствиями этого отношения к себе оказываются, с одной стороны, невротическая личность, с другой — ханжество и лицемерие, жестокость к ближним, представленные, например, в фильмах И. Бергмана («Фанни и Александр», «Земляничная поляна» и др.).

в институциональных отношениях работника и работодателя, полицейского и обывателя, в семейном укладе, в чертах «национального характера» (немец дисциплинирован, аккуратен, трудолюбив, добросовестен, немец — это порядок)³⁵.

Я рассказываю о Вебере для того, чтобы сравнить его позицию с совершенно другой этической традицией, представленной в русской культуре. Буду опираться здесь на работу «Православная этика и материя коммунизма»³⁶, написанную Д. Б. Зильберманом, человеком очень талантливым и фантастически эрудированным, трудоспособным, но рано погибшим. Не так давно она была издана на русском языке, хотя написана в Америке еще в 1977 году. Давид Зильберман (Эдик) был аспирантом Юрия Левады, но после разгона Института социологии в 1972 году не смог найти работу и вынужден был уехать. Работа чрезвычайно интересная и глубокая, как и ряд других его трудов, в частности, по анализу и типологии традиции в культуре³⁷.

Зильберман начинает свою книгу с цитирования стихотворения Блока. Я тоже позволю себе его привести:

*Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.*

*Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.*

---

³⁵ Социологические межстрановые исследования показывают, что в северных протестантских странах самый низкий уровень коррупции, самые высокие показатели солидарности, доверия, и межличностного, и институционального, а также участия в общественных делах разного рода — от благотворительности до политического.

³⁶ Зильберман Д. Б. Православная этика и материя коммунизма. СПб.: Издательство И. Лимбаха, 2014.

³⁷ Зильберман Д. Б. К пониманию культурной традиции. М.: РОССПЭН, 2015.

*Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.*

*А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.*

*И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,*

*И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.*

Два момента выделю в этом стихотворении (интерпретация, которую в свое время предложил Зильберман): посещение храма, моление и бытовое поведение, грубость, распущенность, обман.

Зильберман возводил эти особенности поведения — двоемыслие, обрядоверие — к византийской традиции исихазма, возникшей в XIV веке и позже (в XV–XVI веках) воспринятой монашеством на Руси. Идея спасения в ней связывалась с покаянием через «умную молитву», мистическим преображением — «обожением человека» в состоянии молитвы, «безмолвным слиянием с богом в молитве». Я не решаюсь входить в теологические детали этого учения, мне здесь важен только этот момент: сама непреложность греховной природы человека, неизбежность греха снимается только в молитве, молитвенной практике. Тем самым два предельных состояния — молитва и обыденная мирская жизнь — разводились как непересекающиеся плоскости существования, но вместе с тем сохраняли саму возможность посюстороннего спасения у некоторых, особо продвинутых в технике молитвы и благочестивых.

Сочетание покаяния и умной молитвы дает шанс на спасение через периодическое (точнее, регулярное) освобождение от греха. А раз это так, то, по сути, «обожение» в молитве означало не просто периодический сброс напряжения, осознание греха, но в каком-то смысле оно было допущением греха, злобы, агрессии в повседневной жизни. В вульгарной версии это звучит так: не согрешишь — не спасешься.

Это разделение блокировало возможность рационализации собственного повседневного поведения не только в этическом, но и в любом другом прагматическом плане. Оно устраняло понятие длительности времени, подлежащего самоконтролю, ослабляло идею совести, с одной стороны, а с другой — воплотилось в постоянном пребывании ожидания чуда, в надежде на то, что все будет хорошо, образуется и т.п., с третьей — допускало возможность радикального обновления, насильственного преобразования всей жизни, от монашеского ухода из мира до революционной трансформации. «Время» лишалось структуры, жизнь — перспективы, большой размерности, дробясь на множество отдельных ситуаций «настоящего» в рамках обычного (то есть традиционного, нерелективного) существования. Но в то же время возникала идея преобразования непросвещенной жизни через ее руководство избранными, причастными к высшей мудрости и святости.

Следствием внедрения такого религиозного принципа в повседневную жизнь массы людей (через церковную практику) оказывался иррационализм этического поведения, отражающийся в надежде на то, что если ты и несовершенен, то все равно ты можешь спастись через раскаяние в любое время. В результате подавлялось или вообще не возникало понятия единого длительного (в пределе — исторического) времени общих событий, (характерного, скажем, для народов с исторической судьбой, таких как евреи или европейские христианские монахи). Отсутствие рационализации времени в сочетании с поверхностно воспринятым христианством дало симбиоз язычества и потустороннего спасения: надежда на чудо, на то, что все как-то устроится или, точнее, как-то все «обойдется». В повседневном выражении это представлено русским авось, с одной стороны, а с другой — через длительный

процесс секуляризации в идее посюстороннего достижения блага, причем — и это важно — не индивидуальными усилиями и стараниями, а только всем «сообществом», ведомым чем-то вроде секулярной церкви, радикальной партией, освобождающей людей от сознания их индивидуального несовершенства.

Можно соглашаться или не соглашаться с трактовкой Зильбермана структуры русской традиции, но это одна из убедительных попыток объяснения особенностей инерционности русской культуры.

Сегодня мы все еще сталкиваемся с остатками этих «нерасколдованных», нерационализируемых представлений или традиций в русской культуре: русское иррациональное авось, надежды на экстраординарные обстоятельства, «чудо», вера в «коммунизм», благосостояние, которое должно наступить в обозримое время. Оно обязательно придет, но каким-то неизвестным образом. В итоге мы имеем (как неосознаваемое следствие этого же) особую структуру времени — мифологическое время (прошлое или будущее), сочетающееся с очень коротким горизонтом собственного времени, то есть таким временным отрезком или пространством, которое подконтрольно индивиду, определяется рамками его возможности и ресурсов, временем планирования или расчета своей жизни³⁸.

Комплекс таких представлений принципиально противоречит протестантской этике самодисциплины и самоконтроля, в которой упор делается на собственные усилия и ответственность перед высшими инстанциями (моральным долгом, совестью как неусыпным внутренним контролером, точкой зрения на себя с предполагаемого конца жизни, а значит, идеей подведения итогов этой жизни и взвешивания себя на собственных весах, что ты, собственно, стоишь в этой жизни).

---

³⁸ Большинство респондентов в наших опросах говорят, что в лучшем случае они могут рассчитывать на 2–3 месяца вперед в своей жизни, максимум — на полгода, а дальше — полная неопределенность. И, несмотря на это, надеются на то, что жизнь в ближайшем будущем станет лучше, чем сегодня (*Гудков Л.* *Время и история в сознании россиян // Вестник общественного мнения.* Ч. 1. 2009. № 3 (101). С. 84–102; ч. 2. 2010. № 2 (104). С. 13–61).

Лекция 2. Макс Вебер: позиция ученого в ситуации кризиса

В какой-то степени, как мне кажется, на этой вере, на этих нерационализированных надеждах на авось, «само пойдёт» и т.п. и держится нынешнее движение протеста. Только оно получает несколько иной смысл: здесь потребность чувствовать себя человеком, уважать себя, иметь достоинство предполагает простое действие — одно лишь участие в коллективном протесте против произвола, несправедливости, коррупции властей. Конечно, здесь очень важно и преодоление рутинного страха, оппортунизма, одобрения, что требует значительных душевных сил. Вместе с тем надеяться и рассчитывать на то, что «моральный протест» в состоянии «снести» режим и трансформировать общество, не очень серьезно. Скорее, это подмена трезвого учета действующих сил преувеличенным представлением о значимости собственного усилия по преодолению внутреннего конформизма.

Поэтому здесь, как в психоанализе, очень важно вывести на свет это неясное, неартикулированное представление о некой (неопределенной) силе, о протестном множестве, которое снесет режим. Протест мыслится чем-то вроде аморфной массы или обобщенной фигуры вроде громадного кустодиевского мужика со знаменем на известной картине «Большевик» (1920), многократно превышающего следующие за ним колонны реальных людей.

На этом месте самое время спросить себя: а кто, собственно, субъект этого транзита, какие группы, под влиянием каких интересов, с какими ресурсами могут и, главное, намерены изменить ситуацию? Ответа нет или подразумевается, что «все», то есть никто. Другими словами (без кажущихся упреков), у нынешних демократов нет понимания, на чем держится устойчивость нынешнего режима и можно ли, вообще говоря, чисто моральным актом изменить ситуацию.

Таким образом, мы наталкиваемся на немаркированные или глубоко скрытые от самих себя, табуированные особенности российской политической культуры.

Для того чтобы понять это, нужны другие инструменты. И первое, что приходится сделать, — это «взять в скобки» наши собственные упования, надежды на то, что кто-то сделает за нас всю работу по трансформации режима (а точнее, всего массива стоящей за

ним политической культуры), и посмотреть на то, что есть. Это трудно. Поскольку за ним стоит вся история России.

Но если последовать этому методическому требованию, то приходится сразу же признать, что установка морального антипутинского протеста («Путин, уходи!», «Мы здесь власть!») не дает результатов, поскольку устойчивость режима не связана с личностью Путина, режим держится на других основаниях. Вера в это — характерная иллюзия, слепота надежды на то, что, убрав фигуру диктатора, коррумпированную верхушку, мы изменим весь порядок нашей жизни. На мой взгляд, это не более чем удобное самоутешение, другое выражение веры в авось или чудо.

Лекция 3.

Макс Вебер о бюрократии

Устойчивость сложившейся социальной системы держится на институтах, которые обычно не принимаются во внимание непрофессионалами, поскольку они воспроизводят традиции общественно-политической культуры, а традиции — это то, что не требует специальной рефлексии, усилий осознания, то, что образует слой «само собой разумеющихся» вещей и понятий, не нуждающихся в толковании или дополнительном разъяснении, аргументах, оправдании, то, что «все знают» и что нужно объяснять лишь для «чужого», иностранца или в ситуации утраты определенности, растерянности, дезориентированности. Для того чтобы «поднять» этот слой представлений, нужны определенные концептуальные и методические инструменты, в том числе похожие на те, что использует психоанализ, когда он слой за слоем снимает привычную защиту личности, чтобы добраться до вытесненных и латентных конфликтов, комплексов и противоречий.

В социологии стабильность, то есть устойчивость (= повторение, или, как социологи говорят, «воспроизводство») социальных отношений определяется несколькими вещами: следованием обычаю, или привычному порядку согласованных действий разных людей, или же специальному регулированию этих взаимодействий. Во втором случае предполагаются не отдельные распоряжения от случая к случаю (такое тоже может быть), а установление и систематическое поддержание определенных правил поведения, «норм» взаимодействия людей, то есть их принуждение к выполнению действий, ожидаемых партнером или третьими лицами, или создание таких условий, в которых люди будут заинтересованы в соблюдении этих правил.

В новое время такими институтами являются различные формы бюрократии. Классические образцы описания и анализа различных типов бюрократии представлены именно М. Вебером.

Функционирование бюрократии является условием устойчивости и непрерывности существования системы господства, которое в повседневной жизни выражается как постоянное управление массами, массовым поведением.

В российском обиходе «бюрократия» почти бранное слово, с ним ассоциируется волокита, административный произвол, чиновничье бездушие и коррупция, неэффективность управления и решения общественных задач. Массы литературных произведений, от Гоголя, Сухово-Кобылина и Салтыкова-Щедрина до Чехова («Человек в футляре»), описывали безрадостную картину жизни маленьких людей под властью этого «крапивного семени». Такое отношение — итог недоразвитости и самой бюрократии, и традиционалистского характера российской власти, сдерживающей процессы модернизации и рационализации управления.

Впрочем, историки государственного управления по-иному оценивали этот тип управления, подчеркивая нарастающую эффективность и «прогрессивность» пореформенного русского чиновничества. Им есть с чем сравнивать.

Ранние формы русской бюрократии — приказная система — представляла собой выросшего из задач обеспечения домашнего уклада и хозяйства князя или позднее царя канцелярии. Приказы возникли из временных поручений конкретному исполнителю (например, Житный, Челобитный, Постельный, Поместный, Конюшенный, Стрелецкий, Пушкарский, Бронный, Разбойный, Печатный, Сокольничий, Разрядный, Холопий, Большого дворца, Казенный, Казанского дворца, Сибирский, Посольский и проч.), но затем превращались в постоянно действующие протоколоторы.

Каждый приказ был своего рода государством в государстве, поскольку он соединял и административные задачи, и фискальные, и судейские, и часто — военные. Полномочия приказных дьяков постоянно пересекались. Никакой дифференциации функций и специализации полномочий до Петровских реформ не было, финансирование шло за счет сбора налогов и даней с податных сословий в выделенных для «кормления» чиновников землях и городах.

С появлением «коллегий» при Петре был впервые введен принцип функционального разделения полномочий таких учреждений,

Лекция 3. Макс Вебер о бюрократии

установлено их бюджетное (казенное) финансирование. В XIX веке, начиная с Александра I и последующих монархов, сферы компетенций стали законодательно разделяться и закрепляться, кормление как принцип было упразднено, существенно усилены меры по упорядочению, систематизации, кодификации законов (снятию противоречащих друг другу статей и норм законов). Это стало стимулом к формально-правовому определению и закреплению тех норм, в соответствии с которыми чиновник решал предметные вопросы и дела. Но все равно вплоть до реформ 60-х годов система была очень громоздкой. Она охватывала лишь привилегированные сословия, то есть управляла в соответствии с интересами самодержавия и определенных групп дворянства, практически не затрагивая основную массу населения — крестьянство. Отсюда этот кажущийся иррационализм функционирования бюрократии и ее бесчеловечность (с точки зрения отдельного индивида, а не всей системы), волокита и проч. Это общее место в рассуждениях о чиновничестве в XIX веке.

Совершенно иначе дело обстояло в Германии, бюрократию которой Вебер брал за основу для своего сравнительного анализа различных структур управления. Его исходная (методологически) позиция — разбор и сопоставление современных и досовременных форм господства, что предполагало рассмотрение процесса отделения собственно политики от задач массового управления. Современная («рациональная» по Веберу) бюрократия — это человеческая машина управления, оказавшаяся самой эффективной из возникших в истории человечества систем господства³⁹.

Как Вебер описывал бюрократию: бюрократия — это прежде всего непрерывное производство управления, основанное на

---

³⁹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. Кар. 1. Его интерес к бюрократии был отчасти стимулирован работами его младшего брата — Альфреда Вебера, который преподавал в Праге. Кстати, для любопытных скажу, что аспирантом Альфреда был Франц Кафка, он начал писать у него диссертацию, которую, правда, не защитил. Здесь поражает, как пересекаются — и самым парадоксальным образом — линии мысли в истории и культуре, как идет проработка определенных тем самыми разными средствами и с разных позиций.

разделении труда, дифференциации функций управления, а значит, выделении четких сфер управления и полномочий для отдельных исполнителей. Разделение труда в данном случае означает зафиксированное должностными инструкциями определение функции и необходимых компетенций для решения точно указанных и определенных функциональных задач управления. Компетенции складываются из знаний, необходимых для решения этих задач, и выделения средств для их исполнения, применяемых исключительно в рамках установленного круга задач и правил их решения. Деятельность чиновника сводится к тому, что он решает «проблему» как соответствие ситуативной задачи прописанным в должностной инструкции, в статьях закона, в приказе, в уставе и т.п. нормам их решения, подводит частный случай под общее правило или предписание. Он не может решать все задачи управления, могущие возникать перед имеющим власть лицом, а только те, что предписаны ему должностной инструкцией. Это предполагает, что он не может выходить за рамки своей «компетенции» или использовать не предписанные сверху (законом или инструкцией) средства решения вопроса. Таким образом, его действия должны полностью находиться в границах его власти и контролироваться вышестоящими инстанциями, задающими его ролевые функции и содержание распоряжений.

Что входит в понятие компетенции? Первое — это управление на основе специального (длительного) *обучения и подготовки*. Кандидат на должность после прохождения курса специального профессионального обучения сдает экзамены и получает *государственную* или институционально (особой коллегией специалистов в этой области) заверенную сертификацию качества полученного образования, своей квалификации (диплом), свидетельство своей профессиональной дееспособности и правомочности. Следовательно, в своей работе он решает деловые, предметные проблемы в рамках полученного образования, ведет делопроизводство по определенным правилам, в соответствии с законами, деловыми распоряжениями или технологическими инструкциями.

Второе, он выполняет распоряжения вышестоящих инстанций, т.е. его возможности и действия четко контролируются.

Лекция 3. Макс Вебер о бюрократии

Нарушение порядка, всякое его своеволие пресекается или наказывается. В этом смысле он несвободен, так как связан с ведомственными правилами, подчиняется контролю вышестоящих инстанций. Бюрократическая организация (ведомство, учреждение, предприятие) — это иерархическая система распределения компетенций и контроля.

Для решения указанных задач чиновник обладает требуемым определенным объемом власти, т.е. правом приказывать и, соответственно, ожидать выполнения своих приказов от других (с четко предписанным ограничением возможных допустимых средств принуждения и предпосылок их применения).

Чиновник не владеет средствами управления. Средства управления отделены от него, так же как и место (и время) его работы отделено от места жительства и его частного, неслужебного времени. Действует принцип отделения имущества ведомства от личности чиновника. (Сравните этот порядок с феодально-бюрократическим порядком приказного управления, когда боярин или дьяк, полковник был фактически владельцем, пусть и временным, средств управления — финансов, имущества, людей и т.п.)

В современных бюрократических организациях действует принцип отделения средств управления от личности управляющего. Занимающий должность чиновник только распоряжается, но не владеет средствами управления (имуществом, финансами, инструментами, оборудованием, помещением, системой коммуникаций, транспортом и т.п.), они (как и время, и место делопроизводства) отделены от его места жительства и частной жизни, вне рабочего времени.

Для контроля деятельности чиновника и устранения угрозы произвола вводится принцип документации, то есть письменной фиксации всего процесса на всех его стадиях. Документация является ядром всякого современного управления. На должность чиновника нанимают по контракту и по личному свободному решению претендента (современные чиновники — это не крепостные, не заключенные или иным образом зависимые от личности господина, как это было в досовременных, патримониальных бюрократиях, а именно свободные, дееспособные в правовом плане,

квалифицированные граждане). За свою работу они получают четко определенное денежное вознаграждение, соответствующее их рангу, квалификации и сроку службы, что должно характеризовать их опыт и деловую квалификацию.

В отличие от технических служащих (канцеляристов, медсестер, машинисток, секретарей и т.п. рядовых исполнителей), современный чиновник, имеющий специальную квалификацию, обладает еще двумя правами — правом на карьеру (служебное продвижение в соответствии с законом или предписанным порядком повышения по службе в связи с усердием, достижениями или выслугой лет) и правом на специальную пенсию.

Эти нормы — твердо определенное служебным контрактом и регулярно выплачиваемое (высокое) денежное вознаграждение за работу — должны обеспечивать независимость конкретного чиновника от произвола начальства или подкупа управляемых, гарантировать безличный и беспристрастный характер управленческой деятельности.

Наконец, назову еще один, но важнейший принцип бюрократической организации: сам чиновник (ведомство, организация) не создает норм и правил своей деятельности. Источник регламентирующих его функционирование норм (законов, правовых регламентов, технических инструкций и т.п.) всегда внешний — он формируется и вводится другими инстанциями и институциями, в том числе политическими институтами (например, парламентом или указами главы государства, правительства). Ни врач, ни судья, ни учитель, ни инженер по технике безопасности, ни офицер, ни технолог на заводе, ни полицейский не пишут сами себе правила своей работы, они руководствуются законами, методическими пособиями, инструкциями, созданными не ими, но специально для них, с учетом уже имеющегося опыта, накопленных знаний, фиксированных и одобренных (санкционированных) авторитетными инстанциями⁴⁰.

---

⁴⁰ Чтобы было понятно: например, бухгалтерия какой-либо организации не может устанавливать для себя правила своей деятельности, она, выполняя распоряжения директора, следует нормам налогового, страхового и других законодательных документов.

Лекция 3. Макс Вебер о бюрократии

Разделение труда (предполагаемое определение компетенции) в свою очередь означает, что бюрократический принцип организации не ограничивается только конкретной областью управления, находящейся в производстве чиновника, но что мы имеем дело с системой взаимосвязанных организаций, системой социальных институтов, где нормы функционирования одной областью управления выработаны или связаны с другими институциональными системами — правом, архивами документации, финансированием, судом или арбитражем, — разбирающими конфликты интересов или правовые коллизии, кодифицирующими отдельные прецеденты, а также образовательными учреждениями, готовящими специалистов, наблюдательными советами или представительными правлениями, комиссиями из других сфер и т.п. Поэтому бюрократизация — это экстенсивный процесс, постоянно захватывающий новые области социальной регуляции. Возрастающая сложность современного общества (его структурно-функциональная дифференциация) измеряется степенью бюрократизации.

Бюрократия — это непрерывный процесс управления, причем именно массового управления. Этому служит и формальный характер делопроизводства, требующий от чиновника соответствия регламенту, законам, инструкциям и т.п. письменным установлениям, имеющим *правовой* характер. Связь с правом обусловлена установлением постоянного соответствия ранее принятым законам не только соответствующей области регуляции, но и более общим кодексам, регламентам, инструкциям, за отклонение от которых или нарушение которых предполагается должностное наказание.

Социальными последствиями бюрократизации управления в длительной перспективе оказываются формализм (устранение как личного произвола, так и решений «по доброте душевной», нравственно мотивированных действий) и социальное нивелирование, стирание всех различий (сословных, статусных, региональных и проч.)⁴¹. Бюрократия функционирует «без гнева и пристрастия», управляет «невзирая на лица». Поэтому бюрократия — важнейший

---

⁴¹ Хороший пример нивелирования различий дает деятельность бюрократии Евросоюза: установление общих для 27 стран санитарных норм,

инструмент массовизации или массофикации общества, превращения закрытого сословного социума в общество формально равных. Именно поэтому бюрократия оказывается самой эффективной структурой среди любых вариантов осуществления власти.

Принцип бюрократии является универсальной моделью, представленной во всех областях управления, что в государственном секторе, что в частном секторе. Любая большая социальная организация — армия, предприятие, коммерческая фирма, банк, суд, больница, транспортная сеть, университет, полиция — все они будут управляться бюрократически, то есть профессиональными специалистами. Особенность бюрократии — это не распоряжения от случая к случаю (или как мы бы сказали сегодня — «ручное управление»), а непрерывность управления, создающая устойчивость всего социального порядка, политической, экономической, образовательной и любой другой подсистемы государства и общества. Сегодня в современных обществах *власть всегда реализуется как система массового управления, и наоборот, массовое управление и есть система господства, условие реализации власти.*

Поносить бюрократию глупо. Такая манера воспроизводит поведение луддитов в начале XIX века. Появление ее в современном (массовом) обществе обусловлено стремительной экспансией технологий практически во все сферы социальной жизни. Бюрократизация, как утверждал Вебер, это судьба современного общества, она столь же неизбежна, как непрерывные инновации в промышленности и технологиях. Мечтать об избавлении от бюрократизации — это то же самое, что мечтать о возвращении к аграрному коммунизму, сельской общине как идеальной модели человеческого общежития. В этом смысле дефекты и пороки российского управления связаны с неполной бюрократизацией, вызванной

регулирующих качество и безопасность продуктов питания, обернулось запретом на локальные кулинарные традиции, типы пищевых продуктов и способы их транспортировки и приготовления. Особенно чувствительно это ударило по южным странам, где кухня и состав потребляемых продуктов чрезвычайно разнообразны: под запретом оказались получение и доставка целых категорий — морепродуктов, вин, сыров и т.п.

Лекция 3. Макс Вебер о бюрократии

традиционализмом и архаичностью политической власти, должной контролировать или задавать «программу» бюрократии⁴².

Конечно, описанная Вебером модель бюрократии — это идеально-типическая конструкция, в которой логически додуманы, доведены до мыслимой чистоты реальные черты и практики. Но она появилась не случайно и не «из головы» отвлеченного мыслителя и изобретателя.

За образец для описания своего типа бюрократии Вебер взял прусскую бюрократию, которая, по общему признанию, на тот момент являлась самой эффективной системой управления, основанной на этике идеалистического служения государства и государству. Ее отличало отсутствие коррупции, невозможность присвоения должностей и ресурсов управления, четкое следование принятым законам, авторитет, престиж и уважение подданных.

Почему же тогда, в нашем понимании, бюрократия — это прежде всего волокита, административный произвол, коррупция и неэффективность, а для Вебера это безальтернативный образец эффективности?

Проблемы, которые встают в связи с этим, с одной стороны, проблемы контроля над самой бюрократией, а с другой — легитимность той власти, определение природы тех сил, которые задают цели и «программы» работы для этой человеческой машины.

А это ставит перед нами совершенно другие вопросы: почему люди повинуются тем, кто отдает приказ или выносит решение по соответствующему делу в бюрократическом производстве, на чем держится авторитет чиновника, главврача или главного инженера, начальника полиции, судьи, министра? Таким образом, мы выходим уже в совершенно другую область анализа — проблемы власти, политики, конкуренции политических партий или монополии автократии.

---

⁴² Но это же значит, что трансформация нынешней политической системы невозможна без соответствующей замены нынешних чиновников, законодательства и правоприменения, что в свою очередь представляется утопичным без формирования альтернативных систем подготовки необходимых специалистов, могущих прийти на смену российской коррумпированной системе управления. Здесь моральным протестом против такой власти не обойдешься.

Возьмем кажущийся самым простым и самым рациональным пример отношений политики и бюрократии — современную представительскую демократию в западных странах.

Победа на выборах какой-либо партии не приводит там к изменениям в персональном составе чиновников, они остаются на своих местах и продолжают работать, выполняя распоряжения, которые поступили от нового руководства. Сменяются министры или по крайней мере начальники крупных департаментов, мэры («политическое чиновничество», по выражению Вебера). Периодическая смена правящей партии в парламенте или президента означает, что ставятся новые цели, транслируемые в виде конкретных задач для исполнения нижестоящей бюрократией. Поэтому в парламенте так важны такие темы, как определение бюджета и распределение его по статьям расходов, налоги, то есть определение значимости соответствующих политических целей, на которые выделяется бюджетное финансирование, а также назначение новых руководителей всей бюрократической машины, которые будут нести ответственность за реализацию этих целевых проектов. Собственно, за это и ведется политическая борьба. Для этого оппозиция делает запросы в правительство, создает парламентские комиссии расследования и контроля над расходами и законностью действий исполнителей, проводятся парламентские слушания, на которых идет разбор, обсуждение и критика действий правительства по выполнению поставленных задач. В ходе этих дебатов депутаты учатся правилам регламентированной политической борьбы, формируются фракции, группировки, появляются (воспитываются, «выращиваются») партийные и парламентские лидеры⁴³.

В случае если отсутствует «политика» (именно в этом представительском плане, в смысле конкуренции за права определять цели и задачи развития), бюрократия начинает работать на саму себя, т.е. происходит то, что мы видим в России: *присвоение средств*

---

⁴³ Вебер называл парламент «питомником» партийных лидеров или школой политических демагогов. «Демагог» — в исконном значении слова — предводитель масс, вождь народа, плебеев (демоса).

Лекция 3. Макс Вебер о бюрократии

управления, превращение их в собственность, источник наживы и собственного благосостояния (апроприация позиций и собственности, как это называется на языке социологии, конвертация распорядительной власти в собственность), коррупцию, волокиту, nepотизм, рассаживание на ключевые позиции или теплые местечки своих людей. Это то, что сегодня получает название системы патрон-клиентских отношений или неокорпоративизма и т.д. Обладая предметным знанием технологии управления и объекта управления (населения, больных, транспортной системы и т.п.), бюрократия оказывает сильнейшее влияние на тех, кто обладает высшей властью, навязывая политикам «технические ограничения» на постановку и достижения тех или иных целей, указывая, что можно сделать, а что никак не получится. Вебер называл это очень действенное средство «кастрации» политической харизмы управлением политическими намерениями и планами.

В этом смысле проблема бюрократии теснейшим образом связана со сферой политики. Мы видим, что без выделения политики в отдельную институциональную сферу имеет место неизбежное разложение бюрократии, а ослабление контроля над ее функционированием ведет к росту ее неэффективности, коррупции, произволу исполнителей.

Поэтому крайне важной оказывается ценностная (в пределе — этическая) основа общества, вопрос: кто устанавливает контроль над бюрократией, какие интересы, какие смыслы вносит властвующая элита в деятельность бюрократии, как она обозначает их?

Таким образом, мы приходим к первому важному выводу: монополизация господства, устранение конкуренции ведут к неизбежному разрастанию произвола бюрократии, скрытой децентрализации власти, параличу эффективного управления.

Лекция 4.

Типы легитимного господства

Как уже говорилось, стабильность социального порядка обеспечивается бюрократией как институтом (процессом) массового управления. Устойчивость этого порядка связана с тем, что бюрократия опирается на повседневные интересы людей. С ее деятельностью связана рутина будничной жизни, она определяет нормы и течение повседневного поведения, доходы и расходы, лечение, транспорт, работу, поведение на улицах и т.п. Без этого в современном обществе наступил бы хаос. Но без политики, задающей цели и нормы деятельности бюрократов, бюрократия превращается в систему, работающую на саму себя. Поэтому так важно определить основания, по которым осуществляется контроль и власть не только над чиновниками, но и над обществом, населением, массой подчиненных.

Сегодня мы поговорим о том, на чем держится повиновение, — о власти или (в категориях веберовской социологии) типах господства.

С точки зрения Вебера, понятие «власть» (нем. *die Macht*) неточное в силу его многозначности и расплывчатости. Власть может означать любое влияние одного человека на другого, совсем не обязательно связанное с политическими и прочими интересами. Это может быть и любовь, эротическое влияние, благоговение перед какими-то священными предметами, принуждение, исходящее из осуждения «неправильных» действий со стороны окружающих, монополия экономического положения на рынке, влияние, исходящее из предполагаемых выгод или потерь, владение информацией, манипуляции страхом, отношения врача и пациента, старших и младших, разного рода психологические зависимости и т.п. Короче, есть очень много разных форм влияния на поведение других, которые надо учитывать в анализе социальных взаимодействий.

Поэтому Вебер употребляет более жесткое понятие — «господство» (*die Herrschaft*), определяя его как *право отдавать приказы*

Лекция 4. Типы легитимного господства

и находить повиновение приказам. В русском языке мы не различаем эти смысловые оттенки понятий. «Господство» для нас звучит слишком архаично и резко, однако в нем проступает то, что было важно для Вебера: в нем акцентируется принудительный характер взаимодействия — приказа и подчинения. Для характеристики действующего в России режима обычно употребляется слово «власть» или «власти», смазывающее суть проблемы.

Вебер всегда строил свое определение понятий на разрушении рутинного значения слова, сознательно производя эффект слома привычных семантических ожиданий⁴⁴. Подчинение приказу означает, что и отдающий приказы, распоряжающийся, «господин», повелитель, и повинующийся, подчиненный, подданный, зависимый, признают «авторитет» первого, а значит, разделяют смысл приказа, то есть понимают основания (и ожидания) того, что приказы и распоряжения будут находить повиновение, что подчиненные будут следовать им. С точки зрения господина и с точки зрения повинующихся, подчиненных, основания здесь одни и те же — иначе мы столкнемся с неоправданностью или неадекватностью поведения господина, отказом от выполнения таких приказов.

Нельзя рассматривать все отношения власти как основанные только на насилии. Известно давнее мнение, что на штыках можно прийти к власти, но сидеть на них нельзя. Для устойчивости, поддержания, организации повседневной жизни необходима, пишет Вебер, известная готовность к повиновению, подчинению, принятию действующей системы, даже если она основана на насилии. Другими словами, власть, господство должны быть в какой-то мере признаны подчиняющимися, т.е. не властью, пусть даже это

---

⁴⁴ Например, для описания и понимания политического значения действий ветхозаветных пророков он пользовался словом «демагог», а для описания персонального дара мистических практик религиозных аскетов или визионеров, основателей религиозных движений применял музыкальный термин «виртуозность», подчеркивая рафинированный характер и способность к владению средствами аскезы, транса и мистического созерцания. Теоретически (и помимо Вебера) этот эффект был осмыслен и описан русскими формалистами в виде процедуры «остранения», разрушения автоматизма восприятия, то есть как конструктивный прием в искусстве.

признание будет выражаться как необходимость пассивного уклонения от исполнения. Эту особенность признания авторитета Вебер называет «легитимностью» господства (признанием его оправданности, справедливости, осмысленности, понимаемости обоими действующими лицами или сторонами)⁴⁵.

Самое интересное здесь, конечно, типология различных форм подчинения, отношения господства к подчинению. Она у него подробно разработана, но мне в данном случае вполне достаточно указать, что в чистом (логически непротиворечивом) виде Вебер выделяет лишь три таких «чистых» основания для повиновения, легитимности господства.

Первое — это традиция, вера в священность («вечно вчерашнего»), высокую значимость всего того, что было до этого, вера в то, что издавна существующие порядки осмыслены и устойчивы именно в силу того, что «всегда так было» (это и есть традиционный порядок)⁴⁶. Мы не спрашиваем, почему мы завешиваем зеркало на похоронах или почему мы следуем таким-то и таким-то ритуалам, обычаям или запретам, почему люди испытывают пиетет по отношению к памятникам павших, почему одни вещи съедобные, а другие — нет, почему надо определенным образом вести себя в отношении к родителям, нельзя осквернять могилы и мертвых, следует скрывать интимные физиологические детали поведения. Все перечисленное не подлежит обсуждению или сомнению. И это основа уклада общей жизни, самых глубоких значений, которые записаны

---

⁴⁵ «В действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды — страха перед местью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение — и вместе с тем самые разнообразные интересы» (Вебер М. Избранные произведения. С. 647).

⁴⁶ В науке есть разные понимания слова «традиция», и самое простое — этнографическое, когда традицией называется порядок прямого воспроизводства, научение идет в процессе самого действия, от лица к лицу, без изменения самого образца, которому следуют. На этом основаны примитивные общества, где не различаются нормы и ценности, права и прочее, где образец поведения передается практически без изменений. Это самые глубокие представления о чем-то очень важном в жизни.

Лекция 4. Типы легитимного господства

и в нашей культуре. Мы не спрашиваем об этом, но они существуют, и это чрезвычайно важно, они определяют строй нашей жизни, особенно когда требующий повиновения требует его во имя таких символических значений.

Почему надо следовать традиционному порядку? Это не вопрос — «Зачем?» Эта вещь безусловна, нерелексивна, она может быть окрашена пиететом, благоговением или, напротив, внутренним дискомфортом при нарушении. Почему надо с почтением, особым образом относиться к священнику или церкви, даже если вы неверующий, — это не вопрос, это тип осмысленного и эмоционально окрашенного, заданного отношения. Как говорил Веничка в поэме «Москва — Петушки», зачем стигматы св. Терезе? Незачем. Они ей желанны.

Исходная (и самая примитивная) модель традиционного господства — глава рода и его домочадцы, члены большой семьи, племени, клана, тейпа, жуза, что-то вроде библейского патриарха, а также монарх, султан и его подданные, князь. Постепенное расширение управления его домашним хозяйством до размеров государства не меняет характера авторитета, хотя меняет структуру отношений между господином и подданными. Возникает то, что Вебер называет «патримониальным господством»: архаическая модель власти в сочетании с умножающейся (но вначале не дифференцированной, не усложняющейся) примитивной бюрократией — клерикальной или приказной. Напомню, как написал Николай II в анкете первой Всероссийской переписи населения: «Хозяин земли Русской». И это было вполне справедливо, поскольку русское понятие «государство» первоначально означало «хозяйство» (в этом его принципиальное отличие от европейского понятия *state, der Staat* — «установление», этимологически производного от глагола «устанавливать», «ставить»). Такое значение бытовало вплоть до конца XVIII века, но к настоящему времени сохранилось лишь в южнорусских диалектах («господарь» — хозяин). Позже, во времена империи, к нему добавилась семантика «державы», правления различными, разнородными в этническом и территориальном плане образованиями. Это одно основание.

Другой тип легитимности господства — «харизматическое господство» (от греческого «харизма» — дар богов, благодать), прямо противоположен первому. Вебер заимствовал это понятие у Р. Сомса, историка раннего христианства, писавшего об отношениях в общине первых христиан, о деятельности апостолов.

Харизматик — это человек, обладающий, по убеждениям окружающих, сверхъестественными, экстраординарными или необычными способностями. Ключевой момент: *вера окружающих* в его дар и особые способности. «Харизма» — это, скорее, не природное качество, а *социальное признание* у обладателя или носителя наличия таковых свойств со стороны учеников, сподвижников, общины, наделение его подобными чертами. Типы харизматика: это может быть религиозный пророк, которому в откровении явилась истина, гуру или основатель вероучения, целитель, шаман; это может быть удачливый военный вождь, «талантливый» полководец; это может быть политический или партийный лидер, демагог, оратор, оказывающий «магическое» влияние на своих слушателей, но это также может быть и глава научной школы, режиссер, общественный деятель, за которым идут последователи и ученики. Важно, что его авторитет воспринимается окружающими как безусловный. Его влияние основано не на компетентности, образовании или стародавнем порядке, а на его *личных* качествах лидера, вождя, пророка. И отношения, которые складываются здесь, принципиально отличаются от любых других типов отношений господства чрезвычайно высокой степенью аффективности, эмоциональности, личной преданности, пиетета, веры в него, любви, уважения.

Религиозному пророку соответствуют апостолы или ученики его, то есть, возникающая община — это община верующих, преданных лично ему. Если это военачальник, то его свита образуется из его соратников, маршалов (как у Наполеона, когда он выбирал своих генералов по их способностям, а не по знатности или положению в прежней сословной иерархии), его харизма — это их вера в его удачу, воинский талант, в его гений полководца, а это совсем другое. Популярность политического или партийного лидера, вождя массового движения исходит из его способности убеждать людей, намечать и задавать цели борьбы, вести за собой,

Лекция 4. Типы легитимного господства

мобилизовать их для совершения намеченных действий. Это особенный, опять-таки чрезвычайно эмоциональный тип следования за таким лидером-демагогом (предводителем масс).

В отличие от традиционных отношений, которые всегда стереотипны, рутинны, предсказуемы, всегда связаны с материальными интересами, практическими задачами обеспечения существования, распределением благ и т.п., харизматические отношения между пророком и апостолами, между военачальником и свитой носят не будничные, экстраординарные характер, они не связаны с повседневными интересами, они принципиально «непрактичны». Религиозный пророк («не от мира сего») провозглашает ценности и цели, не связанные с повседневной практической жизнью, напротив, он открыто разрывает связь с традицией: «Писано, но я говорю вам...» Стилистически выражение новых воззрений, смыслов, идеалов, представлений («и увидел новое небо») предполагает смену характера коммуникации (переход от письменного толкования традиций к устной речи). Харизматическое господство — всегда разрыв с существующим порядком на фоне глубочайшего кризиса — духовного, политического, экономического, отказ от обыденного порядка существования и прежних взаимоотношений (ср. евангельское: «близкие — враги человеку»). Прорыв к новому миру, обещание нового царства — это всегда революционные силы, в традиционном обществе — единственно возможные. Примеры харизматического авторитета и господства можно приводить из самых разных источников истории: Исая, Иисус, Франциск Ассизский, Лютер, Робеспьер, Жанна д'Арк, Гарибальди, Муссолини, Гитлер, Троцкий, Ленин (но не Сталин!), Мао Цзэдун и множество им подобных.

Харизматическое господство всегда рождается в ответ на глубочайший кризис, духовный, политический, социальный, когда люди теряют почву под ногами, веру, не видят выхода из сложившегося положения. Только в такой ситуации появляется фигура спасителя, вождя, демагога, указывающего другой путь — к спасению, насильственному решению патовой социально-политической ситуации и т.п.

Однако именно поэтому харизматическое господство не может быть длительным. И не только потому, что вероучитель умирает, пророк может утратить свой дар, веру, «связь с высшими силами», полководец проиграть сражение и войну, политик — выборы и сойти со сцены.

Более важная причина заключается в том, что харизматическое господство всегда временное, это переходное состояние. Как пишет Вебер, всегда через какое-то время после деятельности харизматика возникает проблема трансляции учения, идеологии, сохранения завоеваний или, как он говорит, «рутинизации» харизмы, воспроизводства тех отношений, которые возникли между апостолами или последователями вождя, но которым должны следовать и другие группы, в конечном счете — массы. Как общине сохранить суть вероучения после смерти основателя учения, как сохранить политическую программу, цели движения, массовую поддержку после революции, как сохранить завоеванное?

Поэтому трансформация харизмы, оповседневнивание отношений между харизматиком и его последователями, между ними и более широкими кругами неизбежна. На этой фазе социальных отношений возникают совершенно другие проблемы: во-первых, необходимость сохранения (записи, канонизации) учения или идеологии, защиты достигнутых территориальных завоеваний, сохранения политических или социальных позиций. Складываются ритуалы символического воспроизводства ключевых событий и значений (литургии, праздники, календарь поминания, перевод устных выступлений в письменные тексты, их систематизация и кодификация, установление единой нормы толкования и понимания и проч.). Во-вторых, у последователей возникают и требуют своего внимания материальные интересы, они не могут дальше существовать в режиме «как птицы небесные или лилии полевые», они нуждаются в материальном обеспечении, защите от окружающих, финансовом снабжении членов общины, превращающейся в церковь или секту с усложняющейся внутренней структурой, иерархией должностей и т.п. Эти новые задачи носят уже иной характер, отвечают вполне земным интересам сохранения авторитета, влияния на профанное сообщество, удержания власти, завоеванной

Лекция 4. Типы легитимного господства

революционерами и т.п. Возникают принципиально новые проблемы, пафос последователей меняется: от этоса «царство мое не от мира сего» или аскетизма первых революционеров к идее «как надо трансформировать систему», «как укоренить учение», как его внедрить в народ, как заставить его принять истинную веру и т.п.

Начинается этап переработки и адаптации учения, идеологии, их приспособления к требованиям повседневной жизни и интересам своих сторонников. Неизбежными на этой стадии становятся и конфликты внутри ближайшего окружения лидера, конкуренция за авторитет, борьба за власть среди наследников (ср.: раздел империи Александра Македонского или Карла Великого, уничтожение соперников Сталиным после смерти Ленина, затем Хрущёвым после смерти диктатора и др.). Но столь же неизбежными оказываются практические требования дня по сохранению завоеванного, организации социального взаимодействия последователей с консервативной и инертной массой народа, живущего своими частными интересами, вписыванию «прорыва» в обычную жизнь. Фаза рутинизации — критический момент для харизматического господства и начала возникновения нового социального порядка: или обновления традиционного господства, или — в современных условиях — легализации нового политического порядка, формирование государственного строя, церкви, появление новой бюрократии.

Третий тип легитимности господства — легальный характер власти. Легальный — «законный», основанный на установленных законах, конституциях или институтах с аналогичным статусом и функциями. Здесь авторитетным основанием для повиновения приказу, распоряжению является закон, система письменных правил, нормы права, статьи устава, конвенции, пункты технических инструкций и проч., которые определяют право повиновения и регламент соответствующих действий исполнителей.

Третий вариант легитимности и есть бюрократическая система управления. Если традиционное, харизматическое господство носит исключительно персоналистический характер (повиновение конкретным лицам), то бюрократическое или легальное господство носит безличный, беспристрастный («невзирая на лица») и в каком-то смысле бездушный характер. Когда мы поражаемся

зверству ОМОНа или Росгвардии, цинизму судей, которые выносят заведомо аморальные приговоры, штрафы и прочее, предписанное им Администрацией президента, то мы должны понимать, что они не могут действовать иначе. Их деятельность сводится к применению формальных должностных инструкций к конкретному случаю. Это производит крайне тяжелое впечатление на человека с моральными или гуманистическими убеждениями, но так работает система. Разумеется, в других странах бюрократия будет руководствоваться другими законами и действовать по другим правилам, исходить из других принципов, но столь же формально и по закону.

В России нет понятия универсализма права (объективного статуса права), верховенства права, оно продекларировано в начале реформ, но не входит в практику правоприменения. Другими словами, оно не *институционализировано*. Отсюда уродливое сочетание формализма и сервильности (как говорил генерал Франко, «друзьям — все, врагам — закон»).

Бюрократическая система не обязательно жестока, не обязательно бездушна, но она иначе не может⁴⁷.

Последствиями бюрократизации является нивелирование социальных различий и создание с течением времени массового общества,

---

⁴⁷ Бюрократия — это не всегда только «плохо». Могу привести хороший пример: реформы, которые провели в Восточной Германии между 1991 и 1995 годами. Это блестящий пример бюрократической работы по приватизации, изменению инфраструктуры, внедрению новых правовых принципов и отношений, изменению системы образования, трансформации экономики, социальной жизни, пенсионного обеспечения и проч., осуществляемой чисто бюрократическими мерами. За пять лет они добились фантастического результата, вписав страну, находящуюся в катастрофической ситуации, с экономикой, которая никому не была нужна, потому что она не производила те вещи, которые пользовались спросом, в современную высокоразвитую западную экономику (см.: К.-Х. Паке. Баланс. Экономический анализ проекта «Немецкое единство». М.: Мысль, 2018). В строгом смысле я не знаю другого такого примера, когда за столь короткий срок власти осуществили бы полноценную трансформацию общества. Поэтому сама по себе бюрократия не хороша и не плоха, важно, кто задает ей программу и определяет характер работ.

Лекция 4. Типы легитимного господства

массового в том смысле, что все население рассматривается как некоторые однородные единицы — субъекты права. Другое дело, что, как я уже говорил, главная проблема бюрократии — это проблема того, кто ее контролирует, кто задает программу деятельности. А это, собственно, сфера политики. Политика диктует нормы (парламент) и цели бюрократии (правительство). Люди, которые возглавляют бюрократические учреждения (министры, главы департаментов), приходят не из самих этих учреждений и ведомств, а назначаются извне — правительством, парламентом или президентом (обычно после выборов или отставки предыдущего руководства государства). Поэтому победа на демократических выборах означает смену политического курса, но это прерогатива политиков, а не бюрократии.

Излагая концепцию легитимного господства Макса Вебера, я до сих пор говорил исключительно в категориях «идеальных типов» господства. В веберовской концепции идеальный тип — методологическая конструкция, в основе которой лежат реальные смысловые отношения действующих, но доведенные до предельной чистоты и непротиворечивости. В действительности мы крайне редко встречаем такие явления, обычно мы имеем дело со смешанными формами, наличием нескольких мотиваций и моделей поведения. Но для понимания и анализа социально-исторических событий и явлений идеально-типические конструкции в разных предметных областях⁴⁸ служат в качестве модели или схемы, образца, с которым исследователь сравнивает собранные эмпирические факты и фиксирует отклонения от модели для того, чтобы установить причинные или функциональные связи в анализируемых процессах.

Например, анализируя формы рутинизации харизмы, Вебер в ряде случаев использует выражение «ведомственная, или статусная, харизма» (для описания авторитета высшего церковного иерарха,

---

⁴⁸ Примеры идеально-типического образования понятий у Вебера: типология городов — город-коммуна, вотчинный город, полис, резиденция и т.п., демократия, военный капитализм, протестантская этика, октроированное право, монашеская аскеза, религии спасения и масса других понятий с разной степенью генерализации.

допустим, епископа или кардинала, папы, патриарха). Это означает, что сама по себе личность человека, занимающего такой пост, может и не обладать экстраординарными качествами и свойствами, но ими его наделяет само положение в организации такого рода⁴⁹.

Поэтому стоит сделать ряд уточнений, когда заходит речь о харизме и бюрократии. В нашей публицистике иногда можно встретить упоминание о «харизме» Путина. Если бы все ограничивалось кремлевскими подхалимами, то об этом не стоило бы говорить, но об этом приходится читать и у либералов, путающих социальную позицию и функциональную роль. Надо учиться разводить эти вещи: фигуру чиновника и подлинного политика.

Было бы большой ошибкой полагать, что феномен популярности и высокого рейтинга Путина есть результат его личных достижений, а не усилий восстанавливающейся номенклатуры — института, неизбежного для функционирования тоталитарных режимов.

Путин пришел к власти совершенно неизвестной публике фигурой, будучи назначен преемником Ельцина, то есть в ходе аппаратной верхушечной интриги; последующие выборы лишь санкционировали его назначение в качестве «политического руководителя». Другими словами, он пришел к власти не как подлинный политик, завоевывая доверие и внимание избирателей, агитируя за свою программу действий, в борьбе с другими кандидатами. Он вышел из номенклатурной среды (КГБ, мэрия, Администрация президента, директор ФСБ), был кооптирован во власть теми, у кого были средства *навязать* обществу свой выбор и признание третьестепенного функционера⁵⁰. И лишь позже, когда он занял высшую должностную позицию в государстве, пропаганда создала ореол «харизматика», «спасителя» от угрозы терроризма, «решительного» человека, могущего избавить страну от экономического кризиса, политика, от которого все зависит, который все решает⁵¹. Юрий

---

⁴⁹ Ср. также: средневековая вера в то, что короли, возлагая руки на больного, обладают силой излечивать болезни и т.п.

⁵⁰ Рейтинг его известности и популярности летом 1999 года до трагических событий — взрывов домов в российских городах — был около нуля.

Лекция 4. Типы легитимного господства

Левада называл этот феномен «наведенной харизмой». Очень хорошее выражение, показывающее, как безликий чиновник был вставлен политической рекламой и пропагандой в «паспарту» массовых ожиданий прихода «спасителя» в драматических условиях кризиса 1998–1999 годов, в обстановке растерянности, утраты иллюзий, надежд на процветание, обещанное после отказа от коммунизма и реформ.

Повторю еще раз для понимания того, как можно работать с веберовскими понятийными инструментами: Путин пришел к власти в ситуации глубокого кризиса, тотального разочарования в реформах, страха после серии терактов в российских городах, фрустрации после поражения в чеченской войне, развала советской империи, на фоне потери работы многими людьми, всплеска преступности, общей дезориентации и разочарования в демократии. Ситуация полнейшей безнадежности, депрессии, отчаяния является главным условием *ожидания чуда и спасителя*, авторитарного вождя. По-другому и быть не может: только в предельной ситуации возникают психологические механизмы переноса надежд, упований, ответственности с себя, беспомощного и несчастного, на фигуру спасителя и вождя, вера в его чудодейственную силу и сверхъестественные возможности решения всех проблем, освобождения от забот и тревог. Так было с Гитлером, Муссолини, Троцким. Но не так, кстати, со Сталиным, который, как и Путин, поднялся к высшей власти путем сложных аппаратных комбинаций и дискредитации, а затем уничтожения своих конкурентов и союзников. Без этих ликвидаций прежних соратников невозможна концентрация и централизация авторитета. Из сказанного должно быть ясно, насколько неточным и неадекватным является понятие «персоналистский режим», которое прикладывают к Путину. Оно сразу же тянет за собой представление о том, что все нити власти сходятся к нему, что он рулит всеми делами и т.п. Эта трактовка не

---

⁵¹ И это, надо сказать, принимается массовым сознанием. Когда мы спрашиваем у россиян, какие черты Путина вас привлекают, то на первый план выходят его «решительность», «волевой характер», опыт.

так безобидна, как кажется на первый взгляд, — она влечет за собой иллюзии, что стоит ему уйти или заставить его уйти в отставку (в результате протестов или раскола элиты), как ситуация тут же изменится.

Различая эти две траектории прихода к власти, мы описываем две различных фазы существования тоталитарных и авторитарных режимов — достижение власти и ее рутинизация, закрепление.

Я стараюсь избегать по возможности понятий «авторитаризм», «авторитарный режим», хотя это самые употребляемые термины для описания путинской системы правления. Я полагаю, что нужно найти более точное словоупотребление, чтобы подчеркнуть ее специфические особенности. «Авторитаризм», с моей точки зрения, слишком расплывчатое и неточное понятие, охватывающее самые разные режимы: диктаторские, деспотические, военные хунты, репрессивные и централизованные, но все же демократические системы правления. А также любые недемократические государственные или политические системы с разной институциональной структурой, идеологией, разной степенью репрессивности и государственного контроля над обществом. «Авторитарными» называются правления Туркменбаши, Виктора Орбана, генерала де Голля, Маркоса на Филиппинах, Ли Куан Ю в Сингапуре, Р. Мугабе или Мобуту в Африке, Ф. Кастро на Кубе, политический строй в Египте, Ираке, Алжире, Ливии (при Каддафи), сухартовская Индонезия, период правления Ельцина, путинизм, латиноамериканские военные режимы и т.п., то есть все государственно-политические системы, которые не являются традиционными абсолютистскими монархиями или современными западными демократиями.

При ближайшем рассмотрении определение «авторитарный», «авторитаризм» оказывается остаточной, недифференцированной категорией социальных наук, куда попадают различные феномены, не подлежащие или не нуждающиеся в специальном разборе. Единственный здесь общий признак — стиль правления. Но что это — президентализм, персонализм, диктатура, тоталитарная система или традиционалистский уклад — сказать нельзя. Мало кто из российских исследователей обращал внимание на усилия Х. Линча детализировать и уточнить структуру названных понятий, сделал

Лекция 4. Типы легитимного господства

акцент на технологии господства, а значит, необходимости учета своеобразия и функций институциональной структуры этих режимов, меняющейся роли идеологии, господствующей партии (что позволяло отделить авторитаризм от тоталитаризма и ввести новые подклассы недемократических правлений в виде султанизма, патримониализма и т.п.)⁵².

Из общего набора черт, приписываемых авторитарным режимам, таких как централизация и концентрация власти в одних руках или правящей группы, партии, приход к власти в результате военного переворота, ограничение свободы слова, СМИ и прав граждан, опора на полицию и армию, олигархический характер власти, отсутствие фактического разделения властей при номинальной демократической демократии, цензура, произвол администрации, коррупция и т.п., выпадают, в частности, и деголлевская, и ельцинская системы правления. Политологи, выкручиваясь из подобных коллизий, вынуждены классифицировать эти режимы. Наиболее известны группировка немецкого политолога Д. Берг-Шлоссера⁵³ и типологический анализ Х. Линца, к которому мы еще вернемся. Берг-Шлоссер исходил из конкретно-исторического описания различных политических форм, а не из функции господства (не из смысловых различий повиновения).

Чтобы разобраться с этим смешением, лучше всего обратиться к истории самого понятия.

Понятие «авторитаризм» ввели в научный оборот представители Франкфуртской школы⁵⁴, а это в основном ученые, которые

---

⁵² *Juan Linz*. *Totalitarian and Authoritarian Regimes* (2000). Одна из глав этой впечатляющей работы опубликована в журнале «Неприкосновенный запас» (2018. № 2).

⁵³ *Vergleichende Politikwissenschaft*. 4th ed. Opladen: Leske-Verlag, 2003. Он выделял традиционные абсолютистские монархии, олигархии (латиноамериканского толка), военные, гегемонистские режимы (Ф. Маркоса на Филиппинах), режимы развития (Тайвань, Сингапур, одно время — Южная Корея при военном правлении), африканский или азиатский «социализм» (Мозамбик, Танзания, Мьянма и др.).

⁵⁴ Одно из первых употреблений в таком контексте связано с понятием «авторитарная личность», введенным Э. Фроммом, который описывал его через

пытались соединить марксизм с психоанализом (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Л. Лёвенталь), или собственно психоаналитики (А. Адлер, Э. Фромм и др.). Как правило, это были евреи, которые эмигрировали из Германии в США или Англию, спасаясь от нацизма. Поэтому первоначально предметом их внимания и исследований были явления массового антисемитизма в Германии, но затем предметная сфера была существенно расширена.

Исследователи этого направления стремились объяснить природу массового энтузиазма, успеха нацистов в Германии, признания такой фигуры, как Гитлер. Именно тогда и возникли первые социально-психологические теории авторитарной личности и тоталитарных режимов. В качестве основы объяснения они использовали идею переноса (трансферта) фрустрированного и травмированного сознания на фигуру лидера, приписывания ему зависимыми от обстоятельств людьми свойств всемогущества.

Это важнейшая основа авторитарного подчинения. Я хочу подчеркнуть эту чисто психоаналитическую ситуацию переноса собственной несостоятельности, комплекса неполноценности (или «комплекса неполноты», как у Адлера), ущемленности, незащитности на вождя, на лидера, на господина, переноса ожиданий и веры в то, что он укажет выход из кризиса⁵⁵.

Если суммировать основные выводы этих исследований, то в остатке мы получаем описание определенного человеческого типа — человека фрустрированного и дезориентированного, а потому легко внушаемого, готового подчиняться групповым стереотипным мнениям, слепо следующего идеализированным авторитетам своей группы; идентифицирующего себя с носителями силы,

---

такие черты, как «реакционность», «консерватизм», «агрессивность», «жажда власти».

⁵⁵ См., например, Г. Айзенк. Психология политики. М.: Мысль, 2016; А. Адлер. Очерки по индивидуальной психологии. М.: Когито-Центр, 2002; А. Адлер. О стремлении к превосходству. СПб.: Астер-Х, 2017; В. Райх. Психология масс и фашизм. СПб.: Университетская книга, 1997; Э. Фромм. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990; Т. В. Адорно и др. Исследования авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.

Лекция 4. Типы легитимного господства

образами мужественности, мачизма, молодости или с коллективными воплощениями национальной или этнической воинственности, милитаризма; человека ригидного, то есть боящегося нового, сопротивляющегося изменениям, склонного к привычному традиционализму (поскольку это знакомо и привычно, то не вызывает страха, фобий нового, неожиданного, необычного); лишенного способности к рефлексии и критичности как в отношении других, так и к себе, суеверного и верящего в заговоры, судьбу, особый путь своего народа, превосходство над другими, а потому легко вытесняющего сознание своей ущербности или неполноценности путем проецирования своих комплексов и недостатков на других, таким образом возвышая себя самого. Такой индивид чрезвычайно зависим от мнений и оценок окружающих, так как он не имеет собственных твердых убеждений и взглядов, а потому отличается избирательностью в восприятии действительности (психиатры называют это свойство сознания «мозаичностью» психики), слабостью собственного «Я», легкостью перехода к агрессии в случае несогласия или неповиновения, демагогией и цинизмом. Все вместе это характеризует тип личности, склонной к агрессии, демонстрации силы и одновременно к подчинению, отличающейся выраженным расизмом или ксенофобией.

Нетрудно понять из всего сказанного, что подобные социальные качества индивидов противоречат условиям, в которых формируется демократия, — признание ценностной автономии и значимости Другого или других членов сообщества, а значит, способность к эмпатии, готовность к диалогу с другими, поискам компромиссов, договорам, участию в общих делах, то есть к участию в политике. (Для этого нужны совсем другие социальные качества: солидарность, критичность и рефлексивность по отношению к общим мнениям и к самим себе, ответственность и доверие, о чем мы говорили раньше.)

Описанные выше социально-психологические качества личности сторонники теорий авторитарной личности переносили на массу, а затем весьма некритично и довольно произвольно на политическую систему, тип власти, ее организацию, объясняя таким образом специфичность возникающих институтов насилия. Такой

логический финт интерпретации привел к неосознаваемой примитивизации интерпретаций функционирования и трансформации репрессивных и авторитарных систем, поскольку при такой постановке вопроса акцент делается только на «оккупационном», принудительном или навязанном характере деспотической или узурпирующей государством власти. Плохо то, что при этом оказалась вытесненной и забытой сама первоначальная постановка проблемы — массовая основа диктатуры.

Бесспорно, что подобные концепции очень многое прояснили в возникновении и характере массовой поддержки репрессивных режимов. Но никакая научная теория не может служить единственным объяснением реальных процессов и явлений. Это же относится и к идее авторитарной личности.

Так или иначе остаток этих интерпретаций вошел в общеупотребительное политологическое понятие авторитаризма, соединяя представления репрессий, централизованного контроля над обществом, подавления прав и свобод, традиционализм и антипатию к демократии. «Авторитаризм» стал удобным конвенциональным понятием в политологических текстах, своего рода кодом или шифром набора различных проблем интерпретации, скрывающим различия социального поведения в разных режимах.

Но вернемся к случаю наделения Путина харизматическим ореолом, сверхчеловеческими качествами («Есть Путин — есть Россия, нет Путина — не будет и России»), такими как обладание политической дальновзоркостью, мудростью, знанием «как надо», волей проведения необходимых решений и достижения целей, персональное воплощение высших коллективных ценностей России — величия державы, защиты ее чести, успешности в сопротивлении враждебности Запада, героической истории народа.

Сам факт таких усилий администрации по сакрализации, возвышению правителя, созданию его культа, потребности в навязчивой пропаганде, рекламе несменяемого президента может рассматриваться как симптом скрытых социальных напряжений и конфликтов в политической системе. Необходимость придания рядовому чиновнику статуса «харизматика» указывает на слабость легитимности политического режима. Легитимации через

Лекция 4. Типы легитимного господства

инсценированные выборы, так как демократические процедуры явно недостаточны, чтобы оправдывать применение чрезвычайных мер и права принуждения, нужны другие средства оправдания несменяемого господства.

Напомню еще раз: последствия подлинного харизматического господства — это разрыв с предшествующим порядком и переход в другое состояние. В нашем случае появление необходимости идеологического оформления безальтернативной власти связано с тем, что ее идеологам и политтехнологам потребовалась дискредитация либерализма и вытеснение из массового сознания всяких следов идей демократических реформ. Назревал разрыв с системой декларированного правового государства в виде Конституции 1993 года, которая — номинально — была основана на совершенно других принципах: незыблемости прав человека, его свободе и признании приоритета достоинства. Подобное разрушение конституционного строя и произошло в 2020 году, но перед этим его еще нужно было подготовить, уничтожив существующую базу легальности господства. И суть идеологической работы, которую проводил режим «православных чекистов», заключалась в навязывании обществу эклектического соединения традиционализма и псевдохаризматического начала. Придание Путину статуса «спасителя», безальтернативного национального лидера, решительного политика оправдывает применение чрезвычайных (внеправовых, неконституционных) мер для выхода из кризиса — незаконное развязывание второй чеченской войны, уничтожение независимых СМИ, введение цензуры, упразднение федерализма и самостоятельности регионов, фальсификации результатов выборов, манипуляции с регистрацией оппозиционных или нежелательных политиков и т.п.

Но более существенно и важно другое обстоятельство — подобные действия не вызвали в обществе сколько-нибудь серьезного сопротивления. Фон был очень благоприятным: рост доходов государства от сырьевого экспорта привел к потребительскому буму в стране в 2003–2008 годах, что в условиях нарастающей цензуры и пропаганды было приписано лично Путину. (Это по-своему может служить свидетельством интеллектуального и морального состояния нации.)

Но такого наведения «харизматического» ореола вокруг Путина было явно недостаточно для полноты легитимации его авторитета. Другим основанием его господства стала политика традиционализации, курс на «усиление духовных скреп», возрождение России, упор на значимость изобретенных тут же традиций. Этой эклектикой и объясняется та популярность Путина, на ней держится легитимность всей его системы.

Российские либеральные политологи воспринимают этот курс как причуды режима, как некий повод для анекдотов, не связывая страсть к ритуалам, играм в солдатики «нацлидера», демонстрации им силы и политику провокаций в других странах с установившейся политической системой.

Вебер связывал такие вещи. Он показывал, что соединение или, точнее, рутинизация «харизмы» (или «ведомственной харизмы») и превращение ее в идеологию традиционализма ведет к стерилизации и блокированию разнообразия в обществе, подавлению интересов всех других групп и уничтожению условий для конкуренции политических партий⁵⁶.

Я хочу обратить внимание еще на следующее обстоятельство: если мы говорим об апелляции к прошлому как основе власти (Путин это провозгласил), то фактически это означает совершенно другой принцип легитимности. Апелляция к прошлому указывает (всегда) на *иерархическую, а не представительскую* структуру властных институтов. Если мы апеллируем к прошлому, то это означает право выступать от имени священного прошлого, не подлежащего критике, сомнению, ревизии или анализу (как это имеет место сегодня с принятием целого ряда законов, запрещающих под угрозой уголовного наказания любые иные трактовки войны, кроме кремлевской пропаганды). Это не абсурд, это утверждение своей суверенной власти во всех сферах жизни общества, в том числе подавление политического плюрализма и конкурентности. Собственно говоря, это и есть «вертикаль власти», централизация административного управления, безальтернативность командной системы.

Таким образом, только иерархические (а не представительские) институты обеспечивают в этом случае сохранение и воспро-

Лекция 4. Типы легитимного господства

изводство единых традиций, уничтожая плюрализм как ересь, конкуренцию (самодостаточность политических акторов) как самозванство и социальную неполноценность, авантюризм, политиканство, подрыв «конституционного строя».

Абсолютно неважно, что эта «традиция» мнимая, что это идеологическая фикция, мифологема. Последствия такой политики оказываются вполне реальными и очень существенными, особенно если учитывать навязчивое повторение и вдалбливание в массовое сознание этих идей самыми разными инстанциями — от В. Зорькина, председателя Конституционного суда, рассуждающего о позитивном значении крепостного права (пусть это холуйский эксцесс, но сам предмет высказываний, конечно, не случаен), до популярнейших телеведущих.

С точки зрения социологии коммуникации эффект производит не столько само конкретное содержание сообщения, сколько его непрерывное повторение, при котором возникает ощущение или видимость привычного, общеизвестного «факта», получающего модус как бы самой реальности. Поэтому ежедневное прославление победы над фашизмом незаметно для зрителя соединяется с апелляцией к авторитету СССР, к имперским ценностям, замещается символами военной мощи, превосходства над Западом, милитаризма, русской духовностью и ущербностью демократии. Моральный капитал уничтожения нацизма постепенно стал использоваться для прославления русского героизма вообще, славы русского оружия, особенности русской истории, громадности территории, которая приобреталась именно колониальными захватами, для оправдания имперской экспансии русского самодержавия и т.д. А заканчивается это, как мы видим, введением законодательно закрепленного объединения запрета на реабилитацию нацизма (как будто кто-то в здравом уме пытается это сегодня делать) с отрицанием решающей роли СССР в разгроме гитлеровской Германии и (!) на сравнение нацизма с советской системой. Короче говоря, запрета, угрожающего уголовным наказанием, на сравнительно-типологический анализ различных форм тоталитаризма.

Путинская апелляция к традиции неизбежно влечет за собой смену принципов легитимации власти. Если мы говорим о

воинской славе, о необходимости самопожертвования людей ради государства, о том, что «Россия» превыше всего, что «наша сила — в единстве», что государство есть главная ценность, потому что с этим связана и безопасность, и выживание всего целого (народа), то нетрудно предположить, что за этим должен последовать еще один тезис: «Россия окружена врагами» (внутренними и внешними), страна в кольце врагов. А отсюда логично ожидать появление следующих утверждений:

а) у правителя есть чрезвычайное право применять репрессии против своих явных врагов и скрытых оппонентов;

б) Россия — особая цивилизация, ей не подходит западная демократия с ее философией прав человека, гуманизма, свободы и т.п., она консолидируется верой в особую миссию самодержавного государства и, соответственно, верой в символизирующего или персонализирующего его «царя».

Идея «пятой колонны», «иностранных агентов» и необходимости их преследований появляется после 2007 года и объявления антизападного курса политики российского руководства. Она окончательно вытесняет идею реформ, демократии, строительства правового государства, вообще права как ценности или объективного принципа. После массовых антипутинских демонстраций 2011–2012 годов эти аргументы закрепляются законодательно, готовыми к правоприменительной практике, к использованию против недовольных. Принятые в 2012 году Думой законы становятся основой репрессивного порядка⁵⁷.

Остановимся на этом подробнее. Посмотрим на еще одну концепцию политики для прояснения как раз именно этого обстоятельства: потребность режима в фокусах негативной идентичности — образах врага. Именно этот комплекс представлений лежит в основе политико-юридического учения о суверенитете другого немецкого ученого — Карла Шмитта (1888–1985).

---

⁵⁶ Меня поражает инерция разговоров наших политиков и правоведов «об объективности права», о важности идеи представительности различных групп и сохранения прежних основополагающих принципов в условиях, когда социальная и политическая почва для этого была уже уничтожена.

Лекция 5.

Концепция «политического» К. Шмитта

Все подходы к трактовке политики как упорядоченной в социальном отношении, регулируемой законом борьбы за власть исходят из более общего представления о недопустимости прямого насилия в достижении господства, когда оно оборачивается гоббсовской «войной всех против всех». Сама по себе мысль о самодержавии, автократии, деспотизме, диктатуре, централизации господства в этом плане не является особенно устрашающей, если только сохранение господства не предполагает полного уничтожения противника, то есть террора. Но в этом-то и заключается проблема: террор неизбежно порождает сознание несправедливости, что в свою очередь потенциально грозит протестом, сопротивлением, бунтом и восстанием против деспотии. Такое состояние «смуты», общественного хаоса, распада государства, краха порядка или гражданской войны, какими бы причинами она ни вызывалась, обществом и большинством мыслителей обычно расценивается как худшее из всех возможных. Европа очень дорого заплатила за такое понимание, выработав несколько принципов консенсусного или договорного, процедурного решения возникающих конфликтов интересов. Самый важный из них связан с идеей представительства интересов — демократией, второй — с разделением и балансом авторитета ветвей власти, то есть формированием правового государства, создающего барьеры против узурпации господства, системы разделения различных функций государственной власти и их взаимного контроля. Сами формы демократического государства — президентская или парламентская республика, конституционная монархия — по-разному решают организационные трудности реализации этих принципов, но суть в любом случае от этого не меняется: политик приходит к высшим позициям господства (к руководству органами исполнительной власти — статусу главы правительства или президента) путем борьбы за голоса избирателей,

представляя свою политическую программу (набор целей, которые он намерен достичь, располагая финансовыми и административными ресурсами управления), опираясь на мобилизационные ресурсы легальных политических партий, законность чего подтверждает независимый суд.

Такая идеальная модель политической деятельности, предполагающая циркуляцию элит и смену персонального и партийного состава власти, соотносится с не столь явным представлением о стабильном обществе, об устойчивой (свободной рыночной, то есть независимой от власти) экономике, о размеренном течении жизни, об отсутствии каких-либо турбулентных процессов и катастрофических обстоятельств. Ближе всего к этому идеалу — нейтральные Скандинавские страны, длительное время не входившие ни в какие блоковые объединения, а значит, дистанцирующиеся от мечтаний о мировом государстве, территориальных претензиях к другим странам, об идеологическом миссионерстве и всем прочем в таком духе.

Нам эта концепция представляется самой разумной и «естественной», все другие существующие формы политики рассматриваются как извращения, отклонения от нее. Собственно, вся мотивация недавних протестов в России (начиная с 2011 года) неявным образом связана именно с тем, что этот образец политического устройства как бы «сам собой разумеющийся», «естественный», безальтернативный.

Но это не единственная философия политики или концепция «политического» порядка. Обратите внимание на аргументацию российских судей, прокуроров, Роскомнадзора, Минюста и других институтов, которые, опираясь на принятые после 2012 года законы и измененную Конституцию, выносят приговоры, штрафы, наказания, запрещения НКО или вердикты «нежелательных организаций», исходя из своего понимания «политического»: **«политикой»** здесь становится все, что считает «политическим» сама

---

⁵⁸ Путинский режим с внешней точки зрения представляет собой централизованную структуру господства, не дифференцированную на отдельные ветви власти, поскольку и суд, и парламент, и правительство, и нижележащие

власть⁵⁸. Как сказано в акте Минюста о включении Левада-Центра в реестр иностранных агентов, публикация результатов исследований общественного мнения — это «политическая деятельность», поскольку она влияет на «неопределенно широкий круг лиц, включая государственных служащих». Явная абсурдность этого суждения совершенно не смущает чиновников. Публикация сведений о том, как и что большинство людей в стране думают по разным поводам и о разных предметах, не может быть фактором политического влияния; то, что известно всем или многим (как следует из определения «общественного мнения»), может служить поводом или основанием для общественной рефлексии или дискуссии, но «является влиянием», если не считать, что правом мнения обладает только суверенная власть, точка зрения которой становится определением реальности. Тем более не смущает чиновников и очевидное противоречие с базовыми статьями Основного Закона РФ — Конституции. Или, как заявила руководительница департамента Минюста, бывшая его представителем в суде, в ответ на возражения и протесты наших адвокатов, «только государство вправе судить о том, что соответствует и что противоречит Конституции, и только оно может определять, какая деятельность является “политической”, а какая — нет».

Многие из вас тут же начнут возражать, говорить об извращенном толковании, цинизме судей и чиновников Минюста, депутатов Госдумы, принимающих такие законы, полном произволе власти, не допускающей оппозицию к выборам, убивающей своих критиков, посадившей по сфальсифицированному делу А. Навального в тюрьму и т.п., что так не должно быть, что это несправедливо. На все это я отвечаю: «Да, это так с точки зрения правового демократического государства». Но *действительность*, а именно: суды, прокуратура, Минюст, ФСБ, действует именно так, а не иначе, и это принимается страной, более того, как показывают наши опросы, одобряется значительным числом наших соотечественников,

---

отраслевые и региональные бюрократические подсистемы находятся под контролем и управлением (включая кадровые назначения или так называемые выборы) неформального круга лиц и Администрации президента.

не скажу — граждан. Это действительность (от слова «действие»). Можно сколько угодно возмущаться этим, негодовать, но я здесь не для этого. Я хотел бы, чтобы вы понимали социальную природу этого массового поведения, основанную на другой философии «политического», без чего, с моей точки зрения, весь протест будет протестом слепых.

Ближе всего позиция Минюста, Путина, Госдумы и всех чиновников находится к антилиберальной концепции политического, которую в 1920-х годах выдвинул немецкий юрист Карл Шмитт, ставший позднее ведущим правоведом нацистской Германии. В молодости Шмитт был знаком с М. Вебером и зимой 1919 года слушал в Мюнхене его лекции о науке и политике как профессии. Как пишет компетентный комментатор работ Шмитта А. Филиппов, на него в какой-то степени повлияла идея харизматического господства, но я бы не переоценивал это влияние, и чуть позже вы поймете почему.

Суть его концепции политического заключается в кажущемся на первый взгляд довольно простом тезисе: перебрав различные трактовки политики, Шмитт в конечном счете приходит к тому, что единственным основанием для определения того, что есть «политика» и чем она не является, служит понятие «врага». В своей знаменитой статье «Понятие политического» (1927 год, существенно доработанной и расширенной в 1932 году) Шмитт отталкивается от дефиниции врага у Гегеля, подчеркивавшего, что за признанием врага стоит потенция «нравственного отрицания чужого» в его, как тот пишет, «непосредственной и живой тотальности». Способность к борьбе с врагом лишена каких-либо субъективных или частных моментов, аффектов, пристрастий. Это «свободная и безличная» ненависть, конституирующая, вызывающая к жизни представление об объективном, то есть о надличном целом — народе, слитом с территорией, — «стране». Именно это разделение на врага и друга является последним, предельным основанием для консолидации социального или национального целого, аргументом для политического действия. Проведя серьезный анализ различных вариантов конституционного права, Шмитт утверждает, что все прочие основания права вторичны или производны от каких-то иных

принципов. Именно способность принять решение о том, кто враг, определяет настоящего политика, господина, требующего от других подчинения, мобилизации для защиты от угрозы. Начальное представление о враге — условие политического самосознания и консолидации. «Политическое мышление и политический инстинкт теоретически и практически подтверждают себя в способности различать друга и врага. Высшие точки большой политики суть одновременно те мгновения, когда враг в конкретной четкости прозревается как враг»⁵⁹.

Функциональное значение этого определения состоит в том, чтобы обозначить предельную степень интенсивности социальной консолидации (ассоциации) или дистанцирования (диссоциации) вне зависимости от содержания мотивов действия. Шмитт тем самым снимает вопрос об особых интересах, толкающих людей бороться за власть, а вместе с тем об особой предметной сфере или системе отношений, которую либеральные философы и правоведы признавали собственной сферой «политики». «Враг» — предельно Иной, с ним невозможны частные соглашения, нет опосредующих норм и интересов (моральных, экономических, эстетических и прочих), невозможен и суд третьих инстанций. «Враг — не конкурент и не противник в общем смысле... Враг может быть (по своей реальной возможности) только *публичным* врагом, ибо все, что соотносено с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится публичным»⁶⁰. Враг тем самым получает исключительно экзистенциальный смысл, смысл существования. Сам акт такого определения не может быть обусловлен, оправдан, выведен из каких-то иных правовых норм или принципов, это в юридическом смысле чрезвычайная ситуация — чрезвычайная потому, что она внеконституционная, незаконная, но она сама по себе становится источником норм и закона. Тот, кто принимает решение об установлении чрезвычайной ситуации (состоянии вне закона, отмене значимости прежних норм регуляции), тот и является

---

⁵⁹ Шмитт К. Понятие политического / Пер. А. Филиппова // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 61.

⁶⁰ Там же. С. 41.

господином, источником права, конституирующим (новый) социальный или политический, государственный порядок.

Другими словами, речь идет об установлении диктатуры, отмене предшествующих правил, законов и норм, установлении нового нормативного порядка, исходя из идеи угрозы действий врага. По сути, это предельная юридическая рационализация фундаментального социального различия «свой/чужой», «мы/они», корни которого уходят в глубокую архаику. Однако такой порядок не сводится к простому, временному объявлению чрезвычайного положения или (что то же самое) экстраординарному режиму управления. Акт утверждения «врага» (и объявление в связи с этим чрезвычайного положения) полагает новое основание для тотального государства, то есть такого, в котором нет другой воли, кроме воли диктатора. Диктатор обладает суверенной властью, другого источника суверенитета власти нет. Тем самым полагается (конституируется) приоритетное право применения силы по отношению к любому, кто будет объявлен врагом, и вместе с тем готовность к захвату «потенциально любой предметной области» (полное отождествление государства и общества).

Этой статье Шмитта предшествовала большая его работа 1921 года — «Диктатура»⁶¹, в которой он, собственно, и анализировал все существующие конституционные принципы и основоположения. Еще раз напомним, что дело происходит в начале 1920-х годов в Германии в ситуации краха империи, поражения в «Великой войне», вооруженных столкновениях разных общественных сил (добровольцев и ветеранов фрайкора, коммунистических отрядов, полиции, армии, националистов и т.п.), когда вставал вопрос о необходимости новых конституирующих оснований, для которых в прошлом нет примеров и аргументов.

Подчеркну два слова: «тотальность» и «чрезвычайное положение». Тотальность здесь означает гипертрофию некоторого частного, партикуляристского принципа — нормы или закона, предполагающих отказ от ориентации на других (другие институты, другие группы, другие общественные силы), в том числе способность к

---

⁶¹ Там же. С. 41.

диалогу, переговорам, взаимное ограничение и компромиссы. Такой принцип можно провести только посредством принуждения, силой. Для этого требуется лишь констатация «критической ситуации», воля решения⁶². «Чрезвычайное положение», как уже сказано выше, это положение «вне нормативной регуляции», «вне закона». Нетрудно связать семантику этих понятий с действиями ЧК в Советской России в 20-е годы (руководство «революционным» или, что то же самое, «классовым» правосознанием) или с понятиями «особый отдел», «особисты», «спецслужбы» и т.п., которые указывают на выведенность из зоны действия права и законов.

«Политическое» здесь оказывается «тождественным как праву объявлять кого-либо внутригосударственным врагом, так и праву посылать людей на смерть без соответствующего рационального (то есть внешнего) оправдания или цели»⁶³.

Получается, что вообще никакие содержательные, конкретные мотивы действия не образуют форм политического взаимодействия, кроме самодостаточности вражды, сверхценности врага, служащего для негативной конституции соответствующей общности (национальной). Хотя Шмитт конструировал свое понимание государственного права как бы чисто абстрактно, в логически чистой форме — редукции любых фактических обстоятельств политического взаимодействия (легитимности авторитета, его типов, разделения ответственности, оценок эффективности действия и проч.), тем не менее он довольно быстро стал использовать свою концепцию для применения к поднимающемуся нацистскому движению, адаптируя его к тем или иным выступлениям Гитлера. Нетрудно понять, что довольно скоро право суверена соединилось с правом фюрера («фюрер всегда прав», «закон есть то, что считает законом фюрер»). Роль «врага» перешла к евреям, коммунистам и либералам, критика парламентаризма, как и связь политики и территорий, все теснее увязывалась с нацистским движением.

---

⁶² Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005.

⁶³ Поэтому само правовое учение Шмитта называют концепцией «децизионизма».

Примечательно, что, утверждая роль врага как условие политического действия, Шмитт рассчитывал прежде всего на то, что его будут понимать главным образом с точки зрения внешнеполитических вопросов (внутри страны после введения чрезвычайного положения политика как таковая заканчивается, тут устанавливаются общественный мир и согласие, обеспечиваемые не партиями и парламентом, а полицией).

«Либеральное мышление самым систематическим образом обходит или игнорирует государство и политику и вместо того движется между типическими, повторяющимися полюсами двух гетерогенных сфер, а именно: этикой и хозяйством, духом и гешефтом, образованием и владением собственностью... Политическое единство должно в случае необходимости требовать, чтобы за него отдали жизнь. Для индивидуализма либерального мышления это притязание никоим образом недостижимо и не может быть обосновано... <Ибо> весь либеральный пафос обращается против насилия и несвободы. Всякий ущерб, всякая угроза индивидуальной, принципиально неограниченной свободе, частной собственности и свободной конкуренции означает “насилие” и есть *eo ipso* нечто злое. То, что оставляет этот либерализм от государства и политики, ограничивается обеспечением условий и устранением помех для свободы»⁶⁴.

Шмитт лишь намечил ход к понятию тотальной консолидации, но не занимался разработкой учения о тоталитарном государстве, как это примерно в то же время проделал итальянский философ, гегельянец Дж. Джентиле, ставший вместе с Б. Муссолини автором «Доктрины фашизма». При всех симпатиях его к нацизму и Гитлеру он не стал для нацистов «своим». Скорее, можно видеть в нем продолжателя романтической линии защиты консерватизма, идущей еще от Ж. де Местра, Э. Бёрка или немецких представителей «консервативной революции» (Э. Юнгера, А. Мёллера ван ден Брука, О. Шпанна и других), которые соединяли идеи консерватизма с идеями витальности, силы, героической мобилизации, сопротивления как буржуазному индивидуализму, так и коммунистическим утопиям.

---

⁶⁴ Там же. С. 63.

В этом плане Шмитта можно уподобить нашему А. Дугину.

Прославление войны для этого военного поколения было выражением экзистенциального опыта страдания и условием восстановления высших ценностей жизни, возвращением к возвышающему «духу» коллективности, народа, нации, воплощенному в государстве. Консерватизм с его идеей твердого порядка, традиционной — органической — сплоченности и организованности, единства как воплощения жизненной силы «народа» противопоставлялся либеральному «разложению», атомарности, аномии, течности и свободе.

Нетрудно заметить явные параллели между этой открыто консервативной позицией и позицией Путина, прочерченной во многих его выступлениях. Собственно, путинская идеология «государственного патриотизма», если очистить ее от всяких словесных рюшек и бантиков, и представляет собой выражение подобных представлений о суверенности власти как таковой, не зависящей ни от кого и рассматривающей любую претензию на культурную или политическую, социальную, гражданскую самодостаточность, самоценность, субъективную значимость и автономию как покушение на власть. Совершенно неважно при этом, какие дополнительные аргументы и словесные украшения будут использоваться в качестве риторического декора этого самовластия, апроприирующего, присваивающего себе аппарат государства, — патернализм, величие державы, моральный капитал победы над фашизмом или нечто иное, главное остается — способность мобилизации массовой поддержки, исходя из назначения кого-то «врагом». Враг — это не оппонент и не военный противник, это комплекс идеологических представлений, содержащий идею «анти-мы», смертельную угрозу всему, что составляет сущность нас самих, нашу идентичность, наше понимание самого важного в жизни, нашим ценностям.

Наличие «врага» (как условие включения механизма негативной идентичности) задает условия для артикуляции наших собственных достоинств, которые иначе, как в модусе угрозы, для нас не могут быть выражены. Это самый важный и эффективный способ представления коллективного целого в условиях, когда нет

значимых оснований для чувства собственного достоинства, успеха, гордости и самоуважения⁶⁵.

Совершенно иную трактовку функций «врага» дают оппоненты консерваторов, наблюдатели и критики подымающегося тоталитаризма, среди которых особое место занимает, конечно, Дж. Оруэлл. Хотя первые его оценки тоталитарных движений относятся к концу 1930-х годов, уже после участия в испанской войне, когда он увидел общность идущих процессов в Советском Союзе и гитлеровской Германии, но в развитом и систематическом виде его понимание природы тоталитаризма представлено, конечно, в шедевре «1984». Остановлюсь здесь только на его трактовке роли врага. «Враг» в описываемой системе — один из важнейших элементов организации репрессивной системы. Это полумифический внешний противник (могущественное, но дальнейшее государство, с которым ведется где-то там, далеко, на периферии, война, представленная главным образом в сводках средств массовой пропаганды, зрелищах взрывов ракет, убитых мирных граждан) и его агенты в среде непосредственного существования — внутренние враги, становящиеся объектом направленной массовой ненависти и омерзения.

Функции врага заключаются в том, чтобы:

- 1) быть условием постоянной, систематической, всеобщей и истерической мобилизации для защиты целого;
- 2) задавать фокус негативной идентичности (самоопределения от противного);
- 3) канализировать страх и отводить ответную агрессию против руководства в надлежащее русло в соответствии с распоряжениями и приказами руководства;
- 4) дробить массовое и индивидуальное сознание на отдельные, не связанные друг с другом фрагменты, подавляя способность к критическому рациональному мышлению, установлению причинно-следственных отношений между проводимой политикой и ее последствиями.

---

⁶⁵ Сошлюсь здесь на свою старую статью «К проблеме негативной идентификации». Гудков Л. Негативная идентичность. М.: НЛЮ, 2004. С. 262–299.

Наличие врага позволяет власти изолировать субъекта подчинения от любой неконтролируемой и нежелательной информации, конкурирующих ценностных точек зрения, редуцировать и нейтрализовать любые иные возможности интерпретации настоящего, прошлого и будущего для того, чтобы добиться полного тождества индивидуального и коллективного сознания, то есть согласованности мнений и позиций частного человека с властью. Другими словами, наличие врага является условием для самоконтроля или самоцензуры, важнейшим механизмом «двоумыслия» как предпосылки всеобщего конформизма.

Наконец, апелляция к врагу, угрозе национальной безопасности, порождаемой враждебным окружением или действиями внутренних врагов, и тому подобная демагогия может в какой-то степени прикрывать тотальную коррупцию власти или хищническую эксплуатацию национальных ресурсов или собственности населения руководством страны. Но это лицемерие и цинизм правящей элиты России не главное здесь, более важным следует считать способы конституирования целого, которое иным образом не может быть осмыслено и признано массой. Сам факт тотальной коррупции путинского режима вполне осознан российским населением, это не секрет для большинства россиян. Именно поэтому разоблачения Навального не вызывают мощной ответной реакции общества, которую следовало бы ожидать в других странах при публикации такой информации. В любом случае общественный резонанс от роликов про «дворцы», «уточек», дела «чаек» и прочих докладов не идет ни в какое сравнение с эффектом «Крымнаш» или реакцией на войну с Грузией в 2008 году, когда пропаганда навязывала людям тезис, что эта война спровоцирована не столько режимом Саакашвили, сколько США, вытесняющими Россию из традиционных зон господства.

Учение К. Шмитта, основанное на анализе юридических оснований государственного права в прошлом, неизбежно носит подчеркнуто консервативный или традиционалистский характер. По существу, он говорит следующее: в ситуации глубокого кризиса и распада существующих институциональных систем единственным выходом могут быть только архаические способы сохранения

коллективного целого — тотальная диктатура, монополия централизованной государственной власти, подавляющей социальное, культурное и групповое разнообразие общества как территориального единства, страны, нации. Именно растущее многообразие носителями власти расценивается как кризис, хаос и распад.

Шмиттовская концепция политического (как и путинская политика в целом) означает (оправдывает) стерилизацию потенциала усложнения общества, это редукция к предельно простому состоянию и удержание его в таком виде. Дело не в идеологическом оформлении такой стратегии господства, управления массами. Оно может быть любого рода — фашизм, нацизм, северокорейский путь, радикальный ислаимзм, путинизм и многое другое. Важнее здесь другое, то, что не осознается ни массой, ни «продвинутой» публикой, — апелляция к несознаваемым структурам коллективного мышления, коллективному бессознательному, ответная реакция на которую (мобилизующая апелляция) оказывается чрезвычайно сильной и действенной.

После поражения нацистской Германии К. Шмитт был интернирован и оказался под судом, но был оправдан, поскольку его членство в НСДАП и сотрудничество с нацистами продолжалось недолгое время (не по воле самого Шмитта). Он был весьма тщеславным человеком и старался сделать карьеру при Гитлере, но, как выяснилось, его идеи все же расходились с нацистской идеологией, и уже в 1937 году он попал в опалу. Несмотря на это, он почти до конца жизни был вычеркнут из общественной академической жизни демократической послевоенной Германии. Популярность к нему пришла позже, в 1970–1980-х годах, благодаря интересу к нему со стороны левых идеологических течений, пытавшихся работать с идеей децизионизма применительно к тематике революционных движений.

Для либеральной среды в России концепция К. Шмитта не представляет интереса, многим она кажется отвратительной. Всерьез им занимается, насколько я знаю, лишь А. Ф. Филиппов, переведший его труды и подготовивший отличные комментарии. Хотя Филиппова трудно причислить к российским либералам, тем не менее я бы советовал читать его работы, поскольку это очень добросовестный и профессиональный разбор.

Почему так важен для нас К. Шмитт? Потому что он показывает недостаточность власти, фактически в своей практике не нуждающейся в каком-то ином оправдании и идеологическом самообосновании, кроме пустого образа врага. Все остальное (для авторитарного режима, стремящегося стать тоталитарным) не более чем демагогия и прикрытие реальных целей и мотивов действия.

И именно это вычитывает в поведении российского руководства население страны. Никакие аргументы, патерналистские лозунги и обещания не действуют на людей так, как реальное поведение властей, утверждающих свое право на господство, не прибегая ни к каким аргументам, кроме наличия «врагов», внешних (Запада) и внутренних, «не называемых».

Отсюда демонстративная ложь и демагогия официальных лиц, которую альтернативная официозу пресса пытается «разоблачать», хотя весь смысл высказываний представителей власти заключается именно в демонстрации своего права устанавливать норму «реальности», а не в том, чтобы говорить правду.

Таким образом, то, что мы имеем сегодня: усиление традиционализации политики, вытеснение политических конкурентов, оправданное политикой борьбы с внутренними врагами, внешней угрозой и необходимостью возвращения к своим традициям, никак нельзя признать случайным отклонением от ожидаемых процессов модернизации, демократизации и т.п. иллюзий. Архаизация или традиционализация политики — не фантом, это новая легитимизация власти, которая признается большинством россиян. Сменившая идеологию модернизации и демократического транзита идеология государственного патриотизма работает как механизм вытеснения целого ряда фрустрирующих факторов — бедности, униженности, утраты идентичности, вызванной распадом СССР.

Этот последний момент, откровенно скажу, я недооценивал. Мне казалось, что распад СССР Россия перенесла почти бескровно и довольно легко, в отличие от Югославии и Закавказья, где начались жестокие этнические чистки и войны. (Чечню в расчет обычно не берут, хотя это все те же процессы длительного распада тоталитарной системы.) На самом деле все эти травмы и комплексы ушли вовнутрь и заложили основу реверсного развития,

связанного с восхождением Путина. Поэтому Путин — фигура не случайная. Как личность он не интересен, а важен функционально. Точнее, интересен своим цинизмом, характерным для люмпенизированной среды социальных низов, из которых он вышел. На его месте мог быть любой другой функционер. Главное в этом типе — отсутствие следов какого-либо культурного капитала, нигилистический цинизм, принуждающий его к насилию и заимствованию символов чужого достоинства (величие прошлого, царские атрибуты потребления как знаки высокого социального статуса).

Ельцин совершенно не случайно перебирал целый ряд таких бывших гэбэшников и силовиков в качестве преемников для самосохранения, защиты от преследования в будущем и сохранения той системы, которая сложилась при нем. Какие бы ни были его мотивы, последствия этих решений очевидны — регенерация централизованного и репрессивного, авторитарного режима. Но логику этих процессов наши политологи, политики и «общественность» не видят и не хотят видеть.

В 1960–1970-х гг. главным предметом изучения политологов и социологов стали вопросы функционирования демократических институтов в различных странах (политическая антропология, политическое поведение, вопросы парламентаризма), модернизации в самом широком плане, включая процессы деколонизации, появление постиндустриального массового и потребительского общества. Безусловное лидерство западных стран (США, Европы, Японии, «азиатских тигров», Австралии) показало однозначный характер направленности мирового развития, хотя сама по себе модель модернизации претерпела значительные изменения, стала многомерной, демонстрируя разные социально-экономические траектории быстрой и прогрессирующей эволюции, усложнения социальной структуры обществ этих стран. «Политически это была альтернатива социалистическим идеям, которым США активно противостояли в странах тогдашнего третьего мира. В плане теории основатели школы модернизации (Л. Пай, У. Ростоу, Э. Шилз, Г. Алмонд, С. Хантингтон) постулировали, что существует только один путь к развитой современности, на стадии которой классовые конфликты затухают и сменяются политическим

плюрализмом и спокойно ассимилируют меньшинства, экономика вступает в устойчиво бескомпромиссную динамику роста, массовое потребление удовлетворяет потребности населения, а на смену чадающим фабрикам и заводам приходит постиндустриальная футурология»⁶⁶.

Как я полагаю, именно теоретическая слабость понятия «авторитарные режимы» и вытекающая отсюда логическая неопределенность ответов на поставленный вопрос о будущем советского тоталитаризма могут служить объяснением паралича социальных наук, занимающихся постсоветскими процессами. Приверженность к таким ментальным конструкциям неявно задает и формирует представления о «правильной» и «неправильной» политике, о том, что авторитаризм, военные диктатуры или иные варианты репрессивных режимов суть *отклонения* от общей линии и закономерностей современного развития, модернизации, демократизации, укрепившейся после краха коммунизма. Эти же стереотипы лежат в бессознательной основе и наших либеральных убеждений, транзитологии, аморфных воззрений российской оппозиции. Вера в это как доказанный научный аргумент отвергает любые факты, противоречащие этим убеждениям, несмотря на то, что более половины существующих сегодня в мире политических систем не являются демократиями. В этом ряду положение России совсем не случайно. Более того, многие алармистски настроенные публицисты все чаще говорят об умножающихся признаках кризиса демократии. Другими словами, транзитологические установки (с их дихотомией «демократия — авторитаризм») закрывают нам возможности понимания иных — недемократических и нелиберальных смыслов политического действия.

---

⁶⁶ Дерлугьян Г. Демократия как озеро / Предисловие к русскому изданию книги Ч. Тилли «Демократия». М., 2007. С. 7.

Лекция 6.

Политика как призвание и профессия

Вернемся к проблемам анализа смысла политики, которые Вебер разбирает в своей лекции «Политика как призвание и профессия», к его пониманию смысла «политики» и характера «подлинного политика».

В самом начале лекции он предупреждает слушателей: «От разговора о политике как призвании и профессии вы непроизвольно будете ожидать высказываний и оценок по злободневным вопросам... Из сегодняшнего доклада как раз должны быть исключены все вопросы, относящиеся к тому, какую политику следует проводить и какое, таким образом, содержание следует придавать своей политической деятельности. Ибо они не имеют никакого отношения к общему вопросу: что есть и что может означать политика как призвание и профессия?»⁶⁷ Вебер тем самым не просто выводит из определения политики «цели» и «ценности» политического действия, снимая проблематику определенности или аргументации «этически обоснованной» политической деятельности. Это делается не из неких нигилистических соображений релятивизации политики (дескать, все допустимо, все приемлемо), а как раз напротив, для снятия всяких внутренних шор и барьеров в понимании *возможных в реальности* мотивов политического действия, а значит, структуры участия в политике разных акторов, преследующих разные интересы. Они могут вызывать у нас симпатии и чувство близости или омерзения и ненависти, но такие политики есть, и именно это следует признавать и понимать, а не отрицать их действительность только потому, что они убийцы и плутократы. Без этого нельзя выявить собственно этические дилеммы, перед которыми стоит настоящий политик. Политик «может служить целям национальным или общечеловеческим, социальным и

---

⁶⁷ Вебер М. Избранные произведения. С. 644.

Лекция 6. Политика как призвание и профессия

этическим или культурным, внутримирским или религиозным, он может опираться на глубокую веру в “прогресс” — все равно, в каком смысле — или же холодно отвергать этот сорт веры, он может притязать на служение “идеи” или же намереваться служить внешним целям повседневной жизни, принципиально отклоняя вышеуказанное притязание, — но какая-либо вера должна быть в *наличии* всегда»⁶⁸.

Но если сущность политики нельзя схватить из ценностей, которыми руководствуется политик, то что тогда становится основанием, позволяющим выделить политику как самостоятельную, институционализированную сферу человеческой деятельности? «Политика... означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает. <...> Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти “ради нее самой”, чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает»⁶⁹. «Карьера политика... прежде всего дает чувство власти. Даже на формально скромных должностях сознание влияния на людей, участия во власти над ними, но в первую очередь чувство того, что и ты держишь в руках нерв исторически важного процесса, способно поднять профессионального политика выше уровня повседневности»⁷⁰.

Институционализация политики означает, что эта борьба за власть, участие в распределении власти, оказание влияния на тех, кто обладает властью, заключена в рамки определенных установлений — государства, то есть отношений господства людей над людьми, опирающегося на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Современное государство — это политический союз, институционализированное производство господства, обладающее монополией легитимного физического

---

⁶⁸ Там же. С. 692.

⁶⁹ Там же. С. 646.

⁷⁰ Там же. С. 689.

насилия как средства господства внутри определенной географической территории, и, соответственно, состав и значимость установленных таким образом порядков⁷¹. Чтобы оно существовало, люди должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует.

Борьба за власть, таким образом, ведется в рамках различных форм, представляющих разные объединения участников: политические партии и движения, депутатов местных органов («самоуправления»), депутатов парламентов, «политических чиновников» (меняющихся после выборов), политических журналистов и т.п.

Участие в политике — это непрерывный процесс конкуренции за власть, в котором выделяются фигуры, социальные роли «лидеров» или «вождей», обладающих харизмой, то есть способностью привлекать и убеждать людей следовать за ними в достижении определенных целей или интересов. Лидер опирается на свой штаб, лично преданных последователей, с помощью и посредством которых он реализует свои планы и намерения — мобилизации сторонников, пропаганды, участия в выборах или проведения массовых мероприятий, манифестаций, убеждения в важности своей программы и т.п.

Политический вождизм характерен только для Запада, в новое и новейшее время он проявляется прежде всего в образе парламентского партийного вождя, руководителя депутатской партийной фракции в парламенте или внепарламентского демагога, предводителя массового движения. Важнейший признак профессионализации политики — будут ли занятия «политикой» для индивида занятиями «по случаю» (например, в качестве избирателей), «по совместительству» (как членов правлений разных общественных организаций, как депутатов парламента, собранных на момент сессии, но имеющих другое основное занятие и источник дохода) и т.п. Для всех подобных «политиков» политика не является делом

---

⁷¹ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 29. «Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства — об этом нет и речи, но оно, пожалуй, специфическое для него средство» (Вебер М. Избранные произведения. С. 645).*

Лекция 6. Политика как призвание и профессия

их жизни ни в материальном, ни в идеальном отношении. Участие в ней в такой роли обеспечивает им почет, престиж или открывает дополнительные выгоды и бонусы, которые полезны им в сфере их основных занятий.

Совершенно иной тип представляют профессиональные политики, живущие «для политики» или «политикой», — это собственно политические лидеры, их штаб (руководство политических партий, партийная бюрократия), «политические чиновники» (министры, мэры, главы важнейших ведомств и департаментов, приходящие к власти после победы их партии на выборах) и околополитическая журналистика и адвокатура. «Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить “для” политики, либо жить “за счет” политики и “политикой”... Обычно, по меньшей мере идеально, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет “для” политики, в каком-то внутреннем смысле творит “свою жизнь из этого” — либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит “делу”, и тем самым *придает* смысл своей жизни»⁷². «За счет» политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода; «для политики» — тот, у кого иная цель. Чтобы жить «для политики», необходимо иметь другие, независимые источники дохода — финансирование из партийных средств, от спонсоров, обладание собственными средствами (прибылью от промышленных или финансовых активов и т.п.).

Именно усилиями профессионального политика, живущего «для политики», «для дела», политическая деятельность в современных условиях превращается в «предприятие», которому требуются навыки борьбы за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой. Как и всякое предприятие, политика должна осуществляться «штабом» специально подготовленных функционеров и организаторов, вступающих в непростые отношения с харизматическим лидером. Чиновников-специалистов, выполняющих рутинную управленческую работу, не следует путать

---

⁷² Там же. С. 654.

с «политическими чиновниками» или депутатами, парламентариями, «видными людьми», являющимися принципиальными дилетантами как в повседневной управленческой работе партий, так и в сфере политического лидерства. Как раз первые все сильнее противостоят вторым по мере «превращения современного чиновничества в совокупность трудящихся, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это ставило бы под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь»⁷³.

Подлинный политический лидер, вождь, демагог воспитывается либо в непрерывных дискуссиях и фракционных баталиях в парламенте, либо в гуще массового движения, выделяясь из среды с общими интересами и взглядами, осваивая навыки красноречия, ораторских приемов, техники мобилизации и консолидации для достижения намеченных им программных целей и лозунгов. Но вождь — это тот, кто подчиняет себе партийную (профсоюзную) машину (личный штаб), бюрократию, позволяющую прийти к власти через выборы или (что гораздо реже) организацию переворота, через захват власти, давая начало новому политическому режиму — так называемой «плебисцитарной демократии». Верность бюрократии держится не только на преданности лидеру, но и на ожиданиях предстоящих (в случае успеха и победы) вознаграждений (престиж, материальные доходы), а также на страхе потерять их, что составляет, как пишет Вебер, последнюю решающую силу солидарности штаба управления с властелином. «Достигшая господства свита борца за веру особенно легко вырождается обычно в совершенно заурядный слой обладателей теплых мест»⁷⁴. Но это интересы и смысловой горизонт команды политического лидера

---

⁷³ Там же. С. 657.

⁷⁴ Там же. С. 702–703.

Лекция 6. Политика как призвание и профессия

или партийного вождя. (А также, как в нашем случае с Путиным, чиновников, вышедших из среды разлагающейся тотальной бюрократии.) У чиновника нет и не может быть ответственности за последствия его действий, поскольку он действует не от своего имени, а от имени института (представленного либо в статьях закона или в должностной инструкции, его ответственность ограничена исключительно следованием их положениям).

Таким образом, Вебер подчеркивает не только особенности антропологического типа, который представлен подлинным харизматическим политиком, но и соответствующие механизмы отбора данного типа личности, особенность его этической мотивации. В отличие от чиновника, «подлинного» политика — вождя, харизматического лидера — характеризуют другие человеческие качества и этические вопросы: забота о будущем и ответственность перед ним, служение «делу», составляющему суть его жизни. Это, собственно, другая ориентация во времени — как бы точка зрения потомков, будущих поколений. Деятельность вождя всегда подчиняется принципу ответственности, прямо противоположной ответственности чиновника. Если чиновник (включая политического чиновника) должен исполнять свои функции и дела *без гнева и пристрастия, бесстрастно*, «то страсть — суть стихия политика, и прежде всего политического вождя. <...> Честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная *личная* ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права»⁷⁵.

Три качества определяют «подлинного» политика: *страсть* (ориентация на существо дела = страстная самоотдача «делу», служение тому богу или демону, который этим делом повелевает), *чувство ответственности* (перед главным делом его деятельности), *глазомер* («способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется *дистанция* по отношению к вещам и людям») ⁷⁶. Сочетание

---

⁷⁵ Там же. С. 666.

⁷⁶ Там же. С. 690.

этих качеств характеризует силу политической личности. Напротив, «смертный грех» политика — уход от существа дела и безответственность, тщеславие, несовместимое со стремлением к власти как необходимому средству, демагогия с одной лишь целью — произвести впечатление на других, соблазн пустой этической риторики, означающей пренебрежение последствиями своих действий.

Настоящий политик сознает, что каждый раз он должен выбирать между следованием своему делу, которое неизбежно сопряжено с насилием при достижении поставленных целей, задевая интересы многих людей или социальных групп, и ответственностью за последствия своих действий, между этикой ответственности и этикой своих убеждений. В конечном счете эти императивы не абсолютные противоположности, но взаимодополняющие принципы, без которых не может быть подлинного политика. Рано или поздно он следует лютеровским словам: «Я здесь стою, я не могу иначе».

Политика — слишком серьезное дело для романтически безответственных дилетантов — политических журналистов, «революционеров», «литераторов», пребывающих в состоянии «стерильной возбужденности» (это выражение Г. Зиммеля Вебер несколько раз повторяет в лекции)⁷⁷. «Кто хочет заниматься политикой и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из *него самого*. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. <...> Кто ищет спасения своей души и душ других людей, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе с христианским Богом в его церковном проявлении, — напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом»⁷⁸.

---

⁷⁷ «Стерильная возбужденность», ставшая характерной для немецких интеллектуалов, утекает в пустоту «романтики интеллектуально занимательного» без всякого делового чувства ответственности. С. 690.

⁷⁸ Там же. С. 703.

Лекция 6. Политика как призвание и профессия

Я привожу цитаты из Вебера, чтобы передать своеобразие его личности, проявляющейся в стиле высказываний. Вебер был страстным человеком как в науке (работоспособность доводила его до нервного истощения), так и в политике, из которой он ушел. Мне кажется, знакомство с таким типом человека крайне важно для нас, привыкших, что цинизм — это нормально, в смысле «общепринято». И учитывая, что «идеализм» моральных воззрений у тех, кто готов протестовать против режима, становится часто «романтическим» противовесом понятию нормальности, не вызывая при этом чувства ответственности ни за свои действия, ни за образ мыслей.

Сделаю некоторые предварительные выводы. Формирование представительской демократии — выделение автономной сферы «политики» из недифференцированных отношений господства — означает складывание условий для проявления личности лидера, способного ставить цели, исходя из своих представлений о будущем, увлекать за собой людей, поверивших в его способности и преданность «делу», нести ответственность за свои действия, включая выбор между предполагаемыми разными последствиями применения государственных средств насилия для достижения своих целей. Настоящий, или, как говорил Вебер, «подлинный», политик вступает в борьбу за власть не только с такими же, как он, лидерами, но и с разными группами бюрократии — «политическими чиновниками», партийной бюрократией и бюрократией ведомств, политиками «по совместительству», дилетантами (сессионными депутатами), с безответственными фразерами — политическими журналистами, «литераторами» и т.п. Именно в конкуренции и борьбе с ними складывается характер и социальная роль политического вождя, сочетающего в своей деятельности компромиссы и насилие, исходя из перспективы проведения последовательного курса завоевания и удержания власти.

Такой тип лидера — явление маргинальное в России. Нельзя сказать, что этих лидеров совсем нет, некоторое их подобие (Г. Старовойтова, Б. Немцов, А. Навальный, Л. Шлосберг и др.) возникает в кризисных ситуациях, но им не дано развиваться в полноценных политических лидеров. Их либо убирают (убивают, репрессиируют, не допуская до выборов и борьбы за власть), либо «приучают»,

включая в состав номенклатуры, политической бюрократии, и тем самым стерилизуют их лидерский потенциал. Те, кто у нас представляет политику и «политиков», лишены «политического инстинкта», то есть неспособны ставить новые цели (достижения будущего) и мобилизовать своих сторонников. Наиболее распространенные типы — это либо выходцы из бюрократии разного уровня (от отраслевой и региональной номенклатуры, в особенности «силовой», до администрации среднего звена), поднявшиеся на публичную арену в результате аппаратных интриг (неполитического участия в распределении власти), либо плутократия — политические дилетанты, примкнувшие к политике в расчете на получение престижа, возможностей лоббирования бизнес-интересов, защиты от уголовных преследований и других побочных интересов, а также совсем новая генерация: политтехнологи, спортсмены, врачи, артисты, тщеславные журналисты и другие «видные» или «знатные люди».

В целом все это множество «живущих политикой» приходит в политику и во власть не политическим путем, а через разного рода кооптационные структуры и каналы, подбираются сверху по принципу лояльности и награды. В итоге то, что называется российским «политическим классом», в человеческом плане представляет собой смесь беспринципных карьеристов и коррупционеров, исполнительных чиновников, лишенных собственной инициативы, и номенклатурных рантье, готовых защищать свое достигнутое положение и доходы любым образом и способом, включая самые бессовестные и жестокие.

Поэтому консерватизм проводимого ими курса легитимного насилия предопределен самими механизмами селекции во власть и полной стерилизацией какой-либо инициативы и способности мыслить политически. Соответственно, как и в случае с бюрократией, перед теми, кто все же видит себя предназначенным к политической деятельности или верит в свои возможности для этого дела, стоит тяжелейшая задача не только по «выращиванию» настоящих политиков, лидеров, но и трансформации самой бюрократии.

В своем разборе господства я уже касался проблематики описаний различных типов человека — харизматического политического лидера и его отличий от чиновника (политического чиновника,

Лекция 6. Политика как призвание и профессия

бюрократа-функционера), традиционного человека и других. Но мы еще не говорили о наиболее массовом типе человека — подданном или подчиненном, который является основой любого режима. Это одна из самых интересных проблем в социальных науках: изучение и смена человеческих типов в социальных процессах.

Лекция 7.

Проблема «советского человека»

Любые значительные изменения в социальных и гуманитарных науках обусловлены не просто появлением нового представления о человеке, а усилиями по операционализации этого интуитивного образа, его методической проработки для интерпретации уже имеющегося материала.

С расширением влияния позитивизма множатся специализированные «человеки»: Homo economicus (модель целерационального поведения, заданная императивами калькуляции цели и средств ее достижения, учета неизбежных побочных последствий достижения цели и т.п.), Homo religious М. Шелера, Homo ludens Й. Хёйзинги (образец сложного, закрытого ценностно-аффективного, самодостаточного социального действия носителя культуры), Homo faber («человек творящий» у М. Шелера, А. Бергсона, Х. Арендт), Homo sociologicus Р. Дарендорфа (описываемый как система институционализированных социальных ролей), political man («человек политический»), впервые появляющийся у А. Даунса, но проработанный С. М. Липсетом⁷⁹ (актор, участвующий в деятельности демократических партий в условиях правового государства), «человек психологический» (наделенный всеми характеристиками из арсенала современной психологии интровертности и экстравертности, комплексами, травмами социализации, гештальтами восприятия, неврозами современности и проч.), «авторитарная личность» у Т. Адорно⁸⁰ и сторонников Франкфуртской школы, и множество прочих вариантов и типологических конструкций акторов в соответствующих дисциплинах или предметных областях.

---

⁷⁹ Липсет С. М. Политический человек. Социальные основания политики. М.: Мысль — фонд «Либеральная миссия», 2016. Обсуждение этой работы в фонде «Либеральная миссия» — <https://www.levada.ru/2016/05/30/chelovek-politicheskij-perechityvaya-lipseta/>

⁸⁰ Адорно Т., Сэнфорд Р. Н., Френкель-Брюнsvик Э., Левинсон Д. Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследования культуры, 2001.

Лекция 7. Проблема «советского человека»

Эта дифференциация понятий человека отражает фазы социально-исторических изменений, когда на первый план выдвигаются фигуры, имеющие символическое, репрезентативное значение для данной эпохи или периода. Так, например, для периода интенсивной модернизации и развития капитализма, был очень значим такой персонаж, как предприниматель или позднее — инновационный менеджер (воплощенный в идее «созидательного разрушения» Й. Шумпетера и его понятии «элитарной демократии»). В моменты трансформации сложившихся институтов, социальных кризисов на первый план выходят харизматические фигуры демагогов, религиозных реформаторов, политических лидеров и авантюристов разного рода. Напротив, периоды рутинизации социальных потрясений или социальной стагнации отмечены выходом на общественную авансцену персонажей консервативного типа, ограниченных в своих возможностях интеллектуального и культурного восприятия действительности, склонных к репрессивным методам управления и поддержания сложившегося порядка.

Интуитивно понятно, что иерархические, властные или управленческие структуры (армии, бюрократии) отбирают определенный тип человека — авторитарного, склонного к подчинению и командованию, не страдающего избыточной саморефлексией и культурой самопознания, а медицина или монашество предполагают иной тип, чем бизнес или наука, но такого рода «очевидности» редко становятся предметом теоретической работы. Каждый социальный институт включает свою специфическую комбинацию социальных ролей и антропологических типов, обеспечивающих связь своей функциональной деятельности с другими институциональными сферами (материальным обеспечением, правовой регуляцией, образованием, признанием и т.п.).

В России преобладает представление либо о человеке как функционале государственного аппарата («винтике», служащем, «сознательном гражданине», «патриоте»), либо об асоциальном человеке (атомизированном «рациональном эгоисте», «самодостаточной личности»), разделяемое и сторонниками веры в демократический транзит. И это не позволяет видеть то новое, что несет с собой утверждение о «массовом», совсем не героическом и приземленном

человеке, который довольно ограничен в своем кругозоре, но вместе с тем пластичен, умеет работать и понимать ценность труда, легко осваивает технику и новые виды коммуникации, но готов к туфте, заняв исключительно собственными проблемами, не склонен одобрять идеологические и политические авантюры, хотя и вынужден быть их исполнителем.

Советский человек возник довольно поздно, после завершения формирования тоталитарных институтов и окончания массового террора. Он одновременно был и *продуктом* действия всех институтов коммунистической системы, и *материалом* для их дальнейшего строительства и *воспроизводства*. Тотальному государству соответствовала принципиально новая система социализации и образования — координированная работа массовой школы и вузов нового типа, «народной» армии, пропаганды, массовых политических организаций (партии, комсомола, пионерских, женских, военно-спортивных, корпоративных организаций и т.п.), организаций «пролетарской» культуры, управляемых посредством «творческих союзов».

Мифологемы о «новом человеке» характерны не только для СССР, но и для ранних этапов всех тоталитарных режимов — в Германии, фашистской Италии, Китае и других странах. Но если по отношению к нацизму или фашизму не приходится говорить о проблеме репродукции этого «человека» в силу относительной краткости существования этих режимов (12 и 20 лет), то по отношению к советскому тоталитаризму (более 70 лет) вполне оправданными оказываются вопросы, как, в какой степени социально-экономические, пропагандистские или репрессивные институты влияли на структуру личности, формировали ее, каким образом этот тип человека повторялся в последующих поколениях.

Одним из важнейших вопросов при анализе «советского человека» является то, как обычный человек реагировал на идеологический и репрессивный характер тоталитарного государства. Идеологические лозунги и требования (патриотического самопожертвования, аскетизма, бескорыстного труда и проч.) в полной мере *не могли быть реализованными в принципе*, поскольку вступали в противоречие с интересами физического

Лекция 7. Проблема «советского человека»

выживания людей в условиях террора, распределительной милитаристской экономики, форсированной индустриализации. Но, по сути, всерьез никто не рассчитывал на их реализацию и «переплавку» или «перековку», что оправдывало для господствующей партии практику принуждения и сам статус власти, а для подданных оправдывало двойственность сознания, морали и норм бытового поведения, правовой релятивизм. Обычный человек должен был встраиваться в условия скудной повседневной жизни, определяемой государственной экономикой с ее тотальным принуждением к малооплачиваемому труду, иерархическим распределением благ и ресурсов, отсутствием выбора, системой контроля, пронизывающей все сферы публичной и частной жизни.

Противоречивость этих расходящихся планов организованной публичной и частной жизни рутинизировалась настолько, что уже к середине 1960-х годов почти никем не сознавалась как проблема. Состав поколений 1890–1920 года рождения (по преимуществу крестьянский) был перемешан в ходе коллективизации, подавления крестьянских и рабочих волнений, репрессий, а позднее войн 1939–1945 годов и переселения в города. Первое советское поколение (1918–1925 года рождения) вошло в жизнь уже при новых тоталитарных и репрессивных институтах. Именно эти люди были подвергнуты сильнейшей идеологической социализации и ре-социализации, эффективность которой снижалась из-за низкого образовательного уровня населения (к концу 1930-х годов был достигнут лишь начальный, 3-летний уровень образования, к концу 1950-х годов — 7-летний, преимущественно в фабрично-заводских и профессиональных училищах, поскольку среднее образование после 8-го класса было платным в 1940–1956 гг. и доступным немногим). Идеологические премудрости марксизма были доступны лишь тонкому слою городского населения, что снимает вопрос о тотальной индоктринации населения тоталитарных стран. Но тем сильнее оказывалось воздействие бессмысленного, иррационального насилия, новые социальные порядки принимались как безальтернативная данность закрытого общества. Собственно тоталитарной была прежде всего сама государственная машина и организация производства, постепенно захватывающая

сферы повседневной жизни (воспитание, медицину, жилье и т.п.), а основная масса населения была вынуждена принимать эту систему и учиться уживаться с ней, приспосабливаться к ее требованиям и нормам поведения.

Массовое общество советского типа (массовый человек) возникает только к началу 1960-х годов вместе с повышением уровня образования населения (достижением примерно 7–8-летнего общего образования, включая обучение в ремесленных училищах и ФЗУ). Это становится возможным с ослаблением барьеров мобильности (паспортной системы) и интенсивным переселением в города. Принудительное разрушение традиционных сословных и классовых различий в 1920–1930-е годы создало не собственно городское население, а население фабрично-слободского, барачного типа. Городское население (городская культура, относительно универсалистское сообщество) складывается только после смерти Сталина и только в больших городах, составляя на тот момент не более 15–20% (хотя номинально к этому времени «в городах» проживает уже более половины населения СССР). Сельское население начало получать паспорта и возможность уехать из деревни после 1970 года. К середине 1980-х годов образовательный уровень населения поднялся до 9–10 лет, в том числе слой людей с высшим образованием вырос до 10%, а к концу десятилетия до 12%, что порождало другие потребительские запросы и ориентации, расширение кругозора.

Социально-классовая структура к этому времени утратила черты определенности, возникло совершенно особое состояние массовой плазмы, оформляемой государственными структурами. В брежневской Конституции это выражалось как достижение «социально однородного общества» социализма, ликвидация классовой структуры, обеспечение планового рационирования и распределения материальных благ и проч.

Крах веры в коммунизм (идеологию мобилизационного общества) не изменил структуру сознания, но поменял «знамена», вернув суррогаты предыдущих слоев культуры — русского великодержавного или имперского национализма. Это важный момент реверсного движения — интеграция целого достигается за счет подъема «архаических» пластов идеологического сознания.

Лекция 7. Проблема «советского человека»

Именно рутинные структуры социального взаимодействия (в особенности структуры повседневности и «обычного человека»), а не политические лозунги и программы обеспечивали устойчивость социальной системы, особенно в условиях исторических потрясений и катастроф.

Реакцией на процессы массовизации советского (и тем более постсоветского) социума оказывалось не развитие, а умножение форм адаптации к власти, включая разведение норм и ценностей официальных и неофициальных, частного существования, навыки демонстративной лояльности и покорности, запреты на осознание того, о чем нельзя думать и говорить, практики систематической лжи, двоемыслия, приписок, коррупции и мелкого воровства, без которых обычная производственная и частная жизнь была бы невозможной. Уже поколение 1930–1940 года рождения и тем более последующие генерации усваивали этот опыт адаптации, приспособления и двоемыслия, пассивности без каких-то особых внутренних личностных конфликтов. Лицемерие стало основой массовой коллективной социализации. Все жизненные и экзистенциальные интересы человека были направлены на обеспечение условий собственного скромного благополучия.

Накапливающаяся неудовлетворенность потребления, растущая по мере роста образовательного и квалификационного уровня работающего населения, особенно в среднем звене бюрократии (ИТР, интеллигенции, совслужащих), основе государственной системы, размывала нормы коллективного «единодушия». Повышение квалификации работников, требуемое развивающейся экономикой, упиралось в отсутствие стимулов производительности труда, что создавало серьезный диссонанс между растущими потребительскими запросами, требованиями к качеству жизни и характером тотальной организации общества.

Еще до перестройки на узких, «домашних» семинарах Левады мы обсуждали ресурсы воспроизводства советской системы. Уже тогда Левада заговорил о человеческой основе этой системы — человеке, воспитанном в условиях тоталитарного режима. Перестройка и создание принципиально нового (вне прежней Академии наук) социологического института — Всесоюзного центра

изучения общественного мнения — позволили начать уже собственно эмпирические исследования и этого общества, и человека.

Отличительной особенностью «советского человека», описанной после первого же опроса 1989 г., является глубоко усвоенный опыт приспособления к репрессивному государству. Крайние формы принуждения заметно ослабли к концу существования советского государства, сохраняясь в большей степени на периферии общества. Более сложные реакции и тактики адаптации предполагали скрытое взаимодействие с властью, сочетание принятия ее требований с неявным принуждением власти к учету интересов населения. Возникал неформальный торг, коррупционные сделки, взаимное лицемерие и уступки, множество различных типов социальной игры с властями — сложных негласных или неформальных сделок (в том числе и со своей совестью или тем, что ее заменяло), уступок, отношений господства и подчинения, которые сохраняются и по настоящее время.

Важнейшая из них — *принудительная идентификация человека с государством*. Советский человек — это государственный человек, поскольку государство являлось и единственным работодателем, и органом социальной защиты, попечения и обеспечения. Безальтернативность патерналистского (попечительского) государства делает его монопольным держателем и интерпретатором всех коллективных ценностей, значений всего социального целого. В такой системе координат отдельный индивид не имеет собственной ценности или независимого от государства значения: социальную определенность он может получить только в качестве носителя функциональных характеристик системы, «винтика» государственной машины.

В конечном счете человек и сам начинает определять себя в категориях бескачественной массы: как «простых», «открытых», «терпеливых» (пассивных, то есть не участвующих в политике) людей, обретающих максимум семантической полноты значений только по отношению к внешнему миру. «Мы» — граждане «великой державы», «империи», обладающей правом диктовать свою волю другим странам и народам. Сила (потенциал насилия) выступает как единственный критерий символической значимости индивида

Лекция 7. Проблема «советского человека»

и маркер его социального статуса. Оправдание такого порядка производится путем апелляции к героическому прошлому СССР или имперской России: к мифам милитаризма, эпохам завоеваний и расширения территории, моральному авторитету победителя в войне с нацистской Германией, обладанию ядерным оружием. В этой системе координат легитимность вертикали власти все сильнее и сильнее привязывалась к мифологическому прошлому.

Однако значимость коллективных символов резко снижается (почти до нуля), когда дело касается ценностей частного существования. Здесь соотношение «своего» и «всеобщего» переворачивается, принимая форму оппозиции *«мы — они»*, где «они» означают уже не образы «величия», а вполне конкретные представления об административном произволе, алчности, коррупции и эгоизме бюрократического начальства, то есть персонифицированных представителей государства, не выполняющих своих социальных обязательств. Поэтому отдельный индивид считает себя свободным от обязанностей соответствовать нормам поведения социализированного, «нормального» («советского», «государственного», «как все») человека. Такой человек разрешает себе полный отказ от обязательств, цинизм и бесчувственность по отношению к окружающим (но не своим близким), восполняемые демонстративной жестокостью в отношении девиантов любого рода: к убийцам, чиновникам-коррупционерам и т.п.

Идентификация с государством предполагает номинальное согласие на контроль над человеком, его частной жизнью, или, другими словами, *«принадлежность к государству»* советского человека выражается как взаимозависимость социального инфантилизма (ожиданий «отеческой заботы от начальства») и принятия произвола властей как должного и безальтернативного (необходимости «терпеть»).

Следующая характеристика «понижающей адаптации» заключается в *уравнительных* установках: «Пусть понемногу, но всем одинаково». Такое отношение распространялось на «всех» (то есть таких же людей, как сам индивид), *кроме тех, кто занимает более высокое социальное положение* в иерархии и причастен к авторитету государства, репрезентирующего коллективные

ценности — безопасность, общий мир и благополучие, что отчасти подавляет социальную зависть. Поэтому этот эгалитаризм имеет очень специфический характер — это «иерархический эгалитаризм»⁸¹.

Массовая установка на примитивизацию запросов или вульгаризацию представлений о человеке (выбор и предпочтение во всех случаях более простых представлений) вытекает из самого признания насилия как сверхзначимого принципа социальной организации. Практики контроля, подавление разнообразия, ограничение субъективной автономии предполагают дискредитацию любых форм авторитета, не связанного с государственным насилием. Осуждаются не только идеи «меритократии», «благородства», подражание высшим слоям прошлого, культивирующим особый тип достоинства, но и сама установка на элитарную культуру. Вместо этого власти пытаются создать суррогаты «успеха», «достижения», «элиты», но только как находящейся на службе государства. Доминирующие латентные мотивы этого эгалитаризма — зависть, resentment, в свое время идеологически оправдываемый и раздуваемый большевиками, но сегодня чаще принимающий формы цинизма, диффузной агрессии. В любом случае результат этой политики «социальной однородности» социализма — массовость без присущей западной культуре сложности и дифференциации⁸². «Человек советский», как пишет Левада, вынужден и приучен следовать и принимать в расчет только очень упрощенные, даже примитивные образцы и стратегии существования, но принимать их в качестве безальтернативных.

---

⁸¹ «...фактор, структурирующий вертикально советское общество, — мера допущенности к властным привилегиям и сопутствующим им информационным, потребительским и прочим дефицитам». *Левада Ю.* Советский простой человек. С. 19.

⁸² «Простота» как характеристика «русских», получаемая в самоопределениях опрошенных россиян, — это вовсе не открытость миру и готовность к его принятию, а примитивность социального устройства, отсутствие посредников между государством и человеком. *Гудков Л.* Этнические фобии в структуре национальной идентификации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 5. С. 22–27.

Лекция 7. Проблема «советского человека»

Иерархическое распределение государственных прав (и привилегий) в зависимости от места в системе господства блокирует и вытесняет представления об универсальности человеческой природы (идеи неотчуждаемых прав, свобод, достоинства) и веры в закон, объективность права. Результатом этого оказывается стирание и подавление социальных, культурных и групповых различий, которое закрепляется как негативное или даже агрессивное отношение к любым формам своеобразного, нового, необычного. Институционально закрепленная *одномерность общества (масовость и единообразие «советского человека»)* достигается практиками типового унифицированного образования (в средней и высшей школе), нацеленного на удовлетворение интересов бюрократического управления и плановой распределительной экономики⁸³. Поэтому «советский человек» определяет себя и других через систему групповых и государственных *ограничений и статусных привилегий, отступлений от закона*, а не благодаря своей деятельности и ее результатам.

Как пишет Левада, видимость отеческой заботы порождает видимость благодарного подчинения, показное участие в государственных делах (следование лозунгам патриотизма) оборачивается соучастием в преступлениях государства, принятие ценностей государства становится условием сохранения ценностей частных, каждый в отдельности против каких-то действий власти (или равнодушен, апатичен), но механизм коллективного принуждения вынуждает «всех вместе» выражать бурное согласие с каким-то очередным лозунгом.

Противоречия между требованиями соответствия «образцу» (давлению тотальной власти) и интересами повседневного выживания обычного человека порождали хронические напряжения, накапливающиеся в виде разрывов между обещаниями «светлого будущего», надеждами или иллюзиями людей и реальностью их жизни, окрашенной постоянной борьбой за выживание, за доступ к дефицитным ресурсам. Неизбежный в этих случаях ресентимент снимался «сознанием» своей *исключительности* или *особости* «нашего» (советского, русского) человека, его *превосходством* над другими народами (по меньшей мере несопоставимости). Поэтому

для советского (и постсоветского) массового человека характерно специфическое *соединение чувства превосходства с ущемленностью*⁸⁴.

Разведение модальных планов существования и установление ментальных барьеров или границ между ними («двоемыслие») обеспечивало психологическую защиту, смягчая остроту противоречивых мотивов поведения, но не решало проблемы реальной жизни.

Но как власть пытается манипулировать населением, так и население, в свою очередь, «управляет» властью, пользуясь государственными ресурсами, немножко подкрадывая, покупая ее чиновников для своих нужд. Это диффузное «полусознание» держится на всеобщем ожидании репрессий, образующем фон коллективного принуждения, чувство «общего заложничества» («все в ответе за каждого»), которое распространяется на все сферы групповых взаимоотношений — семейных, профессиональных, учебных и проч.

Суммируя, «советский человек» (как своеобразный социально-антропологический тип) может быть схематически описан следующим образом:

1) *массовидный, усредненный* (то есть ориентирующийся на норму «быть как все»), для которого «типичность», усредненность оказывается очень важным элементом самоидентификации и регуляции, а потому подозрительный ко всему новому и своеобразному; неспособный оценить достижение (в том числе понять поведение) другого, если оно не выражено на языке иерархии государственных статусов;

2) *приспособленный*, адаптированный к существующему социальному порядку; массовый человек так или иначе, с ропотом или безропотно принимает произвол «государства»;

3) это «простой» человек, *ограниченный* (в интеллектуальном, этическом и символическом плане), не знающий иных моделей и

---

⁸⁴ Сознание превосходства (или своей исключительности) имело разные источники, исходило от разных исторических пластов культуры — православное сознание своей праведности (в отличие от католиков и протестантов) могло дополняться имперским высокомерием, а оно, в свою очередь, коммунистическим миссионерством и гордостью первого пролетарского государства, а далее — населения сверхдержавы и т.п.

Лекция 7. Проблема «советского человека»

образов жизни, поскольку ему приходится жить в условиях изолированного и репрессивного общества; одновременно свою примитивность и бедность он считает «достоинством», превосходящим над «другими»;

4) иерархический человек, четко осознающий, что не только экономические и социальные блага, но и человеческие права, внутреннее достоинство, признание человеческой ценности, понимание допустимого, этические нормы, интеллектуальные способности, потребности и самооценки распределяются в соответствии с социальным статусом и положением в структурах власти; социальная графикация и признание, а значит, распределение авторитетности носят исключительно пирамидальный характер и не связаны с достижениями и способностями индивида; точнее, достижения или способности могут быть признаны исключительно в рамках «должности», положения в системе иерархических статусов. Это означает, что универсальность норм, ценностей, принципов графикации здесь не признается и не работает; и награждения, и наказания всегда выносятся с учетом принципа «взирая на лица». Иерархическое и партикуляристское понимание устройства общества служит среди прочего объяснением всеобщей индифферентности по отношению к коррупции и казнокрадству чиновников всех уровней (включая и президента)⁸⁵. В таких социальных обстоятельствах понятие «элиты» (а значит, механизмы выработки новых идей, образцов поведения и восприятия реальности, типы самоорганизации, а также селекции достижений) не работает, даже для институтов (науки, искусства), в которых эти принципы провозглашены не просто как функциональные, а как конститутивные. В общественном дискурсе это понятие полностью дискредитировано и либо отсутствует в своем исходном значении, либо сокращено и редуцировано до «властной элиты». «Номенклатуре» уже сама идея «элиты» глубоко чужда, и она искореняет ее со всей мыслимой враждебностью;

---

⁸⁵ Общественное мнение — 2017. М.: Левада-Центр, 2017. С. 90 (табл. 9.2.11); о восприятии коррупции в высших эшелонах власти см.: Общественное мнение — 2019. С. 106–108.

5) это хронически *недовольный* человек, прежде всего тем, что предоставляется ему в качестве всем «положенного», а потому *разочарованный*, завистливый, фрустрированный постоянным расхождением между тем, что ему «дано», и тем, что «обещано» (что составляет остаток невыполненных социальных обещаний и идеологических обязательств предшествующего режима)⁸⁶;

б) поэтому считающий себя вправе обманывать всех, с кем он имеет дело: как начальство, власть, так и своих близких; это *лукавый* человек, демонстрирующий лояльность властям и своему окружению, но по-настоящему заботящийся лишь о своем выживании или об очень узко понимаемых прагматических интересах;

7) *неуверенный* в себе человек, поскольку он никогда не может полагаться на действие правил формальных государственных институтов, а значит, на правовую и социальную защиту (суда, полиции, соцстрахования и т.п.), обеспокоен стабильностью или предсказуемостью своего существования в условиях хронического административного и социального произвола; он крайне *недоверчив* (за исключением ближайшего круга родных и знакомых)⁸⁷; невозможность или отсутствие для такого индивида оснований для внешней самооценки и уважения производят хронический комплекс недооцененности, коллективной ущемленности;

8) его разочарованность и чувство неполноценности компенсируются сознанием своей (массовой, коллективной) *исключительности, превосходства* (причастности к чему-то «особенному», «сверхзначимому», «надындивидуальному» — великой державе, империи, народу, — опять-таки являющемуся одним из остатков идеологии «нового человека», исключительности советского общества, «особого пути» православной России и т.п.) и в то же время прорываются неупразднимой *ностальгией* по идеализируемому прошлому, к которому относят все несостоявшиеся мечты,

---

⁸⁶ Общественное мнение — 2019. Левада-Центр, 2019. С. 42–43, 45.

⁸⁷ Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // ВОМ. 2012. № 2. С. 8–47. «Большинству людей нельзя доверять, к людям надо относиться с осторожностью» (ВОМ. 2008. С. 157 (табл. 11.9); ВОМ. 2019. С. 25 (граф. 2.7). Такой ответ дали от 63 до 85%, в среднем 74%.

Лекция 7. Проблема «советского человека»

иллюзии, комплексы, желания; добавим сюда же и связанные с этим разнообразные комплексы, страхи, ксенофобию и параноидальную убежденность в существовании внешних и внутренних врагов, темных сил и «заговоров против России»;

9) жесткость предъявляемых к нему нормативных требований и правил снимается *двомыслием*, лукавостью и *коррупцией* (причем эта коррупция двунаправленная: подкупается не только власть в лице разного рода чиновников и надзирателей, раздатчиков государственных услуг и благ, но само население — через различные подачки, привилегии, послабления, поощрения, посулы и разнообразные символические знаки избранности или хотя бы выделенности (включая и принадлежность к «особым» статусам и допускам). Коррупция — не просто смазочное «масло» в машине государственного управления, отношений власти и населения, но и средство фрагментации общества, разъедания гражданской солидарности и веры в силу права.

Описанная типологическая конструкция «советского человека» (устойчивый набор характеристик самоописания респондентов) широко распространена, хотя и не охватывает абсолютное большинство. В выраженном виде эта совокупность черт присуща 35–40% всего населения, составляющим ядро этого типа, однако в ослабленной или менее выраженной форме эти свойства человека проступают у 55–65% россиян⁸⁸. Быстрое «вспухание» этого типа (реверсный процесс, восстановление прежних идеологических ценностей) мы наблюдали в моменты возбужденного состояния общества, коллективной мобилизации, поднимаемой действием агрессивной пропаганды: в 2000 г. — после терактов в российских городах и в начале второй чеченской войны; в августе 2008 г. — во время русско-грузинской войны и после аннексии Крыма в 2014–2015 гг. В социально-стратификационном плане имеет место сдвиг этого типа на социальную периферию (средние и малые города, люди старшего возраста, образование среднее, среднеспециальное и ниже

---

⁸⁸ Левада Ю. «Человек обыкновенный» в двух состояниях // Ищем человека. С. 364–379; Гудков Л. Патриотическая мобилизация и ее следствия // ВОМ. 2018. № 3–4. С. 81–123.

среднего, работники госсектора, бюджетники, пенсионеры), но это не дает повода считать, что, скажем, университетская профессура или «офисный планктон» свободны от конформизма и двоемыслия и не страдают имперской спесью и сервильностью.

Первые замеры 1989 года подтверждали предположения, что с уходом поколения, которое было носителем этого типа сознания (1918–1935 года рождения), система начинает распадаться, поскольку перестают работать прежние механизмы лояльности, терпения и веры в лучшее будущее, то есть сильнейшей эрозии подвергаются сами механизмы социальной гратификации, а значит, и воспроизводства социальной структуры⁸⁹. В ситуации разлома системы молодые и образованные люди (в первую очередь в крупнейших городах России) действительно демонстрировали прозападные и либеральные ориентации, отдавая предпочтение демократическим реформам, рыночной экономике, свободным выборам, высказывая свое неприятие советских символов и отношений.

Но первоначальное предположение, что молодежь, отказываясь от привычных моральных сделок с безальтернативной властью, тем самым оказывает разрушительное воздействие на тоталитарный режим, при последующих замерах не подтвердилось. Уже при втором замере (в 1994 г.) исходная гипотеза получила более слабое подтверждение, а уже при последующих — в 1999 году (проведенного сразу после тяжелого в психологическом смысле кризиса 1998 года) и в 2004 году — стало ясно: описанный тип человека воспроизводится в основных своих чертах, причем характеристики «архетипа» начинают проявляться у совсем молодых людей, которые уже не жили в советское время⁹⁰.

Отсюда вывод Левады: дело не в изменении ценностных ориентаций у молодого поколения и не в особенностях намерений, ожиданий, аспираций молодежи (а они, безусловно, возникли в новых условиях), а в том, что с ними делают социальные институты⁹¹. Заимствования (главным образом технические или технологические,

---

⁸⁹ Левада Ю. Уходящая натура? // Знамя. 1992. № 6. С. 201–211.

⁹⁰ Гудков Л. Преемственность и изменения в поколении 2002–2020 гг. // Вестник общественного мнения. 2020. № 3–4. С. 88–133.

финансовые, образцы массовой культуры и т.п.), на которые часто ссылаются как на признаки сближения России с развитыми странами современного мира, вступают в противоречие с существующими формами социальной организации — ограничение доступа к властным позициям, апелляция к российским «духовным традициям» — и используются для дискредитации современности и проч.⁹²

Установки молодых и более образованных горожан на изменение являются характеристикой *не процесса, а определенной фазы социализации.*

Формирование путинской системы стало возможно не столько из-за потенциала регенерации тоталитарных институтов, сколько из-за отсутствия сопротивления этим усилиям со стороны «общества», политическая культура которого пронизана нежеланием участвовать в общественных делах, отказом от ответственности, недоверием, стойкими представлениями о сомнительности всякого рода энтузиастических движений и общественного идеализма.

Постсоветский «советский человек» за последние 30 лет адаптировался к рыночной экономике, вопреки всем мифам о коллективизме русских и несовместимости «нашего человека» с капитализмом. Он освоил новую бытовую технику, коммуникативные средства и технологии (компьютер, интернет, социальные сети), купил автомобиль, познакомился с чужими для себя формами

---

⁹¹ Левада Ю. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: НЛЮ, 2005. С. 39–60.

⁹² «Принципиальная задача понимания <...> в том, чтобы вскрыть механизм взаимообусловленности позиций, которые представляются полярно противоположными. Скажем, желательным представляется такое сближение с внешним миром, которое несовместимо с привычным имперским самосознанием и потому кажется унижительным. Или принимаются демократические свободы, вынужденно дарованные властью, а потому и с легкостью превращаемые в предмет властного манипулирования. Или признаются, пусть и с оговорками, реформы, которые приводят к длительному падению жизненного уровня населения и тем самым создают массовую почву для недовольства. Другая сторона действия тех же, по существу, механизмов — неоднократно обсуждавшееся соотношение декларативного (желаемого) и реального (вынужденного) поведения». Левада Ю. Перспективы человека: предпосылки понимания // Левада Ю. Ищем человека. С. 274.

потребления и проведения досуга и т.п. Он стал жить заметно лучше, точнее — больше и разнообразнее потреблять. Он — не противник демократии (но и не будет чем-то жертвовать ради ее утверждения в России), ему не нравится коррумпированный авторитаризм, но он не будет выступать против него, поскольку это не касается его лично. Именно такой человек стал условием регенерации тоталитарных структур, более организованных, мотивированных и целеустремленных, и их функционирования на протяжении вот уже 20 лет.

Лекция 8.

*Вместо заключения: как мы думаем*⁹³

Накопилось много поводов, побуждающих высказаться на тему, «как мы понимаем» и объясняем сложившуюся ситуацию, что мы «видим и что не видим» в текущих процессах. Я попробую обратить внимание коллег на слепые зоны либерального консенсуса, не претендуя на полноту и однозначность описания.

Состояние нынешней либеральной мысли в России никак нельзя назвать удовлетворительным. Говорить о кризисе либерализма вряд ли стоит, поскольку идеи и ценности свободы (и связанных с ними свободы мышления и научного знания, человеческого достоинства) мало кто разделяет даже среди продвинутой, образованной части российского общества. Правильнее, на мой взгляд, было бы говорить о стагнации либерализма, отсутствии здесь какого-либо движения, интеллектуальной рутине. В идеологическом плане российский либерализм — нечто аморфное, сливающееся со столь же расплывчатыми представлениями о демократии и правовом государстве. Степени свободы снижаются. Либералы подавлены и дезориентированы, но признать свое поражение очень не хочется. Растерянность вызвана не столько резким усилением репрессий и цензурой, сколько утратой перспектив демократического движения. Власть удерживает население в состоянии «перманентной умеренной бедности» (Я. Миркин), резонно полагая, что обеспеченные люди могут требовать большего — свободы, защиты своих прав, ответственности перед ними, но вместе с тем не допускающая слишком резкого падения жизненного уровня большинства, грозящего выступлениями против правительства. Можно обсуждать, является ли девальвация либерализма результатом цинизма

---

⁹³ Эти тезисы написаны для дискуссии в фонде «Либеральная миссия» 1.02.2021. URL: <https://liberal.ru/defense-of-democracy/sovet-fonda-liberalnaya-missiya-1-02-2021-obsuzhdenie-stati-l-d-gudkova-kak-my-dumaem>

путинской политики, инерции тоталитарной культуры, бессилия самих либералов⁹⁴, или это следствие массового ressentимента и накопившейся внутренней агрессии после разочаровывающих результатов реформ⁹⁵.

Натравливая обывателя на либералов, кремлевская администрация канализирует недовольство населения и в какой-то мере нейтрализует потенциал массового протеста⁹⁶. Для большинства либералов (я не отделяю себя от этой среды) политические события 2020 года (разрушение Конституции, обнуление, масштабность протестов в Хабаровске и Белоруссии и их спад, радикальное ужесточение внутренней политики) оказались столь же неожиданными и трудно объяснимыми, как в свое время патриотическая мобилизация после аннексии Крыма. Вопреки всему, либерально настроенная публика продолжает верить и надеяться на то, что массовые протесты и снижение поддержки властей (заметное после пенсионной реформы 2018 года) будут усиливаться и приведут в скором времени (или когда-нибудь) к краху путинского режима или по крайней мере вызовут те изменения, которых так долго ждали. Повторяются настроения, которые проявились на пике волны 2011–2012 гг., но быстро, уже в 2013 году, пошли на спад.

---

⁹⁴ Мне близок принцип Гаутамы, оборачивающий все неприятности к признанию собственного несовершенства: «Если рука не ранена, можно нести яд в руке. Яд не повредит не имеющему ран» (Дхаммапада, 124).

⁹⁵ Для меня в высшей степени странно то, что в нашем экспертном сообществе последствия длительного насилия (тянущегося по меньшей мере уже более 100 лет) не являются темой социальных и психологических исследований. Накопившаяся агрессия, злоба, унижение, истребление людей в немислимых масштабах не могут не сказываться на моральных чертах народа.

⁹⁶ Что не так уж трудно, поскольку значительная часть населения (от 20 до 30%) и так настроена против «демократов», «крикунов», «оппозиционеров» и прочих нарушителей стабильности и troublemaker'ов, перенося на них свое раздражение, страх, ущемленность, зависимость от власти, ressentимент и собственную неспособность к политическому участию. Явных «охотнорядцев», «черносотенцев» или их дальних родственников в этом массиве не так уж много, основная масса просто не верит ни во что и не хочет, чтобы ее тыкали носом в ее собственную ничтожность, укоряя примерами активного или морального поведения.

Лекция 8. Вместо заключения: как мы думаем

Инерция подобных ожиданий заблокировала понимание природы крымской эйфории. Многим кажется, что так думать (верить в силу массового стихийного протеста) сегодня больше оснований, чем вчера: распространение интернета стало предпосылкой более умелого и широкого обличения произвола власти, коррупции, раскрытия негативных последствий экономической и внешней политики Кремля и т.п. Приводятся цифры суммарного просмотра роликов Навального, аудитории Дудя, высказывается много дельного, разумного и справедливого. Однако реакция населения на эти публикации и документальные свидетельства оказывается не просто несоразмерно слабой и противоречивой⁹⁷, но, как показывают опросы, возникает сильное сопротивление тому, о чем говорится в них. Во всяком случае, отношение к этой политической критике не совсем такое, какое можно было бы ждать или на какое хочется надеяться.

Об отсутствии какого-то согласованного и ясного понимания либералами текущих процессов и причин реакционного поворота страны свидетельствует предельно широкий спектр предсказаний и «прогнозов»: от уверенности, что мы наблюдаем «агонию путинского режима», и алармистских заявлений о подступающей национальной катастрофе до унылых утверждений, что и дальше все будет так, как сегодня, что «путинская система» устойчива и «ей мало что грозит» по крайней мере в обозримые 5–10 лет⁹⁸. Вопреки ожиданиям, западное влияние на путинский режим и проводимую им

---

⁹⁷ Я написал это до возвращения Навального и, соответственно, до выхода фильма ФБК «Дворец для Путина», который набрал в ютубе 40, 50 или даже 70 миллионов просмотров. Даже если разделить это на два (количество просмотров не равно числу смотрящих), все равно получается колоссальная цифра. Но 23 января на демонстрацию в Москве, по данным «Белого счетчика», вышло 15–20 тысяч человек, по стране в целом (в 90 городах) — не меньше 100 тысяч (ожидалось более 150 тысяч). Это совсем немало и все же несопоставимо с суммарной аудиторией фильма. Отмечу, такая же реакция следовала за публикациями докладов Б. Немцова («Путин и коррупция», «Зимняя Олимпиада», «Путин. Война»), которые тоже имели миллионную аудиторию. См.: пресс-выпуски Левада-Центра: <https://www.levada.ru/2021/02/08/film-dvorets-dlya-putina/>; <https://www.levada.ru/2020/10/02/aleksej-navalnyj-otnoshenie-i-otravlenie/>

политику — санкции, изоляция, запрет новых технологий — оказывается не столь сильным и однозначным, как считали в 2015–2016 гг. Да, из-за санкций российская политика будет становиться все более токсичной и провокационной, но, как утверждают западные аналитики, все менее опасной для мирового сообщества.

Появились хорошие аналитические политологические и экономические описания того, что сейчас происходит в стране, — доклады А. Кынева, К. Рогова, Н. Петрова и др.⁹⁸, однако их отличает одна общая черта: короткий горизонт, объяснение происходящего производится исключительно из обстоятельств настоящего времени. Отсутствуют работы, которые демонстрировали бы сознание длительности, большого времени, свернутого в существующих институциональных структурах, определяющих массовое сознание, мораль, повседневные установки и планы действия. За этим стоит невнимание к механизмам воспроизводства составляющих их социальных отношений или, другими словами, отсутствие понимания природы массовой политической культуры, ее функциональности и инерционности.

Вместо этого все чаще можно слышать заклинания о «черных лебедях», непредсказуемости таких событий, как «арабская весна», внезапности развала авторитарных режимов, заверения о том, что «улица скажет свое слово», что «Хабаровск идет на Москву» и что «оккупационный режим Путина доживает последние дни», дополняемые исповеданиями: «Я верю, что Россия рано или поздно, но обязательно станет нормальной демократической страной» и т.п. (а те, кто не разделяет этих убеждений, либо русофобы, либо поют под дудку Кремля).

---

⁹⁸ Комплексы национальной неполноценности, составляющие самую суть и ядро российской ресентиментной коллективной идентичности, проявляются двойственным образом: с одной стороны, они питают имперские настроения и солидарность с властью, с другой — негативное отношение к власти, не соответствующей в должной мере патерналистским и модернизационным ожиданиям населения.

⁹⁹ Работы экономистов мне кажутся более сильными, чем политологов, но это мое субъективное и некомпетентное мнение.

Лекция 8. Вместо заключения: как мы думаем

У меня такой уверенности нет, хотя лет 30 назад я и мои коллеги из команды Левада были не только убеждены в этом, но назначали конкретные сроки интеграции России с западными демократиями. Вместе с тем я не могу назвать ни одного примера серьезного анализа причин неудачи демократии в России.

Растущие сомнения в успешности перехода к демократии в России, возникшие у нас впервые в середине 90-х годов и лишь укрепившиеся в ходе наших многолетних социологических исследований массового сознания, в *лучшем случае* наталкивались на возражения примерно такого рода: дело не в установках массы населения, а в готовности радикально настроенного, протестного меньшинства в столицах и мегаполисах к решительным действиям по взятию власти и т.п.; в *худшем* — вызывали агрессивную реакцию неприятия, обвинения в «растлении публики», заказухе, работе на Кремль, «торговле пессимизмом» или не менее часто — в неправильной методологии проведения опросов (последние, как правило, идут от «образованцев», «недопрофессионалов» и дилетантов-журналистов). Обвинения и выкрики такого рода шли как от кремлевских политтехнологов, так и от сочувствующих оппозиции. Зеркальность мышления тех и других указывала на общую основу коллективного мышления (при всем различии политических флажков) — веру во всемогущество суверенной политической власти, в действия силы (любой природы) как единственную реальность. Никакие другие факты и обстоятельства не принимаются во внимание, поскольку требуемых для этого средств анализа и объяснения происходящего нет, они отсутствуют. Налицо явная исчерпанность имевшегося ранее ресурса теоретической проработки идущих процессов. И как раз это обстоятельство — сфера прямой ответственности либералов, поскольку функция либерализма, с *моей точки зрения*, состоит не просто в декларации определенной ценностной позиции — свободы как достоинства (что, безусловно, очень важно), но и в предоставлении обществу соответствующих концептуальных разработок, анализе действительности, исходя из этой позиции.

Свобода начинается с осознания противоречивости действительности и возможности личного выбора, понимания множественности мотивов, обнаруживаемых у разных людей, а значит,

условия и усилия выбора. Бедность наличных интерпретаций — вещь не случайная, она скорее закономерное следствие идеологии нынешних либералов, особенностей их социальных интересов, порождающих дефицит новых средств понимания.

1. Тупик российского либерализма в первую очередь связан с приверженностью преимущественно одному кругу идей, а именно, детерминизму демократического транзита. Если в конце 1980-х — начале 1990-х годов транзитология представляла собой вполне работающую парадигму, предполагающую проработку отдельных концептуальных блоков политических и экономических проблем, то сегодня мы имеем дело уже не с концепциями, а с остаточной верой в непреложность подобного транзита и поисками подкрепляющих ее аргументов. Сама по себе эта парадигма (совокупность теорий перехода от тоталитарной или авторитарной, репрессивной системы к представительской демократии, открытой рыночной экономике, разделению властей и правовому государству) воспроизводит сугубо формальный геополитический взгляд, характерный для американской политологии, ее центристской позиции в мире. Эта парадигма политологии была принята в качестве политической доктрины реформаторами в СССР и утвердилась как основа для либеральной картины происходящего.

Апелляция к успехам демократических преобразований в бывших соцстранах (отчасти латиноамериканских) делала ее убедительной, хотя ее продуктивность (или адекватность) при описании и анализе процессов в России никак не была подтверждена. Самым важным в исходных тезисах этой парадигмы было то, что возможности преобразования виделись в развитии тех социальных образований, которые существовали до советской оккупации, до социализма, но носили латентный характер. Это — память о национальной государственности, церковь (с внешним по отношению к государству центром авторитета), опыт сопротивления (восстания 1956 года, Пражская весна, Солидарность — союз рабочего движения и интеллигенции, мощное интеллектуальное влияние эмиграции), наличие неформальных институтов гражданского общества — фольклорных, этнических, культурных,

Лекция 8. Вместо заключения: как мы думаем

интеллигентских сообществ и т.п. Не надо было начинать все с чистого листа, требовалось продолжать то, что уже было или появилось в предреформенные периоды, несмотря на все репрессии (включая введение военного положения). Менее очевидные (для российской оппозиции) причины этой успешности заключаются в том, что за разнородными «остатками» досоциалистических образований стоят разные группы социальных интересов, составляющих общую платформу для консолидации, идею «общества» как такового. Другими словами, это означает понимание гетерогенности общества, учет мнений и интересов разных категорий населения и, следовательно, необходимости в политической работе учитывать эти обстоятельства, не ограничиваясь радикальным антикоммунистическим «авангардом».

Для России транзитология играла роль политической идеологии, утратив всякую связь с дескриптивными и аналитическими задачами. Ее положения имели нормативный, рецептурно-предписательный характер («что надо сделать, чтобы из пункта А прибыть в пункт Б»). Хотя опираться здесь было не на что (примеры диссидентов, самиздата, Тбилиси 1957 года, Новочеркаска здесь не годились). Тем не менее эта парадигма казалась очень убедительной. Я сам, как и мои коллеги, разделял ее до 1995 года, до того момента, когда стало ясно, что все «идет не так, как надо»¹⁰⁰.

2. Сегодня эта схема неверна, а сами нормативные установки такого рода оказываются неадекватными из-за изменения политического и социального контекста, они сбивают с толку. Для оценки значимости теорий транзитологической парадигмы важен ответ на один из ключевых вопросов: кто является субъектом этих демократических социальных изменений или (почти по Марксу) какие социальные силы (слои, группы, образования) являются акторами в политической борьбе за трансформацию социального порядка?

---

¹⁰⁰ Когда стало ясно, что Ельцин (условный «Ельцин» — команда реформаторов) борется на выборах 1995–1996 гг. не столько с противниками — коммунистами, прежней партийной номенклатурой, сколько с апатией и пассивностью своих сторонников.

Речь не о бенефициариях этих изменений, не о тех, кто «вообще» или «объективно заинтересован» в конечных результатах демократического перехода или может считаться конечным «потребителем» реформ, а о тех, кто непосредственно действует, рискуя своим положением, о тех, кто участвует в этом процессе реформ¹⁰¹.

Активной силой во время перестройки и в развале СССР была средняя советская бюрократия (= служивая государственная «интеллигенция»), как российская, так и республиканская, утратившая какие-либо перспективы роста благосостояния, карьерного продвижения, вертикальной мобильности в условиях «закрытого» общества, руководимого партийной геронтократией. Действия отдельных групп, например, шахтеров имели скорее символический характер вроде выражения симпатий населения к протестам в нынешнем Хабаровске, но не провоцировали какой-либо масштабной поддержки и мобилизации. Почему «среднее звено бюрократии»? Потому что именно эти люди обладали наибольшими практическими компетенциями и техническими средствами управления, фактическим знанием реальной ситуации в стране, а потому — в отличие от номенклатуры — были вынуждены как-то учитывать трудное положение населения. Они были мотором политики изменений и до определенного времени социальной

---

¹⁰¹ Или, другими словами, каков потенциал консолидации тех, кто настолько мотивирован сознанием необходимости изменений социальной системы, что готов не просто рисковать своим положением, но понимает все трудности предстоящей работы, масштаб и круг задач, ресурсы своих союзников и силу сопротивления противников. Как раз понимания, требуемого для предстоящих институциональных изменений, у «демократов» не было. Инициатором изменений была часть высшего партийного руководства. В своей борьбе за власть со старой номенклатурой она вынуждена была апеллировать к «общественности» (к той же средней бюрократии), больше всех заинтересованной в реформах. Реформы начались при одобрении основной массы населения, но проходили практически без его участия, при полной инертности населения, сменившись вскоре нарастающим разочарованием, фрустрацией и недовольством. Ни масса населения, ни слой высшего или среднего партийно-хозяйственного руководства не участвовали в разработке реформ, последнее, напротив, как могло сопротивлялось всему. Население было пассивным и ждало лишь выхода из затяжного экономического кризиса.

Лекция 8. Место заключения: как мы думаем

базой реформаторов, средней, солидарной с их целями и образом действий. В поддержке политики «гласности, реформ, демократии» непропорционально большое участие приняли публицисты, академические и университетские ученые, преподаватели, ИТР, чиновники (судьи, следователи), предоставлявшие массам свои интерпретации актуальных проблем, видения прошлого, причин застоя и намечавшие контуры желаемого будущего. Можно, несколько преувеличивая, сказать, что характер реформ и их пределы определялись интересами и рамками понимания и представлений этого социального слоя.

Как только старая союзная номенклатура была отстранена от власти и ее позиции были заняты представителями второго или третьего эшелона бюрократии, так сразу же началось «торможение» и сопротивление радикальным преобразованиям. Конфронтация правительства реформаторов с депутатским корпусом и ВС РСФСР в целом, закончившаяся 1993 годом и войной в Чечне, повлекла за собой неясные вначале, но все более тяжелые последствия (авторитарную президентскую Конституцию, чеченскую войну, усиление влияния спецслужб, генералитета, произвол силовиков и т.п.). После смещения советской партийно-хозяйственной номенклатуры часть этой средней бюрократии успокоилась и перешла на охранительные позиции. Других сил «либерализации» в последующие десятилетия не было видно, может быть, за исключением слабого «протосреднего класса» (предпринимателей, журналистов, преподавателей и т.п.), обозначившегося к 2011–2012 гг., но лишеного, как говорил М. Вебер, «политических инстинктов».

3. Сегодня мы имеем дело с принципиально иной ситуацией, с новыми и не описанными политической наукой явлениями — **регенерацией** тоталитарных институтов и соответствующих пластов советской идеологии, «вторичным», или «возвратным», тоталитаризмом (в оппозиционной публицистике все чаще и чаще именуемым «фашизмом» по аналогии с муссолиниевским «корпоративным государством»).

Отличие функционирования путинской институциональной системы, принципиально новой в теоретическом плане, от классических

описаний тоталитарных режимов (фиксирующих подъем, массовую мобилизацию, становление этих движений, приход к власти, установление тотального государственного контроля над обществом и т.п.) заключается в том, что мы имеем дело как с **поздними фазами разложения** тоталитаризма, так и с усилиями **правлящей элиты по его реконструкции и сохранению**¹⁰².

Реверсные установки путинистов (идеологов «консервативной модернизации»)¹⁰³ не означают полного воспроизведения тоталитарной системы. Скорее, это попытки рекомпозиции, рекомбинации составляющих ее институтов и идеологических тезисов («возрождения великого государства», «возвращения к корням, к национальным традициям», борьба с чуждыми влияниями в сочетании с православным фундаментализмом, милитаризмом и т.п.). Мы находимся в принципиально другой фазе, в другом тренде общественной эволюции, но мыслим вчерашними категориями — «перехода к демократии», надеясь, что «все как-нибудь обойдется»¹⁰⁴.

4. Парадигма транзитологии неверна не потому что момент изменений окончательно и надолго упущен, а потому что никто здесь

---

¹⁰² Другими словами, речь идет о сочетании двух временных процессов: большого длительного — разложения тоталитаризма и внутри него — относительно короткого. А именно: усилий правящей элиты по восстановлению отдельных секторов тоталитарной институциональной системы.

¹⁰³ В свое время их декларации были оставлены либералами без всякого внимания, и зря. Сегодня, когда читаешь эти старые тексты, поражаешься тому, что уже тогда идеология реакционного разворота была выражена и четко сформулирована, но не понята или встречена с брезгливой насмешкой: см., например, рассуждения М. Ремизова, ставшего в 2009 г. президентом Института национальной стратегии, в сб. «Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений» (М.: Фонд «Наследие Евразии», 2006, отв. ред. В. Куренной) или выступления того же времени директора РИСИ генерал-лейтенанта КГБ Л. Решетникова на сайте этого института.

¹⁰⁴ Мне это напоминает сцену из «Обыкновенного чуда» Е. Шварца: «Король. Во мне вдруг проснулся дед с материнской стороны. Он был неженка. Он так боялся боли, что при малейшем несчастье замирал, ничего не предпринимал, а все надеялся на лучшее. Когда при нем душили его любимую жену, он стоял возле да уговаривал: потерпи, может быть, все обойдется!»

Лекция 8. Вместо заключения: как мы думаем

всерьез не собиравшись строить демократию, поскольку не был готов к этому, не думал об этом. Этим ситуация радикально отличается от того, что было в Восточной Европе, где сочетание трех моментов — эмансипационного антикоммунистического, антисоветского движения, национализма и поддержки Запада — дало ожидаемый результат¹⁰⁵. Напротив, русский национализм в советское время и в первые годы постсоветской России был слабым, ре-сентиментным, а по существу, имперским и антилиберальным (что проявилось позже — с приходом Путина). Народ хотел ликвидации потребительского дефицита, интеллигенция (= средняя бюрократия) — устранения партийной геронтократии и гарантий для своего социального положения. Демократию и правовое государство провозгласили, но для их институционального утверждения и **защиты от реставрации** сделано ничего не было.

В сознании реформаторов преобладал пресловутый экономический детерминизм, отсутствовало понимание необходимости политики люстрации, кадровых чисток, полной ликвидации тоталитарных институтов и создания принципиально новых структур управления, суда, образования, армии, полиции и т.п. Вместо этого делались попытки ослабления и адаптации тоталитарных институтов (КГБ, МВД, армии, судебной системы, образования) к новым условиям¹⁰⁶. Очень важным моментом следует считать, что не было

---

¹⁰⁵ Я имею в виду не провозглашение демократии, декларирование приоритетности прав человека, разделения властей и т.п. вещи, а создание институциональных средств их *обеспечения и защиты*, фактических, институциональных условий политической конкуренции партий и свободы любых общественных организаций. Начало манипулированию общественным мнением — использование правительством демократов политических технологий и ресурсов государства для пропаганды — было положено в 1995 году, а не в 2003-м.

¹⁰⁶ Мне могут возразить: а откуда было взять новые кадры для этих структур — суда, госбезопасности, новых учителей в нужных объемах? Действительно, откуда, если к этому не готовились, не создавали «летучих», неформальных, «открытых» или иных университетов? Не было идеи «теневого правительства» и т.п. Ситуация вечной неготовности не случайна и, по всей видимости, будет не раз повторяться. «Бог готов ежечасно, но мы не готовы», как говорил Мейстер Экхарт.

государственно-правовой квалификации советской системы как **преступной**, а только это могло стать конституционной базой новой государственности и (институционально-правовой) блокадой для реставрации тоталитаризма. Процесс над КПСС в 1992 г. провалился. Я говорю не об ответственности демократов (обвинять их и себя было бы нелепо — не было опыта, понимания глубины таких проблем), а лишь о том, что сделано и не сделано, могло бы быть, но этого нет. Опасности такого рода либералы (даже диссиденты советского времени) не признавали тогда, да и теперь они все еще плохо понимают. Сегодня это вопросы уже концептуального, а не практического и политического порядка.

5. В нашем мышлении путаются условия транзита и обстоятельства **распада институциональной системы** советского типа. Эти проблемы (как и различие самих постановок вопроса) не осмыслены, а значит, не проработаны и такие темы, как потенциал регенерации тоталитарных институтов (КГБ = ФСБ, армии, судебной системы, полиции, образования и т.п.). «Почему последним это удалось, какую роль сыграли здесь закрытые образовательные учреждения (академии ФСБ, МВД, прокуратуры, системы внутрикорпоративного высшего образования, производившие соответствующий отбор кадров, селекцию человеческого материала и т.п.)?» — вопросы такого рода даже не ставились¹⁰⁷. Кто был (и кто будет в дальнейшем) движущей силой реформ, равно как почему они прекратились, тоже остались и остаются без внимания.

6. Транзитологический подход направляет наше внимание исключительно на организационные структуры власти. При этом не затрагивается природа их легитимности, различия в массовом отношении к ним (ожидания, претензии, двусмысленности и противоречия), проблематика участия. Другими словами, преобладает недифференцированный, холистский (сверху вниз) взгляд на

---

¹⁰⁷ Отдельная тема — роль политической полиции и судов в перераспределении собственности и установления контроля над основными финансово-промышленными потоками и активами в стране, в резатизации экономики, связывающей население с нынешним режимом.

общество, характерный для радикальных политических реформаторов, без понимания скрытых опасностей такого мышления: сдвига понятия политики к тому, что отражено в децизионистской концепции политического у К. Шмитта. Это отношение и сегодня остается таковым («...а что у нас общество?»).

7. Рутинность мышления такого рода сказывается, *во-первых*, на отсутствии дифференцированного взгляда на социальную структуру общества. Понятие социальной стратификации и обусловленные ею особенности групповых и частных интересов, идентичности, жизненных и адаптационных стратегий, различия ценностей и норм поведения и многое другое полностью исчезли из интерпретаций идущих социальных протестов (вместе с классовой догматикой). Все мыслится в категориях тотальности, целостности, которым придаются качества субъектности (мотивов и интересов действия). Точнее, идет приписывание либералами своих представлений и интересов другим слоям и группам населения. Это не слепота, а неумение или, правильнее, нежелание принимать во внимание других, поскольку сложность и дифференцированность подобной картины настоящего противоречит установкам и интересам сохранения групповой идентичности либералов¹⁰⁸.

8. Из первого вытекает *второе* соображение о характере работы в рамках транзитологической схемы — склонность к использованию набора готовых, но содержательно пустых понятийных

---

¹⁰⁸ Поэтому в упреках, предъявляемых либералам, есть определенный резон. Аргументы здесь следующие: люди, причастные когда-то к власти, обслуживавшие руководство страны, с одной стороны, отказываются от обсуждения доли своей ответственности и меры своей компетентности при проведении реформ, а с другой — все их интересы подчинены возвращению к власти (хотя бы символически, в надеждах и упованиях), весь ход мышления, интерпретации и отбора фактов ориентирован на эти цели. Поэтому «борьба за власть» сама по себе либо оставляет совершенно равнодушным население страны (чаще, если речь идет о войне кланов или ведомств), либо вызывает сильное раздражение, если это связывается с действиями оппозиции («они ничуть не лучше тех, кто у власти»). Власть, кстати, очень ловко использует это обстоятельство при дискредитации А. Навального и других.

конструкций: «электоральный авторитаризм», «гибридный режим», «персоналистический режим», «плебисцитарная демократия», «неклассический авторитаризм плебисцитарного типа», «неокорпоративизм», «недостойное правление» и т.п.¹⁰⁹ «Пустых» в аналитическом плане для нас, но как оценочные, конвенциональные средства коммуникации и коллективного самоопределения, групповой идентичности в «демократической» или «оппозиционно настроенной» среде, они вполне работают, связывая «отечественную мысль» с тривиальными мнениями западных политологов, что важно для подтверждения правильности вектора либерального мышления. Расхожее понятие «авторитаризм» указывает лишь на стиль господства и в меньшей степени на социально-психологические основы массового повиновения, но само понятие ничего не говорит о том, какова институциональная система, задающая условия повиновения. Они предполагаются уже известными. То, что такого рода понятия некритически заимствуются из совершенно иных, нероссийских социально-политических контекстов, остается без какого-либо внимания и рефлексии. Иначе говоря, вся проблематика концентрируется вокруг фантомной возможности борьбы за власть, обусловленной неявной надеждой вернуться к ситуации первой половины 1990-х годов.

В концептуальном плане за этими понятиями стоит посылка об особой *значимости процедуры «выборов»* для **Конституции действующей государственной системы**, ее функционирования и сохранения, что заставляет власти прибегать к разного рода подлогам, давлению на избирателей, фальсификациям и т.п. Смысл этих понятий в том, что, дескать, выборы являются **главной составляющей легитимности** путинской системы, что если бы они проводились «честно», то есть при условии свободной конкуренции политических партий и кандидатов, независимых от власти, то мы имели бы другой режим, настоящую демократию. «Кошечья смерть» или самое уязвимое место режима видится в раскрытии

---

¹⁰⁹ Умиляет понятие «недостойное правление» В. Гельмана применительно к путинскому режиму: ну осудил со всей прямотой, как подобает пионеру в доме терпимости.

Лекция 8. Вместо заключения: как мы думаем

их манипулятивного характера (разоблачения инсценировки «выборов без выбора»). А значит, надо раскрывать фальсификации на выборах, разъяснять махинации и проч., и тогда вам будет «демократия».

Наивность этой посылки заключается в том, что как минимум половина населения (включая участвующих в выборах) прекрасно отдает себе отчет о церемониальном характере выборов, не связывая каких-либо расчетов или надежд с их результатами. Кто бы ни «победил», в самой власти и их повседневной жизни ничего не изменится. Россияне, может быть, и не знают всех деталей самой организации выборов, но убеждены в том, что так и должно быть, поскольку так было всегда и по-другому быть не может. Поэтому голосуют так, «как надо», как укажет начальство.

В отличие от наших политологов, большинство населения **знает**, что сила, мощь, авторитет режима (и его легитимность) не зависят от исхода выборов, а базируются на совершенно других **действительных**, хотя и не слишком открыто и четко сформулированных положениях, а именно:

а) режим функционирует благодаря общему (многостороннему и иерархически выстроенному) принуждению;

б) эта социальная система безальтернативна, ибо «всегда так было»;

в) повиновение властям может внести какой-то «порядок» (включая иллюзии и ожидания подачи от государства скромных благ или избавление от угрозы их лишения), дать людям предсказуемость жизни, исходящую из расчета на то, что внешне лояльное поведение является условием невмешательства государства в частные дела человека;

г) риски изменений выше, чем отказ от изменений («не надо ничего менять, будет только хуже»);

д) цена демонстративной лояльности гораздо ниже, чем борьба за туманные ценности «демократии», справедливости, честности и т.п.;

е) глубокая убежденность в том, что сделать ничего нельзя, хотя «надо бы», и, наконец,

ж) власть занята очень важными делами, о которых мы не вправе судить, — внешней политикой, национальной безопасностью, распределением государственных доходов и т.д.

Внешняя политика поэтому считается, как в свое время писал К. Шмитт, «настоящей» или «собственно политической», поскольку внутренняя политика государства оставлена на усмотрение политической полиции (ФСБ и ее дериватов — Роскомнадзора, прокуратуры, МВД, суда и проч.). Выборы в массовом сознании никак не связаны с идеей циркуляции элит, кадровыми назначениями или проводимой после них внутренней политикой. Хорошо бы периодически менять людей во власти, но это «хорошо бы» не распространяется на то, откуда их брать и каким образом. Право и технические возможности ставить подобные вопросы остаются делом самой власти¹¹⁰. Люди в массе своей убеждены, что решения принимаются в других местах и теми, кто никак не связан с итогами выборов. Но упорство, с которым либеральная публика по-прежнему держится за идею победы оппозиции на выборах (или в акциях массового протеста против их фальсификаций)¹¹¹, может объясняться

---

¹¹⁰ Основа легитимности в социуме такого рода — в признании суверенного права тех, кто занимает властные позиции, на насилие вне зависимости от способа достижения власти. Обратной стороной этого принципа является «иерархический эгалитаризм» — представления о том, что качества, достоинства, возможности и права человека зависят от места, которое он занимает в иерархии господства. Поэтому критика коррупции, производимая Навальным, часто не достигает цели, будучи нейтрализована привычными представлениями обывателя: «им все можно», «начальство всегда так жило», «закон им не писан» и т.п. — в духе «что позволено Юпитеру, не позволено быку».

¹¹¹ Я никак не хочу умалять значения массовых протестов. Моральный смысл подобных выступлений чрезвычайно важен как предъявление неморальному обществу очевидности моральной и ценностной позиции, самого факта наличия у человека достоинства и собственных независимых убеждений. Но политический смысл протестов совершенно иной: функция массового протеста заключается в мобилизации сторонников — противников клептократического, репрессивного режима, в демонстрации их силы и сплоченности. Политическое влияние массовый протест приобретает только в одном случае: если он символизирует солидарность и общую поддержку альтернативной партии во главе с популярным лидером, выдвигающим

Лекция 8. Вместо заключения: как мы думаем

только ее собственными комплексами и потребностью сохранения своей идентичности, хотя это уже не имеет отношения к действительности.

Два характерных примера: 1) как показывают опросы, абсолютное большинство (65–67%, и этот показатель остается неизменным на всем протяжении последних 15 лет) россиян считают, что *в принципе* власть должна периодически сменяться, губернаторы — избираться, а не назначаться из Москвы, но после ликвидации в 2004 году их выборности никаких массовых возмущений не было, характер легитимности системы после этого никак не изменился. Напротив, вплоть до 2009 года и после 2014 года поддержка действующей власти только росла¹¹²; 2) в 2020 году была реальная возможность если и не провалить голосование по поправкам к Конституции, то, во всяком случае, сделать его очень проблематичным, нелегитимным или слабо легитимным: одобрение поправок колебалось в диапазоне 45–47%, против были настроены от 35 до 40% опрошенных. В социально-демографическом плане понятно, как распределялись те и другие. Однако те, кто был против, просто не стали голосовать, не пришли на участки по разным причинам¹¹³. Какая уж тут

убедительную для населения программу действий. Сами по себе мирные и законопослушные акции протеста (как это было, например, в 2011 году или в январе 2021 года) неспособны дать ни новых идей, ни понимания происходящего. Угрозу для устойчивости режима они могут представлять лишь в случае, если эта массовость и солидарность впечатляет бюрократию, силовиков, воспринимающих эти действия как потенциальную опасность для себя, как угрозу привлечения их к ответственности. До этого протесты, чем бы они ни были вызваны и как бы масштабны они ни были, для власти, базирующейся на институциональном насилии, демагогии и пассивности большинства, не создают реальных проблем (не считая психологического неудобства). Если такой программы (идей, понимания и характера проблем, и их решения) нет, то сколь бы ни была внушительной численность протестующих, это не представляет серьезной угрозы для власти.

¹¹² Достаточно сравнить это поведение хотя бы с недавними выступлениями французов против закона о защите полицейских, чтобы увидеть разницу в гражданском самосознании и ментальности тех и других.

¹¹³ Характерно, что объяснения своего поведения и у тех, кто голосовал, и у тех, кто отказывался принимать в этом участие, были схожими.

плевбисцитарность и электоральная демократия! Белоруссия показала, на чем держится подобный режим и какую роль здесь играют КГБ, ОМОН, директорат госпредприятий и сами «выборы».

9. Если все же рассчитывать на «честные выборы», то надо бы уяснить, кто может быть участником протестного голосования и каков его потенциал. На пике социального недовольства (лето-осень 2018 года) о своей готовности принять участие в акциях массового протеста с политическими требованиями заявляли от 18 до 20% взрослого населения (с экономическими требованиями — до 30%). Эта декларируемая готовность участия не более чем свидетельствует об объеме недовольных режимом, потенциал протеста и характеристики социальной среды, в которой возникает, начинается артикулироваться это недовольство и раздражение. Реально же масштабы участия в протесте и тогда составляли сотые доли процента от всего населения. Если ограничиться более определенными контингентами и группами, то потенциал спонтанных протестных выступлений (городского) населения России можно оценить в 1–2%, не более. На выборах может быть мобилизовано значительно большее число (5–10%), однако основная масса оппозиционно настроенных россиян не принимает в них участия. Поэтому все соображения о честных выборах оказываются несостоятельными.

Расчет на поколение молодых также сомнителен, даже если не принимать во внимание факт самой низкой активности молодых на выборах по сравнению с другими возрастными группами (а это тоже не случайно!). Численно молодые не могут создать перевеса в голосовании: не учитывается, что Россия — страна со старым населением. И не просто старым, а с преимущественно провинциальной ментальностью. Почти две трети населения страны — это население малых городов и села, то есть бедное, депрессивное и консервативное, ориентированное на мифологизированное советское прошлое, чувствительное к демагогии государственного патернализма, аудитория «ящика». Именно эти категории населения составляют социальную основу путинского режима, являются адресатом его идеологии и пропаганды. Доля молодых (15–30 лет) составляет лишь 20,1% тех, кто уже может принимать участие

Лекция 8. Место заключения: как мы думаем

в выборах или подходит к этому возрасту, еще 10,5% приходится на следующую возрастную когорту (до 35 лет). В любом случае (даже если представить себе, что все эти 31% имеющих право голоса настроены оппозиционно) они не в состоянии перевесить массив людей старших возрастов, социализированных в явно недемократических условиях.

Но и сама российская молодежь, больше, чем другие возрастные категории, удовлетворенная своим положением и будущим, настроена отнюдь не либерально. Как показывают наши недавние исследования молодежи (2018 и 2020 гг.)¹¹⁴, видимые изменения коммуникативных, потребительских и поведенческих практик молодежи не затрагивают уровень коллективных идеологических и нормативных представлений (антизападный ресентимент, величие Сталина, государственный патернализм, идеализация жизни в СССР, имперские настроения), политических установок, стратегий адаптации. Различия между молодыми и взрослыми есть, но они минимальны и носят фазовый социализационный характер, с возрастом они исчезают. Это обстоятельство самое важное. Оно означает, что работают прежние репродуктивные механизмы, с одной стороны, а с другой — ничего существенного (в смысле выработки собственных, отличных от старших, тем более либеральных взглядов, мотивирующих политическое участие и действия) молодежь сама по себе не внесла за последние 10–15 лет и, кажется, не очень способна вносить. Напротив, молодые отличаются сильнейшей культурной и интеллектуальной редукцией к чисто потребительским ориентациям и стандартам поведения. Воспитанный у них взрослыми инфантилизм и эгоцентризм («все заботы лишь о том, чтобы наши дети жили лучше нас») оборачивается открытым «нежеланием страдать» так, как было со «старшими» в прошлом, отсутствием эмпатии и солидарности¹¹⁵. Мы не обнаруживаем в ходе исследований ничего похожего на настроения западной молодежи

---

¹¹⁴ См.: «Поколение Z»: молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. 2020. № 1–2; Гудков Л. Преемственность и изменения в поколении 2002–2020 гг. // Вестник общественного мнения. 2020. № 3–4.

1966–1970-х годов, которые обозначили ценностный перелом в этих странах, позволяющий говорить о поколенческих изменениях в идеях и ценностях¹¹⁶.

Максимально же выраженная концентрация людей, недовольных положением вещей (по разным причинам, в том числе политическим) и надеющихся на перемены в политической сфере, приходится на возрастную группу 25–45 лет (составляющих 37,5% населения), а не на самых молодых. Все установки этой социальной категории населения уже проявлены, и ждать здесь чего-то необычного не приходится. Молодежь отличает стремление «просто жить», «не испытывать тех лишений или трудностей», какие пришлось на поколение их родителей или дедов, «не переживать», не обременять себя, освобождаясь от обязательных норм «дела», выбора судьбы (волевых самоограничений), а значит, от участия в политике и деятельности организаций гражданского общества¹¹⁷. Подобная расслабленность — следствие длительного внешнего принуждения, сохранения репрессивного контекста — школы, взрослого мира. Характерен здесь бунт против необходимости

---

¹¹⁵ Мне будут возражать: а как же волонтерство, благотворительность, Егор Жуков, волна участия в работе организаций гражданского общества? Чтобы не вызывать обычного препирательства и противопоставления рассказов о «Тимуре и его команде», о сборе макулатуры и металлолома советскими пионерами нынешним молодым волонтерам, помогающим пострадавшим от стихийных бедствий или больным детям, скажу: на постоянной основе в деятельности благотворительных организаций принимают участие около 1% населения, молодежи здесь больше, чем людей старшего возраста. Еще 10% населения включаются в эти проблемы «время от времени». В Скандинавских странах, США, Германии — от 20 до 30% молодых людей.

¹¹⁶ Можно предположить, что колеблющаяся вместе с генеральной линией сервильная масса людей с высшим образованием (лояльная к путинской системе, удовлетворенная своим положением, доходами, отношением руководства) создала условия для моральной и общественной стерилизации молодых (показательным примером здесь может быть и состояние гуманитарных факультетов МГУ или последние события в ВШЭ, о провинциальных вузах и университетах говорить не приходится).

¹¹⁷ См. исследование А. Левинсона «Волонтерство и протест как феномены экстрараповедственности» (Вестник общественного мнения. 2020. № 3–4).

(само)дисциплины как условия формирования будущего, представленный как в андерграунде, так и в поп-культуре и искусстве.

Поэтому на выборах преобладают старшие возрастные группы, чьи взгляды характеризуются консерватизмом, лояльностью и государственно-патерналистскими установками.

10. Опять-таки если уж делать ставку на легальные выборы, то надо было бы постараться хотя бы принять во внимание мотивы не только тех, кто участвует, но и тех, кто не участвует в выборах, и не рассчитывать только на протестное активное меньшинство в мегаполисах. Однако именно эта сфера общественной жизни — представления «пассивного» или лояльного Путину большинства — неинтересна либералам. Взгляды и интересы таких людей не укладываются в транзитологические схемы восприятия реальности, в такой картине настоящего они никак не отмечены. Тем не менее их представления составляют обширную зону обыденного, повседневного и как бы неполитического сознания и поведения, своего рода «коллективное бессознательное» (не во фрейдистском, а в социальном смысле) — зону привычного, рутинного существования и поведения, жизненных стратегий и «этики выживания», в которой табуированы темы, связанные с властью и государственным или административным насилием. Общественно-политические проблемы в этой среде не обсуждаются, об этом не говорят, поскольку все и так знают границы допустимого и комфортного. Подобный опыт «понижающей адаптации» усваивается постепенно в процессах неформальной социализации, он не требует и не предполагает специальной рефлексии и артикуляции. Напротив, умолчание входит в состав соответствующих норм и правил «тактичного» социального поведения и этикета.

Аналитикам и публицистам можно делать вид, что этого нет, что такой сферы жизни не существует, но тогда не надо называть себя либералами, исследователями, признающими нормы научного любопытства и интеллектуальной свободы, честности и добросовестности.

11. С отказом от понимания своеобразия наших, российских, постсоветских институтов связана и приверженность таким терминам, как «авторитаризм», «персоналистский режим», «слабые» или «дефектные институты», создающие иллюзию, что все дело во всесиили или особом даре политиканства, демагогии или мастерстве бюрократического управления Путина (или Лукашенко, или еще какого-то диктатора из бывших республик СССР), что он всем крутит, все решает и контролирует. Гораздо больше оснований считать, что действующие институты вполне функциональны (в своем роде, если только не приписывать не свойственные им функции, не сравнивать их с западными). Они, как выясняется, весьма эффективны (если оценивать их по тем критериям, которые важны для самого режима), а их дефектность или слабость — это плод нашего неправомерного отождествления тоталитарных институтов с воображаемой нормой демократии¹¹⁸.

Разумнее видеть в Путине не всемогущего, суверенного автократора, а функцию институциональной системы описанного рода. Медленно восстанавливаясь после коллапса 1991 года, бюрократия уже с новым персональным составом стремится к стерилизации политики (в смысле — института власти, ограничивающего и контролирующего бюрократию, а не как сферы партийной или групповой конкуренции). Поэтому кастрация или стерилизация политической «харизмы» происходит, с одной стороны, путем технического ограничения лиц, наделенных суверенной (независимой от бюрократии и общества) властью, а с другой — через имитацию

---

¹¹⁸ Режим Путина существует уже более 20 лет и, видимо, продлится еще какое-то время, непонятно какое. Спад популярности Путина происходил неоднократно (в 2002, 2005, 2009, 2011–2013, 2018 годах), что не сказалось на устойчивости функционирования всей системы. Личный рейтинг Путина мало зависит от массовых оценок успешности или неуспешности его деятельности как президента. Его, конечно, можно рассматривать в качестве показателя «организованного консенсуса», работы медийной рекламы или административной клаки, но правильнее было бы понимать это как выражение безальтернативности самой государственной системы, доминирующее в общественном мнении, а не как отражение восхищения личностью Путина или признание его персональных заслуг.

Лекция 8. Вместо заключения: как мы думаем

многопартийности, создание системы дирижируемых Кремлем квазипартийных организаций и, соответственно, выхолощенного, бессильного или мнимого парламентаризма. Уничтожение политики (самого ее смысла — борьбы за власть, за право принятия решений) осуществляется путем выделения из бюрократической среды из «чисто прагматических» соображений и резонов специфического типа чиновника (мелкого функционера, в человеческом плане — циничного и ограниченного в своем кругозоре), аппаратного манипулятора, который ради рутинизации господства, сохранения материальных интересов бюрократии делается воплощением всевластия, символом всей институциональной структуры — мощи государства и величия национального целого. Он — **не политик** в подлинном смысле этого понятия, выдвигающий свою программу и завоевывающий доверие и поддержку людей, он — кабинетный администратор и интриган, «арбитр» между разными силовыми кланами, «смотрящий», если прибегнуть к блатному жаргону.

Другими словами, именно бюрократия наделяет занимаемый этим персонажем высший статус величием и предельным авторитетом, поддерживает миф о могуществе президента и рациональности его государственного курса. При этом — что важно и что отличает этот тип рутинизатора социального кризиса от подлинного политика власти — он не выдвигает новых идей или целей общества, его ресурсом могут быть только остатки прошлой идеологии, в нашем случае — брежневского имперского национализма («Россия как супердержава», милитаризм, экспансионизм, но не марксизм советского варианта).

Реванш силовиков, т.е. бюрократии тотальных и нереформированных институтов, определяет (после 1993 года, после неудачи первой и затягивания второй чеченской войны) характер «суверенной политики»: механизмы принятия решений, природу интересов держателей власти, устанавливает рамки произвола высшего лица. Поэтому вера в то, что десакрализация диктатора открывает путь к честным выборам, а значит, позволяет легальным образом не только избавиться от него, но и перевернуть всю систему, вернув ее к началу преобразований, говорит лишь о качестве теоретического мышления российских «социологов» и «политологов» и

основательности подобных построений. Не различается при этом «ведомственная харизма», авторитет статуса в традиционно иерархической бюрократической системе и персональное уважение за личные достижения и заслуги¹¹⁹.

Иными словами, при данном подходе чрезмерно преувеличивается значение декоративных (после кампаний 1999 и 2001 годов) «выборов» (без выбора) и, напротив, недооценивается значение институционального, повседневного, рутинного принуждения (прописка/регистрация, условия работы, затруднения в мобильности и т.п.). Слепая вера в неизбежность демократии в России (когда-нибудь, скорее в ближайшее время, чем через 30 лет) закрывает возможности учета и понимания громадной силы исторической инерционности, адаптационного (вынужденного, а не идеологического) консерватизма общественно-политической культуры основной массы населения и институтов, воспроизводящих и поддерживающих ее¹²⁰.

12. Концептуальные установки сторонников транзита не меняются уже 25–30 лет. На собраниях оппозиционных партий

---

¹¹⁹ Критика Путина в соцсетях не отменяет его «экстраординарного» статуса, даже наоборот, предполагает и подтверждает его, в том числе и его хулителями, воображающими его всемогущим, а себя зависящими от него («когда он уйдет, то...»). Этот момент не осознается, хотя надо было бы подумать о таких случаях, как публикация панамского досье, доклада М. Салье, о воспоминаниях и интервью его партнеров по бизнесу и тому подобных поводах, дискредитирующих «национального лидера». Кстати, наше «болото», электоральное «большинство» или «общественное мнение» вполне осознает коррупционный характер и его режима в целом, и самого президента, и его окружения, но никак не относится к этому факту. Причины этого полностью закрыты для понимания нашими «аналитиками», хотя именно этот механизм (а не фантомная «плебисцитарная демократия») является основой легитимности режима.

¹²⁰ Сюда входит опыт и постсоветского, и позднесоветского, и сталинского (колхозного, фабричного), и досоветского времени, насильственных периодов индустриализации, коллективизации, военной мобилизации, террора и всего того, что описывается словами — «наша жизнь устроена так, чтобы каждого опутать и каждого сделать сознательным соучастником этой системы» (С. Ходорович. Свободные люди. М., 2018. С. 299–300).

Лекция 8. Вместо заключения: как мы думаем

постоянно звучит: «Когда мы придем к власти, мы проведем честные выборы, восстановим конституционные нормы, освободимся от коррупции и коррумпированных чиновников...» Эти люди и партии к власти не придут уже никогда, учитывая близкий уход поколения. Но потребность в сохранении своей идентичности не позволяет видеть другое, поэтому остается только подгонка фактов под заданные условия, перенос инициативы с себя на «объективно обусловленный» характер модернизационных процессов в России, на «фактор» массовых протестов и проч. Чтобы как-то компенсировать разрыв между этими построениями и действительностью, разрабатываются и вводятся различные понятийные «шунты», имитационные понятийные или оценочные суррогаты вроде «промежуточных институтов», «спящих институтов», «низовой модернизации», появляющиеся из необходимости адаптировать средства интерпретации к ситуации усиливающейся реакции (дескать, у нас архаическое государство, но вполне современное, динамичное общество и т.п.).

13. Я предлагаю такой эксперимент: попробуем мысленно (условно, временно) «взять в скобки» идею неизбежности перехода России к демократии и посмотреть, что останется, что составляет предмет «коллективного подсознания». Останется культура общественного оппортунизма и пассивного приспособления к репрессивному и клептократическому государству (доминирующая стратегия «понижающей адаптации»). Тонкий слой сопротивляющегося меньшинства поддерживает двоемыслие большей части населения, но не меняет принципиальную структуру взаимодействия государства и населения¹²¹. Пока эта тематика — массовая основа консерватизма и повседневной терпимости к насилию — не будет проанализирована и осмыслена (как в свое время это было проделано в отношении нацизма), никакие движения протеста не

---

¹²¹ В этом (сохранение почти придушенной «оппозиции») заключается отличие нынешнего времени от советского. Такой вариант политического устройства характеризуется большей гибкостью и некоторой динамикой в сравнении с брежневским «развитым социализмом».

изменяют ситуации в обществе, не способном преодолеть тоталитарное прошлое.

14. Чтобы как-то ограничить поле анализа, выделю лишь несколько важных планов, необходимых для рассмотрения этой проблематики:

а) история повседневного взаимодействия людей с государственными институтами, значение опыта насилия и его социальные, психологические, культурные следствия для базового типа человека и, соответственно, общества в целом. Этот план предполагает в первую очередь экспликацию «исторической памяти» этих институтов, сами механизмы ее репродукции, осознание длительности социального времени, изучение особенностей воспроизводства институциональных образцов (характер массовой социализации);

б) социальная антропология: кто и когда был носителем новых ценностных и нормативных образцов действия, как они распределяются в обществе, в государственном аппарате, где концентрируются те или иные социальные типы личности;

в) межпоколенческое взаимодействие: «Что может дать нам молодежь и что может ждать от нас молодежь» (К. Маннгейм).

Это некоторые из многих белых пятен на карте мысленных проблем, которые должны быть заполнены и прописаны либеральными исследователями для того, чтобы общество начало сознавать себя и, стало быть, развиваться. В противном случае мы обречены на бесконечное словоблудие в сетевых или медийных резервуарах¹²².

15. Значительные изменения в массовом сознании, культуре, базовых конструциях реальности происходят очень медленно,

---

¹²² Если не появляются убедительные, серьезные научные (экспертные) интерпретации, то общественный дискурс заполняется интеллектуальной попой. В результате мы имеем систематическое снижение уровня и качества понимания, заблачивание смыслового пространства. Зона либерального знания сужается, постепенно оттесняясь и вытесняясь разнообразным идеологическим эклектизмом, мифами и предрассудками. Результат — общественное и политическое бессилие оппозиции.

Лекция 8. Вместо заключения: как мы думаем

медленнее, чем сами институциональные изменения. Это важно понять. Ни идеология, ни культура не существуют «автономно», в виде «облака парящих значений», они всегда привязаны к деятельности институтов и не существуют вне их, вне их языка и механизмов артикуляции. Тоталитарное сознание, несомненно, размывается, но большой ошибкой будет думать, что его компоненты вытесняются или замещаются демократическим или либеральным сознанием. Логика процессов разложения определяется структурой двоемыслия, имеющего давнюю историю.

Реформы начала 1990-х годов работали с радикалами еще чисто советского сознания, популистскими версиями социализма, и лишь тончайший слой маргиналов руководствовался европейскими идеалами свободы, достоинства личности и прав человека. Массивный и малоподвижный слой тоталитарных представлений и «культуры конформизма» населения не был затронут даже к концу первого десятилетия после краха СССР (коллапса советской системы). Самое большее, что можно сказать о его значимости в этот период, — он был временно нейтрализован иллюзиями, ожиданиями, надеждами на быстрое процветание после отказа от коммунизма. Но само по себе наличие этого массива сознания не было проблематизировано или даже диагностировано, тем более описано (работы самого Ю. Левады и его сотрудников не в счет, они не были приняты во внимание). В социальном плане в это время очень активным и заметным был тонкий слой людей с выраженными либеральными идеями и убеждениями, создающих впечатление, что и все общество думает так же, как они. Но после кризиса середины и второй половины 1990-х пласт советских идеологических стереотипов, ориентаций, убеждений стал постепенно актуализироваться, превращаться в мифы идеализированного прошлого (первоначально — как условие выражения негативного отношения к настоящему). На поверхность публичного внимания они поднимались не только под действием пропаганды, укрепления постсоветской бюрократии, но и из-за несостоявшихся надежд значительной части населения, разочарования в утопии «демократии». К середине 2010-х годов этот массив представлений стал вполне очевиден и артикулируем.

Сегодня советские идеологемы и стереотипы составляют основу легитимности власти и восстановленной коллективной идентичности (великая держава, враждебное окружение, русские как особая цивилизация, диктат российских геополитических интересов, антилиберализм и антизападничество). Можно с достаточным основанием предполагать, что следующая фаза будет характеризоваться размыванием и эрозией этих тоталитарных идеологических представлений и установок (с ними произойдет примерно то же, что и со стереотипами и мифами революции 1917 года, — они уйдут из-за несостоятельности связанных с ними ожиданий, но не вследствие моральной рационализации и проработки прошлого). Ускорить этот процесс может не катастрофический кризис, а заметное улучшение экономического положения населения, выход из состояния «умеренной бедности», провоцирующий завышенные ожидания, иллюзии быстрого процветания и рост претензий к власти. Содержательно, тематически советские идеологемы будут вытеснены, однако, не будучи осмысленными массовым сознанием, они оставят неизменными сами структуры тоталитарного коллективного бессознательного (общественно-политическую культуру населения), а значит, сохранят свою потенцию для наполнения новым, но аналогичным в функциональном смысле материалом.

16. «Транзит» в головах вытесняет даже простые причинно-следственные цепочки и взаимосвязи вроде следующих: если зашла речь о государственной политике «традиционализации», «возвращения к корням», то есть о необходимости легитимации господства через апелляцию к прошлому, то с точки зрения социологии последствиями этого будет непременно усиление централизации власти, за которой следует ждать подавления социально-структурной дифференциации, выражающейся

а) в усилении контроля над сферами общества, ранее не входившими в компетенцию государства и его органов надзора;

б) в стерилизации автономии не только гражданского общества, но и отдельных институциональных сфер (образования, науки, культуры, религии, частной жизни);

Лекция 8. Место заключения: как мы думаем

- в) в архаизации политики (возвращении к геополитическим или имперским принципам);
- г) в неизбежном усилении репрессий как формы управления;
- д) в изменении системы права и
- е) повышении статуса и влияния силовых институтов, в первую очередь — политической полиции, которая по своему функционалу действует вне правовых и конституционных рамок.

Первые симптомы реверсного движения появились не вчера, а ближе к концу 1990-х годов, но оформленной политикой этот тренд стал после первого падения популярности Путина из-за гибели «Курска» и терактов на Дубровке и в Беслане, панической реакции правительства на протесты пенсионеров после «монетизации льгот», затягивания чеченской войны, вхождения балтийских стран в ЕС и цветных революций в Грузии и на Украине, их планов интеграции в ЕС и НАТО.

17. Неучет различных моделей и социальных типов человека. В ходу лишь одна (нормативная в процедурах объяснения) модель для теоретических спекуляций — экономический человек, мотивированный «потребностями» и интересами. Другими словами, матрица интерпретации социальных явлений редуцирована для целерационального, инструментального действия в качестве схемы объяснения любых форм социального поведения. Ограниченность такого понимания человека¹²³ заключается в том, что все многообразие отношений человека с окружающими не принимается во внимание: ни смысл и субъективная ценность имперской песни, ни значение национальной гордости и единства, чести, ни беспричинные массовые страхи, ни конформизм или замкнутость представлений на привычную рутину повседневности, ни масса прочих эмоционально переживаемых состояний. Они с этой версией человека как модели объяснения не могут сочетаться, а значит, их как бы нет. Точнее, ценностным и аффективным социальным формам поведения, ментальности, мотивации вменяется ошибочная

---

¹²³ В расхожей публицистике эта схема редуцирована до хлесткой формулы «холодильник против телевизора».

в этом плане модель целерациональной мотивации (связка «политика» — «частная жизнь», руководство — «семейное благосостояние» и т.п.), что уничтожает сам смысл неинструментального, нецелевого поведения. Но массовый (наш) человек не видит причинно-следственных отношений между одобрением Путина и собственным благополучием или своей повседневной жизнью, поскольку его опыт говорит, что реальны или действительны отношения лишь между непосредственным его окружением и своим поведением. Нет институциональных посредников, которые могли бы выражать и представлять его интересы в публичном пространстве, защищать от произвола и беззакония администрации и полиции, гарантировать результат его усилий.

Но это же самое означает, что в массовом сознании нет генерализованных или универсалистских представлений — моральных, правовых, идеи собственного достоинства, независимого от государства. Поэтому этот человек не хочет участвовать в политике (не верит, не видит, не хочет понимать подобных связей). Чтобы их видеть и включать в систему анализа и объяснений, нужны другие подходы и аналитические ресурсы, более сложные схемы интерпретации, учитывающие механизмы стерилизации гражданской культуры, психологию подчинения и приспособления, жизненные стратегии пассивного приспособления и механизмы соответствующей им социализации. Поэтому простое, линейное умозаключение — недовольство властью ведет к желанию изменить существующий режим, к социальному протесту, а значит, к прямому политическому действию — неверно или верно только для маргинальных групп. Развитое чувство несправедливости, неуважение или даже презрение к власти не означает отрицания самой системы тотального господства, поскольку возможности ее осмысления очень ограничены, тем более желания ее перевернуть.

В очень большой степени социальное недовольство носит реакционный характер, поскольку объяснение причин, вызывающих его, не выходит за рамки разочарования от сформированных, но не удовлетворенных госпатерналистских ожиданий. В свою очередь, невнимание, пренебрежение или непонимание интересов значительной части населения, необходимости их репрезентации в

публичном и политическом поле ведет к тому, что обычные люди, в массе своей оппортунисты и циники, не готовы внимать декларациям либералов, тем более следовать за ними. Для последних это оборачивается отсутствием партнеров по коалициям или неспособностью к компромиссам. Отсюда же потребность в замещении и психологической компенсации своей невостребованности и ненужности: жесты и позы самодемонстрации, склонность к изоляции, брюзжание в социальных сетях.

18. Отсутствие адекватного языка для описания социально-го многообразия оборачивается пренебрежением очень важным пластом коллективного опыта — коллективным бессознательным или социальным подсознанием. В данном случае я имею в виду все, что не укладывается в категории инструментального поведения, все то, что называют иррациональным, эмоциональным проявлением массовых аффектов. Таковы, например, явления коллективного возбуждения в ситуации реальной или мнимой угрозы войны, безопасности, шовинистической эйфории, глубоких переживаний вроде культа мертвых, когда на акциях «Бессмертный полк» соединяются современные идеологические клише имперского милитаризма с архаическими символами и имитацией старых традиций или следованием выдуманным ритуалам и обычаям. Как пример — поклонение поясу Богородицы в Москве, собравшее, по разным данным, 2–2,5 млн паломников (к слову, больше, чем любая демонстрация протеста). То же относится и ко многим другим видам рутинного, повседневного существования, обладающего своей собственной рациональностью: ориентацией на выживание и достижение скромных частных целей — стабильного заработка, семейных приобретений, развлечения, демонстративного потребления и т.п. С точки зрения политически ангажированного сторонника либерализма, уверенного, что он точно знает, что борьба за свои права в будущем может дать гораздо больше, чем обыватель получит сейчас, отказываясь от участия в политике, подобное поведение — настоящая регрессия к примитивности. Но обыватель ему не верит, он живет *здесь и сейчас*, у него нет такого сознания времени (нет институтов, которые бы производили

и поддерживали такое сознание). Повседневная обывательская рациональность **есть**, однако ее особенности, значимость и сила (горизонт существования обычного человека) в принципе не учитываются в интерпретациях политологов и «социологов».

19. Чтобы обоснованно говорить о транзите, надо видеть те силы, которые могут и будут производить подобные изменения. Дело не только в фиксации не слишком определенных и слабо выраженных «интересов» в преобразовании социальных институтов, но и в том, как и чем они мотивируются, насколько те, кто заявляет о них, способны превратить их в жизненные цели больших масс людей и реализовать. (Сама по себе масса населения инертна, поскольку живет своей повседневной жизнью и руководствуется ограниченным кругом задач выживания и потребления.) Реалистичным в какой-то степени это может быть тогда, если появляются социальные типы человека, манифестирующие такие намерения и превращающие их в жизненный, поведенческий пример, когда для массы населения становится не просто понятной связь между политикой и собственным существованием, но и **убедительными** предлагаемые оппозицией средства изменения положения дел к лучшему.

Каждое социальное изменение отмечено не только появлением новых, своеобразных социальных типов человека, но и выходом их на первый план. В перестройку (кризис советской системы) это были демократы из партхозактива (Г. Попов, Ю. Лужков, Б. Ельцин и множество других). Начало 90-х годов отмечено появлением авантюристов разного рода, целителей и махинаторов (ситуация полной дезориентированности общества), затем предпринимателей из рабочих низов, ИТР или из научных, комсомольских, университетских активистов: А. Тарасов, В. Туманов, М. Ходорковский, Б. Березовский, К. Бендукидзе (первое появление одобряемой и признанной социальной модели успеха, легального богатства и предприимчивости). К середине ельцинского правления (кризис реформаторов) на первый план начинают выходить охранники и генералы — Грачёв, Коржаков, Степашин. Еще позже — следующий ряд и новая окол властная обслуга (советники) из окол академической среды. С конца 1990-х — начала 2000-х (реверсивное

движение) — силовики и чекисты: Путин, Иванов, Патрушев, Чайка, Бастрыкин, а также их клака. Сегодня это А. Навальный и его окружение. Появление внесистемного критика коррупционного режима говорит о нарастающих напряжениях в обществе.

Смена или чередование подобных антропологических типов указывает на вектор социальных изменений, хотя еще ничего не говорит о динамике массовых настроений и потенциале поддержки возможного лидера или соответствующей модели человека.

Подытоживая, я хотел бы еще раз подчеркнуть основную мысль: сегодня, рассматривая природу путинского режима, следует признать, что мы имеем дело не с отклонениями от нормативной модели демократического транзита, а с принципиально новым в политическом плане явлением — регенерацией тоталитарной институциональной системы, последовавшей после длительной фазы ее разложения, рекомпозицией этих институтов. Это системное явление, поскольку оно включает не только организацию власти, но и (тайную, чрезвычайную, т.е. действующую вне правовых норм) политическую полицию, СМИ (превращенные в инструмент тотальной пропаганды и доктринации населения), суды, полностью зависимые от высшей администрации, псевдозаконодательные органы, сферы образования, религии, а также — в большой степени — культуры, спорта, рекреации, экономики, социального обеспечения и проч. Протест является реакцией определенных социальных групп на процессы регенерации тоталитарного режима, но это реакция меньшинства.

Насилие здесь — ключевой момент, но им не исчерпывается необходимый набор интерпретаций подобных изменений. Важно понимать то, чем притягивает и подкупает обычных людей такая структура отношений власти и общества. И фашизм, и нацизм привлекали к себе значительную часть идеалистически настроенных молодых и образованных людей из среднего класса, студентов, чиновников, учителей и т.п., хотя их силовые организации уже использовали другой человеческий материал. Путинизм точно так же в первую очередь апеллирует к положительным социальным сантиментам (национальный оптимизм и имперская гордость, сознание единства, военная слава, чувство силы, надежда на порядок и

предсказуемость жизни, государственную политику социального обеспечения и т.п.). Они должны пониматься и учитываться в аналитике либеральных авторов в такой же мере, как и условия массового конформизма, цинизма и всеобщей коррупции.

Для дискуссии я бы предложил несколько вопросов:

1. Можно ли сегодня говорить о появлении и тем более выходе на первый план нового человеческого типа, который способен стать сосредоточением на себе надежд и интересов массы, и если да, то кто он? (Навальный — интересное явление, но не новое, но что точно, так это то, что такими фигурами не могут быть старые кадры демократов-партийцев.) Не обязательно этот тип будет «инновационным» и толкающим к демократизации общественного сознания, он может быть чем-то совсем другим и неожиданным.

2. Какие группы, какие институты заинтересованы в изменениях и либерализации государства и общества, какие идеи и интересы стоят за этим? Возможны ли социальные коалиции и союзы для проведения подобной стратегии и политики изменений?

3. Каковы функции следующих институтов: а) силовых и репрессивных; б) репродуктивных и социализационных; в) экономических? Каковы механизмы принуждения к принятию норм подчинения и демонстрации лояльности (цинизм и оппортунизм), а каковы — к кооперации, диалогу, возможностям консенсуса, установлению и поддержанию, защите правовых норм, собственности, человеческого достоинства? Есть ли потенциал социально-структурной дифференциации (усиление автономии отдельных подсистем)?

4. Как будет меняться соотношение принуждения и свободы, за счет чего, потенциала каких групп и институтов?

Меня удручает упорное нежелание учитывать последствия длительного отбора во власть человеческого материала, лишённого ценностных императивов и движимого только одним: стремлением к потреблению как мотиву дефицитарной эпохи. Стратегия большинства населения — адаптация через снижение требований и запросов, установка на выживание, беспринципный оппортунизм. В России возникло массовое общество, но другого типа, чем в западных демократиях, — аморфное по своей социальной

Лекция 8. Вместо заключения: как мы думаем

структуре, потребительское, догоняющее (ориентированное на заимствование), аполитичное, без признания необходимой сложности и инициативности, но с фобией нового (не технического, не инструментального). Человек этого общества умеет и может работать, он осваивает новые виды бытовой техники, коммуникаций, молодежь — языки и новые стандарты моды, образцы массовой культуры и т.п. Но никаких признаков расширения сферы гражданской ответственности, участия, политической активности я не вижу. Как нет и новых моделей «либерального общества». Напротив, сохраняется и постоянно обновляется идеология государственного патернализма, упования на сильную руку, вождя и учителя. Без внимания остается характер политики и легитимации власти: рецепция и демагогия традиционализации, вытеснение образов будущего, подавление политической конкуренции.

Чего ждать от будущего? Надо признать, что либеральное мышление и демократия будут оставаться течением маргинального меньшинства. В сохранении и отстаивании этой позиции заключается важнейшая роль либералов: обозначить такое направление и его значимость, дать свое понимание происходящему, расширить пространство многообразия оценок, позиций и интерпретаций идущих процессов. Это и есть расширение зоны свободы. Я придерживаюсь старого принципа — «в начале было Слово». Без свободы (своей и других), без признания существования людей с иным менталитетом, чем наш собственный, мы обречены на слепую зависимость от наших беспомощных упований на усилия других, а не опору на свои собственные.

Если говорить более конкретно, перспективы развития российского социума я связываю не с массовыми протестами против действующего режима (они представляют собой повторение прошлого опыта и знаний, не внося ничего особо нового, а потому и не привлекая значительные группы потенциальных сторонников), а с процессами внутри бюрократии, точнее, опять-таки ее среднего звена, в случае если они будут поддержаны наиболее перспективными в этом плане группами — СМИ, студенчеством, предпринимателями средней руки. В сверхцентрализованном социуме любые акции недовольства и протеста остаются локальными, изолированными

явлениями, если они не провоцируют изменения внутри самой бюрократии.

Бюрократия среднего уровня является сосредоточием социальных противоречий, она обладает необходимыми компетенциями, а главное — средствами, технологиями управления, то есть решениями возникающих проблем как практических задач. В централизованном и репрессивном «обществе = государстве» нет других групп и социальных сил, способных на какие-то действия и сопротивление давлению силовых структур, осознающих себя как силу. Однако в отсутствие политических партий и сильных гражданских организаций усиление напряжений и конфликты интересов внутри самой бюрократии таят опасность скорого аборта реформ и прекращения каких-либо планов по изменению системы. С этой точки зрения нельзя рассчитывать на скорый результат, для этого нет оснований, но... в перспективе...

Лекция 9

Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении

Все предыдущие лекции были направлены на то, чтобы общими усилиями наметить понятийную рамку для понимания и интерпретации процессов в современной России. Мы уже говорили о значении бюрократии в повседневной жизни социума, формах и функциях политической системы (особенностях подлинного политического лидерства и последствиях замены его бюрократическими функционерами), о тоталитарном понятии политики у К. Шмитта, применимом для объяснения понимания природы власти и практики правоприменения российской властью — Минюстом, прокуратурой, Госдумой, МВД и прочими ведомствами — для подавления социально-структурной дифференциации и стерилизации потенциала самоорганизации гражданского общества, политической оппозиции. Наметили общие черты тоталитарных режимов. Теперь, вооруженные этими инструментами, давайте посмотрим на то состояние постсоветского общества, которое дают нам опросы общественного мнения.

Сами по себе исследования общественного мнения не совсем адекватный материал для социологического анализа, поскольку приходится разбирать институциональные структуры через сложившиеся формы массового сознания, то есть через то, как они задают коллективные представления (стереотипы восприятия себя и других, стандарты ориентаций, предрассудки, фобии, нормы одобряемого и неодобряемого поведения и многое прочее из того же ряда) и отражаются в коллективной ментальности. Коллективные представления россиян складываются из нескольких источников: из *политической культуры*, то есть из воспроизводимого на протяжении нескольких поколений опыта приспособления к репрессивному и тоталитарному государству, коллективной идентичности — верований, символов национального целого, оснований для

коллективного самоуважения и чувства гордости, страхов, представлений о врагах; из функционирования системы массовых коммуникаций и пропаганды, поддерживающих стереотипы и стандарты политической культуры; из массовых представлений о границах возможного для отдельного индивидуума и собственной ответственности за положение дел в стране, стандартов образовательной деятельности в массовой школе и, наконец, из характера социализации новых поколений — обучения тому, как следует себя вести в разных ситуациях, о чем можно говорить (и с кем), а о чем лучше даже не думать.

Важно дополнить эти методические замечания еще одним пунктом: необходимо учитывать саму структуру и «работу» такого социального механизма (социального института), как общественное мнение, его способность избирательного восприятия событий, их включение в уже готовые клише понимания и интерпретации, оценки, а также навыки выстраивать из отдельных явлений цепочки последовательных связей — представлять процессы в обществе (другой вопрос — адекватно или искаженно), встраивая их в схемы идеологических или мифологических сюжетов. Кроме того, надо учитывать различные состояния общественного мнения — моменты коллективного возбуждения или, напротив, стойкой депрессии, апатии, влияющие на избирательность в оценках происходящего, влияние источников информации, роль информационных «фильтров» («лидеров мнений»), функции интерпретаторов в неформальных группах, задающих тон и норму понимания поступающей информации, и ряд других важнейших факторов.

В нашем плохо образованном обществе, даже среди представителей научной среды или образованной публики, господствуют архаические представления о том, что сам человек вырабатывает свои собственные образы реальности, рационально объясняет события, и причинно-следственные связи, и отношения между ними. Эти интеллигентские предрассудки, берущие начало в философской антропологии XVIII века (образ «разумного эгоиста», «познавательной монады»), есть симптом неразвитости или отсутствия публичных дискуссий и социологических знаний о том, как устроено и функционирует массовое общество и его «общественное

мнение», что такое «идеология», коммуникативные системы и проч.¹²⁴ Чтобы не углубляться в эту специальную тему, требующую гораздо большего времени, скажу, что общественное мнение (= «массовое сознание») всегда стереотипно, банально, подвержено влиянию «авторитетных» каналов информации (господству в сфере коммуникативного пространства), разного рода факторам коллективной мобилизации («возбуждению» и «спаду»), его предмет — всегда результат многократно перетолкованных и переинтерпретированных событий, сведенных к набору противоречивых и с точки зрения элементарной логики несогласуемых клишированных суждений, предрассудков, мифов, идеологических штампов и т.п. «Рациональность» общего мнения не базируется на популярных ныне положениях «рационального выбора».

Перейдем теперь к рассмотрению результатов тех исследований массового сознания, которые коллектив Левада-Центра ведет с 1988 года¹²⁵. Все представленные здесь и далее данные получены

---

¹²⁴ Появляющиеся работы в этой области знания способны скорее ввести в заблуждение неподготовленного читателя или дилетанта, чем прояснить суть проблем, требующих своего решения. Примером подобного «просвещения» может служить недавно вышедшая книга Г. Юдина «Общественное мнение, или Власть цифр» (СПб.: Издательство ЕУСПб, 2020), где правильным является все, что идет не от самого автора, — цитаты (ну по крайней мере, большая часть цитат), пересказ американских учебников и т.п. Авторы, подобные ему, не знают ни нашего ремесла, ни предметных социологических теорий (теорий среднего уровня), без которых любая интерпретация социологических данных бессмысленна или носит дилетантский характер. Они — заместители той роли, которую должны были бы играть у нас «настоящие» социальные науки, — анализ реальности и источник понимания характера посттоталитарного общества. В этом, собственно, и заключается смысл «просвещения» общества. Но суррогатные «философы» и «социологи» не просто продукт нашего времени, а его наполнение: фейсбучная и блогерная болтовня определяет доминирующий характер нашей общественной жизни — атмосферу интеллектуальной попсы, приземленности и серости.

¹²⁵ До 1992 года наш коллектив назывался ВЦИОМ — Всесоюзный, после 1992-го — Всероссийский центр изучения общественного мнения. В 2003 году произошел рейдерский захват этого бренда Администрацией президента, после чего исследовательский коллектив образовал автономную некоммерческую организацию — Левада-Центр.

в ходе общероссийских репрезентативных опросов, отражающих все категории населения в тех пропорциях, в которых они представлены в выборках, моделирующих структуру населения по основным социально-демографическим характеристикам.

Первый слайд (график 1, стр. 205), с которого я обычно начинаю демонстрацию динамики общественного мнения, дает представление о своем роде «кардиограмме» или «сейсмограмме» массовых настроений в стране. При всей кажущейся бессмысленности такой постановки вопроса («В правильном или неправильном направлении движется страна?») эта методика отражает колебания самых общих и неоформленных, нерационализованных массовых установок, почти «ощущений» вектора происходящего. С таким же успехом можно было бы задавать вопрос: «Какое у вас сегодня настроение?» (Мы его, кстати, тоже задаем, как и о чувствах людей, окружающих респондента.) Если вы регулярно повторяете этот тест на протяжении 30 лет, вы получаете картину динамики субъективных самочувствий, отражающих силу коллективных мнений или представлений, а именно они и являются целью наших исследований. Эти представления носят нормативный характер, что значит — они имеют силу принудительности своего признания; окружающая среда как бы навязывает эти мнения отдельному человеку, заставляет его подчиняться тому, что «все» считают «правильным» и «верным». А отклонения от этих мнений расцениваются как «фанаберии» и неодобряемые причуды, «ненормальности». Этот конформизм — сильнейшее средство поддержания и обеспечения группового или коллективного конформизма, многократно описанного в специальной литературе¹²⁶.

Итак, на графике 1 мы видим, как сильнейший стресс и коллективная фрустрация, массовое недовольство во второй половине 90-х годов, в период завершения реформ, массовая дезориентация, вызванная утратой социального положения, доходов, уверенности в будущем, привычных форм социальных отношений, сменяются в

---

¹²⁶ Например, в теории «спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман как механизм присоединения к большинству. *Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания.* М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

Лекция 9. Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении

начале 2000-х годов взлетом удовлетворенности, оптимизма и надежд на процветание. Пик негативных настроений приходится на 1998–1999 годы, когда после едва наметившегося роста доходов в 1997 году тяжелейший мировой кризис 1998 года подорвал все надежды на выход из затянувшегося переходного периода, разрушил все иллюзии и веру в обещания, что отказ от коммунизма немедленно приведет к массовому процветанию. Обратной стороной этой депрессии и отчаяния, усугубленного затянувшейся бессмысленной войной в Чечне, коррупционными скандалами и шоком от едва не разразившейся гражданской войны в 1993 году, стало ожидание прихода «спасителя», нового лидера страны, который а) вывел бы страну из экономического провала середины 90-х годов; б) вернул бы людям чувство уважения к себе хотя бы в форме «восстановления авторитета России как великой державы». Именно эти два требования сильнее всего проявлялись в массовых опросах конца 90-х годов, еще до ухода Ельцина. Но особенно тяжелой ситуация стала осенью 1999 года — рейд Басаева в Дагестан и начало новой чеченской войны, теракты в российских городах вызвали панику и отчаяние. Поэтому назначение никому не известного функционера Путина, заговорившего на всем понятном своей экспрессивностью блатном языке, было воспринято не просто с облегчением: «Наконец-то пришел тот, кто нас всех спасет, — молодой, непьющий, решительный, энергичный», но и с надеждой на выход из кризиса. Пришел свой и понятный. И, как вы видите на графике, еще ничего не произошло в экономике, а показатели массового оптимизма резко пошли вверх. После кризиса 1998 года мировая конъюнктура цен на нефть тоже начала расти, что позволило властям перераспределять получаемые доходы и покупать лояльность и поддержку населения.

Период между 2003 и 2009 годами — самый лучший в истории России, это «жирные годы», реальные доходы населения росли в среднем на 6–8% в год, начался потребительский бум, то есть начали сбываться все те надежды и ожидания ликвидации потребительского дефицита, которые двигали перестроечное движение. Провал в январе 2005 года был обусловлен правительственным идиотизмом М. Зурабова, ответственного за социальную

сферу, — монетизацией пенсионных льгот, что вызвало массовые протесты самой слабой и незащищенной части населения — пенсионеров. Но в целом большинство населения скорее одобрительно оценивало все действия Путина — ликвидацию регионального самоуправления, автономии республик внутри РФ, «борьбу с олигархами» (перераспределение собственности) и в особенности войну с Грузией, поднявшую рейтинг Путина до максимальных значений. Вообще именно милитаристская риторика и военные кампании — русско-грузинская, аннексия Крыма — давали максимальный эффект, оборачиваясь состоянием массового возбуждения и консолидацией, эйфорией национального единства. Благодаря этому пропаганда демонстрировала убедительное подтверждение, что Россия вновь «Великая держава», усиливалась антизападная демагогия, цель которой — дискредитация идеи «реформ», демократии, общественного контроля над властью, правами человека и т.п.

На графике 2 видно, как снижаются с середины 90-х годов показатели массового недовольства и едва сдерживаемого раздражения (с 61% в 1992 г. до 20% в 2014 г.), растет чувство удовлетворения (с 9 до 43% к 2018 г., особенно у двух общественных категорий — молодежи и чиновничества), стабилизируется положение «середины», основного массива населения, выведенного из острого состояния недовольства и переведенного в режим «умеренной бедности». Именно эти два последних массива — удовлетворенных и терпеливых — в сумме образуют основной состав общества (примерно 65–70%), «путинское большинство», живущее с сознанием «жить трудно, но можно терпеть», или смилившееся, или даже удовлетворенное своим положением, привычно колеблющееся между неуверенностью в «завтрашнем дне» и слабыми надеждами на лучшее будущее (график 3, стр. 206). Последнее обстоятельство крайне важно: это не просто выражение беспомощности и зависимости от власти, но и выражение государственного патернализма. Ю. Левада писал, что иллюзии и надежды масс — самый прочный материал репрессивных режимов. Но они могут проявляться только на фоне более распространенных настроений депрессии, астении и фрустрации (график 4, стр. 206).

Лекция 9. Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении

Кризис 2008 года подорвал все надежды на продолжение экономического роста, благосостояние в будущем и привел к обвалу рейтинга президента, снижавшегося вплоть до декабря 2013 года (график 5, стр. 207). Массовые протесты 2011–2013 годов явились отражением социального недовольства, возмущения политическими манипуляциями власти (циничной рокировкой Путина и Медведева) и свидетельством усталости от Путина, накопившейся в кругах более образованной и активной публики. Это был конец массовой веры в «электоральную демократию» в России. В конце 2013 года 47% опрошенных заявляли, что не хотели бы видеть Путина на посту президента на следующий срок, 61% — что они устают ждать выполнения его обещаний.

Реакция властей была, как известно, примитивной и тупой: подавление недовольных, резкое ужесточение законодательства (принятие в 2012 году «закона Димы Яковлева» и еще 40 с лишним изменений в законодательстве), судебные преследования и пропагандистские кампании против «пятой колонны», иноагентов, резкое усиление антизападной политики. Все это было не так трудно предсказать, если исходить из логики поведения и интересов удержания власти. Выступая в 2007 году на Ходорковских чтениях, я предупреждал о перспективах ужесточения репрессивного политического курса, но встретил, как и раньше, в 2000 году, когда Путин появился на сцене, общее сопротивление.

Крымская патриотическая эйфория и возбуждение в очень большой степени, как показывает анализ, произошли за счет тех групп, которые ранее поддерживали протесты 2011–2012 годов, кто вышел на Якиманку и Болотную, но тут присоединились к путинскому «большинству» (на три четверти это как бы наш «средний класс»). Это значит, что роль великодержавных идеологов и установок оказывается гораздо важнее и сильнее, нежели «демократические взгляды и убеждения». Или иначе: такого рода убеждения и стандарты коллективной идентичности никогда не уходили. Патриотический пузырь начал спадать уже после кризиса осени 2015 года, несмотря на все усилия властей сохранить состояние «коллективной мобилизации» и консолидации вокруг власти на фоне санкций и внешних угроз. Но переломным моментом стала

«пенсионная реформа» летом 2018 года, которая была воспринята населением с открытым возмущением¹²⁷. Ответом было резкое снижение рейтинга Путина и его двух приближенных, ответственных за военную и международную политику, — Шойгу и Лаврова, сильнейшее раздражение из-за милитаристской политики руководства (войны в Сирии, Донбассе, расходы на модернизацию вооружений и т.п.).

У режима, озабоченного перспективами самосохранения, нет и не может быть других ресурсов, кроме мифов прошлого. Поэтому ответом режима могло быть только подавление так называемой внесистемной «оппозиции», преследование критиков власти, создание Росгвардии, предназначенной для подавления протеста и выступлений недовольного населения России, активизация антизападной, традиционалистской пропаганды и подготовка к закреплению бессменной власти Путина, изменению Конституции, что было вполне ожидаемо, поскольку планы и намерения такого рода оглашались задолго до 2020 года.

Вопросы, которые журналисты чаще всего задают социологам, звучат примерно так: «А какой сегодня *настоящий* рейтинг президента?» За этим стоит представление о том, что есть некоторый единственный и твердый показатель (рейтинг) авторитетности главы государства или влияния какого-то другого политика. На это приходится отвечать, что такого показателя в социологии нет,

---

¹²⁷ Столкнулись две философии пенсии: одна — чисто советская, тоталитарная: пенсия — это компенсация утраты трудоспособности, антропология человека-«винтика» в государственной машине, самого по себе не имеющего ценности; вторая, разделяемая самим населением: пенсия — это страховые накопления человеком на старость, производимые на протяжении всей трудовой жизни, только содержащиеся в государственных учреждениях как наиболее надежных организациях. Несколько больше половины тех, кто достиг пенсионного возраста, продолжают еще пять-шесть лет работать, получая и зарплату, и пенсию, что образует довольно значительный, по меркам средних российских семей, капитал, позволяющий решать какие-то отложенные семейные задачи и проблемы. Люди считают пенсионные накопления не государственными, а своими сбережениями. Повышение пенсионного возраста означает, что семья лишается большого финансового ресурса, что власть их грабит вопреки всяким обещаниям Путина и правительства.

рейтинг — не кирпич, не что-то предметно-материальное, которое может измеряться в неизменных физических единицах. То, что измеряется социологами общественного мнения, представляет собой интегральный показатель массового отношения к публичной фигуре, сочетающий сразу несколько различных массовых установок: одобрение или неодобрение действий политика, иллюзии и разочарования, надежды на проведение им определенной политики, признание символического значения занимаемой им позиции в иерархической системе власти (не личных достижений, а престижа власти как таковой, в том числе ее смысловых значений в контексте внешней политики, соответственно, оценок власти в структуре коллективной идентичности, а значит, в ряду других стран), проявление доверия и недоверия, безальтернативности его положения в системе несменяемой или выборной и подотчетной обществу власти и не в последнюю очередь перенос на лидера массовых комплексов, фрустраций, страхов и т.п. Популярность конкретного политика, в том числе и Путина, отражает массовые проекции различного рода социальных интересов, представлений о будущем и собственном положении, действие политической рекламы, частоту появления или постоянство присутствия политика в публичном пространстве, в СМИ. Рейтинг также не является мерой полярных социальных аффектов — любви или ненависти, личной симпатии или антипатии к политическому лидеру.

В очень большой степени в обычной жизни рейтинг является выражением слабых по своей интенсивности ценностных отношений, поскольку отношение к лидеру редко когда затрагивает жизненные интересы и проблемы повседневного существования людей. Поэтому, как бы ни выражалось это отношение, оно не так далеко уходит от состояния равнодушия и индифферентности. Другими словами, то, что мы в обиходе называем рейтингом того или иного политика, представляет собой не предметную единицу, а некоторое силовое поле перечисленных выше значений, каждое из которых должно было бы измеряться собственным образом, что и делается в специальных углубленных исследованиях. Подобный комплекс массовых реакций относительно персонифицируемого образа власти, государства, человека во власти не может

ограничиваться каким-то отдельным или единственно допустимым или возможным диагностическим вопросом. Любые его толкования, сводящиеся к однозначной мотивации ответа, должны считаться ложными¹²⁸. Эти обстоятельства необходимо всегда принимать во внимание, когда заходит речь о популярности политических лидеров, их рейтингах и т.п. Но для удобства (социологической «скорописи») обычно эти сложности и детали опускаются из рассуждений.

Минимальный набор диагностических вопросов о массовой популярности того или иного политика состоит из «закрытого» (направленного, лобового — «Как вы оцениваете... NN?» или «Одобряете/не одобряете...») и «открытого» вопросов («Назовите политиков, которым вы больше других доверяете/не доверяете...»). Такие вопросы фиксируют верхний и нижний предел массовой поддержки политика, доверия ему, солидарности с ним, а значит, степень напряженности, заряженности политического пространства, образуя своего рода разность потенциалов символической значимости публичного персонажа. Закрытый вопрос в какой-то степени воспроизводит электоральную ситуацию со всеми особенностями выборов в условиях недемократических режимов, ее безальтернативность, действие административного давления, страхи и конформизм респондентов. Открытый вопрос указывает на степень сплоченности *сторонников политика* или *симпатизирующих ему, солидарных* с ним по разным причинам. Можно рассматривать распределения этих мнений как верхний и нижний предел политической (электоральной) мобилизации, как показатель выражения своего мнения — полупринудительного и несвободного, с одной стороны, и спонтанного — с другой.

Эти краткие пояснения необходимы для понимания смысла получаемых в ходе социологических опросов распределений мнений и представлений, распространенных в обществе. Обратимся теперь к данным опросов таблицы 1.

---

¹²⁸ Тем более рассматриваться как «плебисцит», что делает Г. Юдин.

Таблица 1

Назовите несколько политиков, общественных деятелей, которым вы больше всего доверяете

(Открытый вопрос, респонденты сами называли политиков; приводятся фамилии российских политиков и общественных деятелей, чаще всего упомянутые респондентами; каждый из них набрал в июне 2021 г. > 1% от общего числа опрошенных; ранжированы по убыванию по результатам опроса июня 2021 г.)

2021	январь	февраль	март	апрель	май	июнь
Владимир Путин	29	32	31	34	33	33
Владимир Жириновский	10	9	11	12	10	12
Михаил Мишустин	12	12	12	10	11	11
Сергей Шойгу	8	8	11	10	12	10
Сергей Лавров	7	9	10	9	10	10
Геннадий Зюганов	4	4	5	5	5	6
Сергей Миронов	2	2	2	2	2	4
Николай Бондаренко	1	2	2	2	1	2
Алексей Навальный	5	4	4	4	2	2
Дмитрий Медведев	2	1	2	2	2	2
Сергей Собянин	2	2	2	2	2	2
Павел Грудинин	2	2	2	2	1	2
Сергей Фургал	2	1	2	2	< 1	1
Николай Платошкин	1	1	< 1	< 1	< 1	1
Вячеслав Володин	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	1
Никому не доверяю / нет таких	21	24	23	24	23	23

Первое, что должно бы бросаться в глаза при анализе полученных в мае этого года данных, — это чрезвычайная разреженность политического пространства в России: из более 75 упомянутых

имен политиков, чиновников, публицистов лишь 3–4 персонажа, не считая Путина, собирают больше 10% голосов (табл. 1). Это указывает на сильнейшие фильтры, блокирующие участие в политическом процессе. Список имен, которым «доверяют», представлен в основном чиновниками высокого ранга и окол властными пропагандистами. «Оппозиционеры», как бы ни понимать эту маркировку, составляют лишь примерно пятую часть, но ни один из них не собирает более 4% голосов. Второе — высокий процент людей, никому не доверяющих или не знающих, кому вообще можно доверять: в мае мы получили 16% таких ответов и 33% затрудняющихся кого-то назвать. Это результат жесткой селекции доступа в политику.

Иными словами, половина россиян *никому не доверяет или не знает, кому вообще можно доверять*. Это неспецифическая ситуация для мая (она повторяется и в других замерах), но начиная с весны этого года (с объявления об изменениях Конституции и распространения пандемии в России) процент «затрудняющихся» быстро возрастает — с 17% в январе до 33% в апреле и мае. Отнести этот эффект только за счет изменения технологии опроса — от личного интервью по месту жительства к телефонному — трудно, поскольку сумма подобных «отказных» ответов (никому не доверяю, не знаю, затрудняюсь ответить) росла за последние два с половиной года довольно ровно (с 26% в ноябре 2017-го до 40% в январе 2020 года, в апреле — 46% и в мае этого года — 50%). В общем и целом это отражает весьма негативное представление о политике в России и нежелание в ней участвовать, а соответственно, низкий уровень доверия к отдельным фигурам. Можно сказать, что такая картина опустошенного политического пространства в России, где практически нет самостоятельных или самодостаточных лидеров, авторитетных или хотя бы харизматических, популистских деятелей, где представлены, за редчайшим исключением (А. Навальный, Н. Бондаренко, Д. Гудков), только чиновники и назначенные депутаты, воспроизводит общее представление населения о политических процессах при авторитарно-бюрократическом или полицейском режиме.

Лекция 9. Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении

Ответы на «открытые» вопросы, когда опрашиваемые сами называли тех, кому они доверяют, показывают «размывание» путинского ядра — снижение поддержки за два года с 59 до 27% (график 6, стр. 207).

Третье, на что приходится обращать внимание (обычно только этим и ограничиваются ангажированные наблюдатели), — медленное, но непрерывное снижение одобрения деятельности В. Путина, фиксируемое независимо от методики опроса и формулировки вопроса. Ответы на прямой вопрос: «Одобряете ли вы деятельность В. Путина на посту президента РФ?» (график 5, стр. 207) — с октября 2019 года по март 2020 года снизились с 70 до 63% (при проведении личного интервью по месту жительства); при вынужденном переходе из-за пандемии на телефонные опросы доля таких ответов опустилась до 59% в апреле и осталась такой же в мае 2020 г. Процент «неодобряющих», соответственно, за тот же период вырос с 29 до 36% (март 2020 г.) и при телефонных опросах в апреле и мае, обычно дающих более лояльные по отношению к власти ответы, не изменился, составив 33–34%.

Но за общей динамикой подобных показателей не видно структуры групп «доверяющих» и «недоверяющих», а значит, подвижек в их составе, за счет чего меняются рейтинги, скрыта социальная структура одобрения/неодобрения политических акторов.

Ядро твердых сторонников Путина (по собственной воле высказывающих ему «доверие») составляют люди старшего возраста (37–38%, а учитывая большую численность людей предпенсионного и пенсионного возраста в сравнении с молодыми когортами населения, они образуют физическое большинство этого массива), чиновники, бюджетники, то есть зависимые от государства группы. Это инерционная и консервативная масса, легко управляемая и мобилизуемая в случае необходимости для демонстрации солидарности с властью. Доля молодежи, прежде всего учащихся, здесь минимальна и составляет 8–10%. Молодые люди, еще несколько лет бывшие самыми явными сторонниками президента, сегодня высказывают явное несогласие или неприятие его политического курса, хотя интенсивность выражения этого негативизма очень слабая (у

них самый большой показатель абсентеизма). Среди одобряющих его деятельность (закрытый вопрос, табл. 2) заметно явное преобладание чиновников (а значит, людей более обеспеченных) и пенсионеров (то есть бедных и нуждающихся групп населения), среди которых большая часть — женщины.

Давайте рассмотрим это на распределении установок по отношению к президенту в момент, когда готовилась административная кампания по подготовке голосования по поправкам к Конституции (табл. 2).

Таблица 2

Социальный состав доверяющих президенту и недоверяющих
(май 2020 г., в % ко всем опрошенным)

	Доверяют В. Путину	Никому не доверяют + не знают + затрудняются ответить
В среднем	25	49
Мужчины	21	45
Женщины	28	53
<i>Возраст</i>		
18–24 года	10	63
25–39 лет	27	59
40–54 года	21	48
55 лет и старше	37	37
<i>Образование</i>		
Высшее	25	41
Среднее специальное	26	50
Среднее общее	26	52
Ниже среднего	12	70
<i>Потребительский статус</i>		
Нуждающиеся	27	46
С ограниченным достатком	23	49
Обеспеченные	25	48

Лекция 9. Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении

	Доверяют В. Путину	Никому не доверяют + не знают + затрудняются ответить
<i>Тип поселения</i>		
Москва	28	43
Большой город	23	45
Средний город	27	44
Малый город	23	49
Село	25	57
<i>Социальный статус</i>		
Предприниматель	18	48
Руководитель, директор	30	42
Специалист	22	48
Служащий	19	67
Рабочий	17	54
Учащийся	8	55
Пенсионер	38	37
Домохозяйка	23	58
Неработающий	23	55
<i>Собираются голосовать (за поправки к Конституции)</i>		
За	44	38
Против	4	51
Затрудняются с ответом	17	65

Жирным выделены значимые отклонения от средних значений.

Даже среди доверяющих Путину всего 44% были готовы голосовать за поправки, которые позволяют ему оставаться пожизненным правителем России. На фоне в целом ровного уровня доверия среди разных социально-демографических групп населения выделяются своим одобрением пенсионеры, бюрократия, женщины (скорее пожилые, поскольку их больше в структуре населения),

москвичи (Москва — город с огромным удельным весом федеральной и ведомственной, корпоративной бюрократии).

Среди одобряющих Путина (ответы на закрытый вопрос) 75% примут участие в объявленном голосовании по изменению Конституции, 25% не будут или не знают, будут или нет; среди не одобряющих деятельность президента 52% заявили, что будут участвовать в голосовании, а 48% — нет. Иначе говоря, политическое поведение несогласных с руководством России, не одобряющих курс и политику Путина, в большей степени характеризуется склонностью к политическому отчуждению и общественному абсентеизму.

Описанные тренды массовых настроений отражаются и на графике, демонстрирующем степень одобрения деятельности Путина: пики (1999, 2008 и 2014 годы) приходятся именно на военные кампании России (вторая чеченская война, война с Грузией и аннексия Крыма), провалы (впечатления о недостойном поведении его и других представителей власти в чрезвычайных ситуациях: гибель подлодки «Курск», теракты на Дубровке и в Беслане, монетизация льгот, рокировка 2011 года и, наконец, пенсионная реформа). Реакция на чисто фискальное или, точнее, экспроприационное введение нового закона о пенсиях сказалась не только на оценках деятельности Путина, но и на ближайшем окружении, исполнителях его военного и внешнеполитического курса — Лаврове, Шойгу. При сохранении внешних показателей лояльности и страха перед нелояльным поведением мы фиксируем явное падение популярности этих министров (но только в «открытых» вопросах, когда сам респондент называет тех политиков, которым он доверяет, то есть без наводящей подсказки фамилий официальных лиц).

Ни правительство, ни тем более Дума (наш псевдопарламент) не вызывают доверия, несмотря на все электоральные технологии и позитивные для власти результаты выборов. Скорее всего, именно поэтому и не вызывают, поскольку люди так или иначе (в целом с некоторым трудом, со скрипом) осознают даже не имитационный, а инсценированный характер выборов и непредставительскую, диктаторскую их природу. Другими словами, преобладающее недоверие к российскому «парламенту», политическим партиям означает отсутствие в России «политики», самой идеи

представительства групповых (региональных, предпринимательских, классовых, культурных, идеологических) интересов.

Снизилось и доверие к двум другим видным фигурам, двум министрам, исполнителям политики Путина, бывшим долгое время самыми популярными после президента, — С. Шойгу и С. Лаврову (с 23 до 14–13% и с 19 до 9% соответственно). Их рейтинг пошел вниз после принятия пенсионной реформы осенью 2018 года, что косвенным образом отражало недовольство проводимым курсом — милитаризацией страны, сокращением социальных расходов, преимущественным вниманием внешней политике, армии и проектам, демонстрирующим престиж великой державы, госбезопасности и т.п. приоритетам в глазах высшего руководства страны. Уменьшились и индексы доверия к бессменным лидерам партий «системной кремлевской оппозиции» — В. Жириновскому и Г. Зюганову.

Так, С. Шойгу доверяют главным образом лишь пенсионеры (26%, у основных социальных групп — рабочих, учащихся, служащих, домохозяйек — показатель доверия ему составляет от 4 до 6%). Нетрудно предположить, что, скажем, средний показатель доверия С. Собянину (довольно скромный по общероссийским меркам) гораздо выше у москвичей (16% при 4% в среднем), что он не слишком заметная фигура в провинции. Доверие к А. Навальному выше всего у молодежи в больших городах (12% среди людей в возрасте 18–24 лет при 4% в среднем, 7% — у 25–39-летних респондентов) и среди предпринимателей, более образованной публики, недовольных нынешним руководством и считающих, что Путин ведет страну в тупик и т.п. Но при статистически малых показателях у других политиков показываемые различия оказываются ненадежными или случайными.

Долгое время Путин был освобожден от ответственности за положение дел внутри страны (царь — хороший, бояре — дурные), он символизировал «авторитет» России в мире, ее мощь и защиту от западного влияния, но после 2018 года царь оказался уязвимым. Перенос ответственности на нижележащие уровни власти, который, как мы видим из приводимых графиков 7 и 8 (стр. 208), стал работать с перебоями, хотя и не утратил совсем своего значения.

Тезис «тефлоновый президент» еще вполне значим, поскольку в данном случае его сохранение обеспечивается не личными достижениями или усилиями Путина, а инерцией его статуса — харизмой высшего положения в иерархии государственной власти. Вне семантических рамок этого статуса отношение к нему оказывается гораздо более трезвым и критичным (табл. 3).

После выхода в свет доклада Б. Немцова «Путин и коррупция» в 2012 году мы начали регулярно измерять эффект этой критики. Интересно, что категорично высказываемые мнения («виновен») заметно слабеют в период крымской мобилизации (с 16 до 6–7%) и восстанавливаются к январю 2021 года (после успеха ролика «Дворец Путина»). Растет защита и апология Путина (с 11–13% до 29%). Но и те и другие высказывания дают относительно меньшие группы опрошенных. Основная же масса либо уклончиво соглашается с обвинениями (вероятно, да, но я мало знаю), либо вообще отказывается от вынесения нравственных оценок (важнее, что жить стало лучше).

Именно эти «средние» суждения образуют оппортунистическое и конформистское большинство — несущую конструкцию путинского режима. Но важно принять во внимание, что основа этого «консенсуса» — глубокая убежденность в аморализме власти, ее лживости и алчности, а также сознание невозможности добиться «справедливости» и «правды» в наших судах. Речь не только о таких законах, как НКО и их «участие в политике», которые, как выразилась в разговоре со мной Тамара Георгиевна Морщакова, судья Конституционного суда в отставке, человек безусловного авторитета в сфере права, не являются правовым законом: «Это не закон. Это юридическое оформление административного произвола». Дело и в том, кто пишет законы, и в том, какова правоприменительная практика. У нас был большой проект об отношении граждан к судебной системе в 2009–2013 годах. Мы опросили в трех волнах исследования почти 10 тысяч респондентов, в том числе тех, кто прошел через судебные процессы, то есть имел опыт непосредственного знакомства с системой и ее технологиями. Большинство россиян крайне неохотно обращаются в суд, только если ничего другого не остается. 70% никогда не обращались в суд и не хотят

Таблица 3
Как вы думаете, виновен ли Путин в тех злоупотреблениях властью, в которых его обвиняют его противники?

	05.2012	08.2013	05.2014	07.2015	04.2016	04.2017	01.2021
Несомненно, виновен, об этом говорит множество фактов, приводимых в интернете и свободных СМИ	16	10	6	7	14	11	17
Наверное, да, как и все высокопоставленные чиновники, но я об этом мало знаю, не слежу за этим	32	42	34	29	37	31	25
Даже если это правда, важнее то, что страна при нем стала жить лучше	25	18	31	31	18	23	24
Что бы ни говорили, я не верю, что Путин замешан в злоупотреблениях властью	11	13	18	32	17	22	29
Загрудняюсь ответить	16	17	11	12	14	13	5
<i>Число опрошенных</i>	800	800	800	1600	1600	1600	1600

использовать эти институты для защиты своих интересов. В этих сферах суд еще работает. Но во всех случаях, когда обычный человек сталкивается с бюрократией, вступает в конфликт с государством (в любом виде, в том числе частные конфликты с отдельным чиновником или администратором, не говоря уже о ведомствах), дело заранее считается проигрышным (80% опрошенных). Обращение в суд рассматривается россиянами как последнее средство, только, что называется «по жизненным показаниям» — трудовые конфликты, дела о наследстве, жилищные и семейные проблемы, хозяйственные споры и т.п. 16% имели опыт однократных судебных процессов, еще 14% — многократно обращались в суды. Последние — это в основном предприниматели, более активные и образованные группы населения, имеющие большой социальный опыт и ресурсы для ведения процесса (оплата юристов, расходы, связи и проч.) и нуждающиеся в формальных способах решения конфликтов.

В общественном мнении, судьи, безусловно, компетентны и хорошо подготовлены, но абсолютно аморальны и бездушны, формалистичны. Почему так? Потому что граждане понимают, что они полностью зависят от государства и выполняют исключительно приказы вышестоящего руководства или администрации любых уровней. Они так образованы и обучены, чтобы защищать в первую очередь интересы власти, интересы более обеспеченных групп населения, имеющих связи во власти или в крупном бизнесе и социальный капитал влияния. В этом плане суды — это продолжение советских репрессивных институтов и, с точки зрения обывателя, лишь продолжение других силовых и репрессивных институтов (полиции, ФСБ, СК, ГП), неотличимы от них. Суд, с точки зрения россиян, не место, где можно найти справедливость, где совершается правосудие, где защищаются права и интересы граждан. Это ведомство для принудительного решения конфликтов с точки зрения интересов всей системы. Точно так же россияне относятся и к Конституции, в массе своей полагая ее пустым и декларативным документом, поскольку реальная жизнь протекает по другим законам и правилам, нежели те, что записаны на бумаге. Читали текст Конституции, если судить по опросам, 20–25%, но я склонен

полагать, что это завышенные цифры, что это не спонтанное чтение, а необходимость, вызванная прохождением обязательной литературы в учебных заведениях. Во всяком случае, это не документ «прямого действия».

Отсюда это почти всеобщее чувство незащищенности, уязвимости, глубоко запрятанного страха перед неопределенностью угроз и отсутствием институциональных средств защиты и безопасности. Отсюда это требование «порядка» как условие некоторого спокойствия, как барьер против произвола любых инстанций или сил, от полиции до бандитов и мошенников. Отсюда та почти всеобщая настороженность и подозрительность по отношению к людям и организациям (80% россиян полагают, что большинству людей нельзя доверять, что надо быть очень осторожными в своих повседневных отношениях с другими). Повторю еще раз то, что говорил раньше: постсоветский массовый (обычный) человек — это человек генетически мобилизационного общества, а значит, усвоивший все нормы привычного насилия как средства устранения угроз и конфликтов различного рода: внешнеполитических, внутригрупповых, межличностных. Мы не осознаем ту степень повседневной агрессии в той среде, в которой мы живем. Это как атмосферное давление, которое мы ощущаем лишь в случае его колебаний или перемены погоды. Все «высшие» или *коллективные* ценности этого общества связаны с идеологией героического состояния, войны, борьбы (ранее — классовой борьбы, борьбы с вредителями, шпионами, саботажниками, кулаками, «пережитками прошлого» и т.п.). Отсюда такая, казалось бы, невозможная романтизация насилия и популярность телевизионных передач о ментах, «агентах безопасности», «фронте без линии фронта», «Ликвидации», фильмов Балабанова и т.п. Частные ценности, как уже говорилось, связаны с задачами физического выживания, самосохранения, семейного благополучия. Это два плана модального существования, не пересекающиеся между собой. И это принципиально важный момент, блокирующий возможности рационализации политической жизни, ответственности людей, связей между действиями руководства и последствиями их для жизни обывателей.

Наши исследования коррупции показывают, что абсолютное большинство россиян (65–70%) разделяют мнение о тотальной коррумпированности всей системы государственного управления, но не видят в этом чего-то особенного или вызывающего реакцию острого негодования (табл. 4).

Если принять во внимание, что скрываемые доходы — это не просто утаиваемые от налогов, а незаконные доходы, то есть криминальные, то власть в глазах россиян — это узаконенное или выведенное из-под действия закона мошенничество (как полагают в среднем за многие годы 72% опрошенных, табл. 4). И это расценивается как «норма», как то, что «всегда было».

Сознание расхождения интересов власти и народа медленно, но устойчиво растет в последние годы: с 63% (2007 г.) до 75% (2021 г.) (табл. 6 и 7).

Как видно из таблицы 6, обманывают все чаще (доля подобных ответов увеличилась с 18 до 38–34%). Если сложить ответы «вынуждены обманывать» и «всегда разные интересы» (39%, 40%, 43%, 47%, 49%, 47%), то получаем устойчивое представление, приближающееся к половине опрошенных, о характере господства в России.

Поэтому, с точки зрения российского обывателя, человека, тертого жизнью и недоверчивого, ждать чего-то от выборов, которые номинально должны обновлять состав правящего «политического класса», не просто наивно или глупо, но нелепо (график 9, стр. 209). Единственный момент в новейшее время, когда значительная часть россиян (40–47%) поверила в «честные выборы», был 2011 год, обернувшийся манипуляциями и скандальными фальсификациями итогов голосования. Неудивительно, что обманутые надежды на демократические процедуры привели к массовым протестам, закончившимся «Болотным делом».

В массовом сознании наблюдается резкое расхождение двух модальных планов: как должно быть и как оно есть «на самом деле». Должно быть (в соответствии с остатками социалистических, то есть государственно-патерналистских убеждений), чтобы государство служило людям, заботилось о них, отвечало на их проблемы и ожидания, но на деле власть сама по себе, народ сам по себе (графики 10, 11 и 12, стр. 210–211).

Таблица 4

Как вы считаете, в декларациях о доходах высших чиновников и членов правительства России представлены все имеющиеся у них доходы или только часть из них?

	04.2010	04.2011	04.2012	04.2013	04.2015	04.2016	04.2019	02.2021
Все	2	1	2	3	15	5	3	3
Большая часть	10	11	13	15	8	14	11	11
Меньшая часть	44	43	38	43	39	40	40	40
Ничтожно малая часть	34	34	32	28	26	30	38	40
Меньшая часть + ничтожно малая часть	78	77	70	71	65	69	68	80
Загрудняюсь ответить	10	11	15	11	12	11	8	6
Число опрошенных	800	800	800	800	800	1600	1600	1600

Таблица 5
Как вы считаете, совпадают ли сейчас в России интересы власти и общества?

	11.2007	10.2009	10.2011	12.2013	10.2019	01.2021
Определенно да	5	3	3	2	3	3
Скорее да	23	23	21	21	22	18
Скорее нет	38	43	44	43	42	39
Определенно нет	25	22	25	25	30	36
Затрудняюсь ответить	9	9	8	10	4	4
Соотношение да/нет	0.44	0.4	0.35	0.34	0.35	0.28
Число опрошенных	1600	1600	800	800	1600	1600

Таблица 6
Почему вы считаете, что интересы власти и общества в России сейчас не совпадают?

	11.2007	10.2009	10.2011	12.2013	10.2019	01.2021
Нет «обратной связи» между теми, кто принимает политические решения наверху, и населением	12	12	15	16	13	13
Власти живут за счет населения и поэтому вынуждены его обманывать	18	20	21	26	38	34
Интересы власти и населения совпадают только в критические периоды, когда стране грозит смертельная опасность	9	13	10	16	8	14
У власти и населения всегда разные интересы и цели	21	20	22	21	11	13
Затрудняюсь ответить	2,3	1	1	21	1	1
Заблокированные	37	35	31	31	29	25

В % от всех опрошенных; заблокированы ответы тех, кто считает, что совпадают.

Таблица 7
Какое из следующих высказываний о руководстве страны ближе всего к вашей точке зрения?

	06. 1989	12. 2007	05. 2014	05. 2015	11. 2016	11. 2017	07. 2018	01. 2020	02. 2021	В сред- нем
Руководство — это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	29	26	25	26	27	24	28	25	24	26
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа	45	60	54	55	58	62	58	59	57	56
Наши органы власти — народные, у них те же интересы, что и у простых людей	15	8	11	9	9	7	9	13	16	11
Затрудняюсь ответить	11	6	11	10	6	7	5	3	3	7
Число опрошенных	856	1600	800	800	1600	1600	1600	1600	1600	-

Таблица 8

Как бы вы определили свои отношения с властью?

	02.2006	02.2010	02.2012	03.2013	03.2014	03.2015	08.2016	04.2017
Вступая в контакт с властями, вы всегда добиваетесь от них того, что вам нужно	6	3	6	8	5	10	7	9
Ваша жизнь во всем зависит от власти	24	27	21	22	28	25	20	24
Вы живете, полагаясь только на себя и избегая вступать в контакт с властями	62	62	65	64	59	55	66	61
Затрудняюсь ответить	8	8	8	6	8	10	7	5
Число опрошенных	1600	1600	800	800	800	1600	1600	1600

В среднем за весь период измерений: 7, 24, 62.

Таблица 9
Могут ли такие люди, как вы, влиять на принятие государственных решений в стране?

	02.2006	10.2007	02.2010	02.2012	03.2013	03.2014	03.2015	08.2016	04.2017
Определенно да	2	3	2	1	3	1	3	1	3
В какой-то мере	13	21	12	14	10	12	15	11	12
Скорее нет	39	31	34	39	35	38	39	38	31
Определенно нет	45	41	51	42	49	47	40	49	51
Затрудняюсь ответить	1	1	1	4	4	3	4	1	3
Сумма «не могут» + «затрудняюсь ответить»	85	73	86	85	88	88	83	88	85
Число опрошенных	1600	1600	1600	800	800	800	800	1600	1600

Таблица 10
Как вы думаете, как должны складываться отношения между государством и его гражданами?

	01. 2001	03. 2006	10. 2007	10. 2009	10. 2011	03. 2013	03. 2015	11. 2016	07. 2018	01. 2020	02. 2021	В среднем за все годы
Государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан	6	6	7	6	5	6	7	11	6	7	6	7
Государство должно устанавливать единые для всех «правила игры» и следить за тем, чтобы они не нарушались	19	24	24	28	34	35	41	35	30	31	24	29
Государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни	71	66	66	63	58	53	49	52	62	60	68	61
Загрудняюсь ответить	4	4	3	3	3	7	3	2	2	2	2	3
Число опрошенных	1600	1600	1600	1600	800	800	800	1600	1600	1600	1600	-

Возникает довольно странная с точки зрения демократических взглядов картина: коррумпированная власть занята своими делами — обогащением, интригами и клановыми разборками, к проблемам народа она равнодушна (в той мере, в какой это не вызывает волнений и протестов), народ не верит власти, поскольку знает, что его интересы никак не учитываются, влиять на власти предрезающие он не может, представления о том, в каком направлении движется страна, у него нет. Отсюда — полный отказ от ответственности за то, что делают власти и региональная, местная администрация, и отказ от участия в политике, поскольку от этого толка нет для обычного человека. **Политика неинтересна, раз нет возможности чего-то добиться.** (Графики 10, 11, 12, стр. 210–211).

То, что часто стали называть апатией, общественной пассивностью российского общества, есть не что иное, как накопленный опыт отстранения от власти, от ее инициатив, нежелания всерьез включаться в дела, которые с советских времен называются общественными, а позже стали называться патриотическими. Считается допустимым, если начальство требует, идти голосовать или на праздничные демонстрации, на официальные гуляния или марш «Бессмертного полка» и т.п., но все это как бы «невзаправду», немного «понарошку». Более внимательное проникновение в этот комплекс реакций может раскрыть здесь несколько более сложную структуру отношений — сознание вынужденной, но давно усвоенной и лишенной ценностных переживаний безальтернативности или «выученной беспомощности». Возможно, лучшим примером здесь может служить отношение к такой простой на первый взгляд вещи, как налоги. Об этом очень мало говорят. В советское время, да и сегодня, у большинства работников налоги автоматически вычитаются из номинальной зарплаты. Если вы не мелкий предприниматель, не самозанятый, не ИП, то вас все это не волнует. Налоги не воспринимаются как проблема. Однако вспомним, что в Америке демократия началась с налогов, с утверждения принципа *No taxation without representation* («Нет налогам без представительства!»). Это другое отношение к деньгам, своим деньгам, когда человек требует, хочет знать, как они будут и кем тратиться, на что, с какой эффективностью, с кого можно и следует требовать

отчет за исполнение бюджета. Если сейчас спрашивать наших людей, не бухгалтеров, то вряд ли кто-то скажет, на что правительство тратит наши деньги (а оно отказывается сообщать гражданам подобные сведения, поскольку более четверти статей бюджета — «секретные», а значит, эти расходы не подконтрольны обществу). Фальсифицированные выборы дают сфальсифицированный парламент, который уж точно не может контролировать исполнительную власть, поскольку именно она же и составляла списки тех, кто будет избран в этот «парламент». Одни скажут — налоги составляют всего 13%, другие могут назвать еще один-два налога — транспортный или на дачу. Но мало кто отдает себе отчет, что мы платим больше 65 копеек с каждого заработанного рубля. 13% вычитаются автоматически, 22% идет в Пенсионный фонд, это платит работодатель, но все равно это заработанные деньги, фонд медицинского страхования — 5%, фонд социального страхования — 2,9%. Кроме того, как потребители мы платим НДС 20%, а уж затем транспортный налог (у кого есть машина, а она есть теперь у трети семей), акцизы разного сорта (табак, вино), налог на недвижимость, на землю и проч. Все это не осознается, но, вообще-то говоря, это и есть основа нашей зависимости от суверенного по отношению к нам «государства», власти. Мы содержим эту власть, но она выступает, как писали два американских экономиста, Мартин Макгуайр и Мансур Олсон, как «стационарный» (или оседлый) бандит, узаконивая постоянный грабеж. Если мы не спрашиваем у властей, на что идут собранные деньги, то о какой ответственности властей может идти речь? Можно лишь взывать к ней, писать письма, просьбы, обращения, но все отдается на милость правящей бесконтрольной власти. Здесь не возникает даже идеи «права» (как взаимных обязательств государства и граждан). Можно сколько угодно обличать коррупционеров в высшем эшелоне власти, но что от этого изменится, если мы не ставим подобные вопросы или вопросы такого конституционного плана: «Что такое президент?», «Какими правами он обладает?», «Почему он “гарант Конституции” и одновременно “определяет политику государства”, как это записано в Конституции?». Как это может быть? Он либо гарант и защитник Конституции, конституционных прав граждан (и в этом

смысле должен быть политически нейтральным, вне каких-либо партий, быть арбитром между разными политическими силами), либо определяет цели политики и тогда контролирует то, как выполняются соответствующие целевые программы правительством и министрами. Но одновременно он не может быть и тем и другим. Иначе его следует называть тем, кем он является, — диктатором, авторитарным правителем, традиционным монархом, узурпатором и т.п.

Но часто ли вы слышали дискуссии по этим вопросам? Нет. А раз нет, то нет и сознания значимости таких тем, таких проблем. Все отношения такого рода оказываются в зоне «бессознательного» общества. Но это и есть суть российской политической культуры. Без этого протесты и обличения будут не более, чем «разговоры в пользу бедных».

Стандарты поведения властей (цинизм, пренебрежение к жизни других людей, соблюдение только своих интересов сохранения лица и власти и т.п.) могут быть основанием для моделирования и прогнозирования их поведения в других драматических обстоятельствах.

Но главное, на чем держится популярность Путина, — это восстановление статуса и «авторитета России как великой державы», то, что люди ждали в конце ельцинского правления. Это крайне важное обстоятельство в структуре массовой национальной идентичности: чувство принадлежности к супердержаве, обладающей ядерным оружием, стране, угрожающей другим его применением, компенсирует сознание индивидуальной и коллективной неполноценности, национальной ущербности, несоответствие тем эталонам, которые символизируют западные общества (жизнь в «нормальных странах»), то есть сама идея насилия как культурного кода, основы авторитета (коллективного или индивидуального). Пики (график 13, стр. 209) указывают на моменты, когда удовлетворенность от сознания причастности к такой силе достигает максимума: теракты, послужившие поводом для реванша после первой и начала второй чеченской войны, война с Грузией, «Крымнаш», конфронтация с Западом после введения санкций. Функция «врагов» — обязательный элемент для консолидации в

Лекция 9. Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении

тоталитарных государствах. Неудивительно, что приход Путина означал систематическое использование этого фактора (наличие угрозы существованию России как «цивилизационному образованию», национальному целому). Последний замер (апрель 2021 года, контекст — предвосхищение новых санкций и ограничительных мер против путинской России) дает максимальное значение этого показателя (83% верят, что у России есть враги). См. графики 13, 14, стр. 211–212.

Именно потому, что власть присваивает себе суверенное право представлять коллективные интересы, в первую очередь вопросы безопасности, осуществлять защиту от врагов, внешних и внутренних, обычные люди считают безнадежным делом влиять на решение проблем в стране (график 15, стр. 213).

Соответственно этому страх как выражение собственной беспомощности в социальной и политической сфере становится постоянным фактором общественного сознания или мнения, своего рода горизонтом существования (табл. 11).

Таблица 11

Иерархия страхов

«...испытываю постоянный страх/ боюсь»	В среднем за 1996–2017 гг.	2021 г.
болезни близких, детей	74	82
мировой войны	44	62
произвола властей	39	58
болезни, мучений	50	52
возврата к массовым репрессиям	25	52
бедности, нищеты	43	46
СПИДа/эпидемий	25	45
потери сбережений	29	44
ужесточения политического режима	21	44
нападения преступников	41	42
смерти	35	42

«...испытываю постоянный страх/ боюсь»	В среднем за 1996–2017 гг.	2021 г.
публичных унижений, оскорблений	28	41
безработицы/потери работы	39	34
стихийных бедствий	36	33
старости	28	31

В % к опрошенным; ранжировано по 2021 г.; выделены значимые изменения в 2021 году по сравнению со средними значениями.

В условиях, когда подавлены все возможности выражения и представительства общественных проблем, разнообразия точек зрения на общие проблемы, групповых интересов, страх оказывается почти единственным механизмом артикуляции «того, что важно» для людей, что они боятся потерять. Это выражение ценностей, но только в негативной форме потенциальной утраты или лишений. Поэтому иерархия страхов открывает страхи за детей и здоровье, благополучие близких. Именно неуверенность в своих социальных возможностях образует хронический фон повседневной тревоги за близких.

Но интересно здесь усиление других страхов, имеющих уже собственно социально-политическую природу: во-первых, страх перед большой войной (оборотная сторона национальной спеси и гордости — «можем повторить», «не смешите мои “Искандеры”», «сотрем все в ядерную пыль», «все умрут, а мы будем в раю» и проч.). Резко поднялся в текущем году страх перед произволом властей, возвратом к массовым репрессиям, перед перспективой публичных унижений и оскорблений — явный эффект от жестокости Росгвардии и ОМОНа при разгоне массовых протестов.

Характер «врагов» (источников угрозы национальной безопасности, национальным интересам и т.п.) не является загадкой — это символическое воплощение Запада, демократии, правового государства, высокого уровня жизни населения, свободы, технологического развития и т.п. ценностей и благ, которые хотели бы иметь у себя россияне, но понимают, что никогда не будут их иметь при действующем режиме. Поэтому враги — это США и те страны,

которые убежали от СССР и присоединились к ЕС и НАТО или хотели бы присоединиться (график 16, стр. 212). Именно они и стали объектом самой отвратительной пропаганды и лжи, усилий дискредитации и обличения (обвинения в вечной русофобии, реабилитации нацизма, покушении на национальные богатства, духовные традиции и все прочее, что путинский режим сделал основой своей легитимности). Это балтийские страны, вступившие в 2004 году в ЕС и НАТО, Грузия, пытавшаяся стать членом НАТО, но спровоцированная Россией на войну и потому не имеющая перспективы стать членом этих организаций, и Украина, после «оранжевой революции» принявшая планы по интеграции с западными структурами¹²⁹. Отсюда понятно, что «лучшие друзья» путинской России — это авторитарные или тоталитарные системы господства, такие страны, как лукашенковская Белоруссия, Китай, Казахстан, Азербайджан, Сирия, Венесуэла.

Если в 90-е годы никакого выраженного антиамериканизма мы не фиксировали (первый короткий всплеск весной 1999 года был связан с бомбардировками НАТО Сербии, чтобы принудить Милошевича к прекращению этнических чисток и войны в бывшей Югославии, что вызвало резкую реакцию Примакова, тогдашнего премьер-министра, и Кремля). Вторая, более острая реакция российской пропаганды (но тоже короткая) последовала после начала войны в Ираке (2003 г.) и свержения режима Саддама Хусейна, что было воспринято путинской администрацией как насаждение демократии и провоцирование «арабской весны», начало кампании цветных революций в мире. Третья пропагандистская мобилизация антиамериканских настроений имела место в 2008 году, во время русско-грузинской войны, когда пропаганда убеждала россиян, что имеет место не конфликт России с Грузией Саакашвили, а несогласие с политикой последовательного вытеснения России из

---

¹²⁹ На графике нет Грузии, чтобы не перегружать изображение. Враждебность к Грузии быстро поднялась в 2008 году, но так же быстро снизилась до минимальных значений. Как только пропаганда прекратила свою работу в отношении этой страны, так негативизм к Грузии резко ослаб и фактически исчез.

традиционных зон ее господства, то есть вечные геополитические коллизии. Но все это были очень короткие, хотя и весьма интенсивные агрессивные периоды. ТВ выключали, и все очень быстро восстанавливалось. Другое дело, радикальное изменение после захвата Крыма и общего осуждения политики России в мире, самого серьезного нарушения ею сложившегося после 1945 года мирового правового порядка. Политика санкций и контрсанкций спровоцировала экстраординарную по интенсивности и длительности антизападную и антиамериканскую кампанию, радикально изменившую характер путинского режима. Графики 18 и 19, стр. 214, 215 показывают, как нарастала и усиливалась связь антиамериканской политики с рейтингом Путина.

Отношения с ЕС (график 20, стр. 215) воспринимаются более спокойно, поскольку ЕС не считается империей или военным противником России, хотя в целом тренд отношений к нему такой же, как и к США.

В принятой мной оптике рассмотрения динамики общественного мнения понятными становятся и тенденции антиукраинских настроений в России¹³⁰. Те, кто все еще продолжает уверять себя в том, что кремлевское ТВ не так уж влиятельно, что значительная часть общества его не смотрит, ушла в соцсети, пусть более внимательно рассмотрят график отношения к Украине (это совместное исследование с Киевским международным институтом социологии, они задают аналогичные вопросы о России, мы — об Украине; результаты можно найти на нашем сайте Левада-Центра).

Первые, еще слабые и короткие вспышки антиукраинских настроений стали заметными в периоды выборов на Украине, которые с большим неудовольствием наблюдал Кремль и его клан. Речи украинских политиков об интеграции Украины с ЕС, вступлении в НАТО, отделении от агрессивной и недемократической, становящейся все более опасной для соседей России вызывали ответные волны враждебности, особенно усилившиеся в 2008 году, когда украинское правительство отказалось участвовать в

---

¹³⁰ <https://www.levada.ru/2021/06/15/glavnye-druzhestvennye-i-nedruzhestvennye-strany/>

антигрузинской кампании, но приобретшие принципиально иной характер после Майдана.

Никакого негативизма в отношении к близкой и родственной республике в России не было, надо было очень постараться, чтобы вызвать к ней такую враждебность, снимающую все вопросы к правовой стороне оккупации Крыма и провоцирования войны на востоке Украины. Еще в ноябре 2013 года, когда начались акции на Майдане, 75% россиян считали, что отношения ее с ЕС или НАТО — это внутреннее дело самих украинцев, что России не следует вмешиваться в эти события, тем более военными средствами. Противной точки зрения придерживались от 26 до 29%, которые настаивали на подавлении украинского движения любыми средствами, включая вооруженную силу. Поэтому чтобы уничтожить симпатии россиян и благожелательное отношение к украинцам, возжелавшим демократии и свободы, надо было радикально дискредитировать и опорочить события на Украине. В результате был выдвинут тезис, что на Украине произошел антигосударственный переворот, инициированный США (в рамках стратегии цветных революций), проплаченный ими, к власти пришли националисты и украинские фашисты, создана угроза жизни и благополучию русскоязычного населения на юге и востоке Украины, и моральный долг России — защитить его всеми средствами. Другими словами, власть заговорила на языке борьбы с фашизмом, языке Второй мировой войны, Отечественной войны, подавив тем самым симпатии и сочувствие к украинцам. Но это как бы первый план мотивации негативизма к Украине. Менее явные («подсознательные») мотивы растущей враждебности связаны с неявной угрозой перемен, дестабилизации положения дел уже в самой России, повторения того, что было в первой половине 90-х годов: реформы, проводимые, как утверждают путинские пропагандисты, под диктовку Запада, с одной стороны, а с другой — гордость за демонстрацию силы по отношению к внешнему миру, переживание имперских или великодержавных сантиментов. Поэтому уже в марте 2014 года (после бегства Януковича) отношение к Украине и Майдану радикально изменилось (график 21, стр. 216).

77% опрошенных вскоре после бегства Януковича заявили, что поддерживают антимайдановскую пропаганду.

Таблица 12

**Поддерживаете ли вы лозунги «Нет оранжевой угрозе!»,
«Не допустим Майдан в России!»?**

Определенно поддерживаю	42
Скорее поддерживаю	35
Скорее не поддерживаю	7
Определенно не поддерживаю	8
Затрудняюсь ответить	8

Март 2014 г.

Восстановление такого рода интегрированности общества и консенсус с властью достигнуты исключительно за счет крайней примитивизации или даже архаизации массового сознания, отбрасывания общества назад, к предшествующим фазам социально-политической и культурной эволюции. Главный фактор этой негативной солидарности — антизападный ресентимент, резкое усиление антизападных настроений¹³¹. 87% опрошенных в декабре 2014 года были убеждены в том, что страны Запада проводят сейчас враждебную по отношению к России политику (не согласны с ними всего 8%). Центральный символический оппонент — США¹³².

---

¹³¹ О своем «плохом отношении» к США и ЕС в ноябре 2014 г. заявили 73% и 63% опрошенных россиян, это максимум выражения антиамериканизма за все годы наблюдений (характерно, что к Украине, как в свое время к Грузии, отрицательные установки выражены несколько слабее (60%), они — «марионетки США» и пропагандой не рассматриваются как самостоятельные субъекты действия).

¹³² Более ранний разбор функций антиамериканизма и функций врага в легитимации власти см. в кн.: Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С. 496–650.

Таблица 13

В чем, по вашему мнению, выражается враждебная политика западных стран по отношению к России?

(в % к числу тех респондентов, кто считает, что страны Запада враждебны к России; возможно несколько ответов)

В санкциях против российской экономики, бизнеса	51
В ведении информационной войны против России	42
В попытках взять под свой контроль экономику и природные богатства России	40
В вытеснении России с постсоветского пространства, установлении контроля над республиками бывшего СССР и бывшими социалистическими странами	31
В попытках сменить режим Путина на другой, более удобный для себя	31
В санкциях против высшего руководства страны	30
В попытках навязать российскому населению чуждые ему ценности, культуру, образ мыслей, нравы	25
В подготовке к большой войне за передел мира, развертывании военных баз вблизи российских границ	23
В поддержке оппозиции и независимых общественных организаций, критикующих Путина	12
Другое	< 1
Затрудняюсь ответить	1

Декабрь 2014 г.

Таблица 14

Как вы думаете, почему Запад ведет враждебную политику по отношению к России?

(в % к числу тех респондентов, кто считает, что страны Запада враждебны к России; возможно несколько ответов)

Запад стремится прибрать к рукам природные богатства России	46
Запад боится России, ее военной мощи	43
Запад и Россия всегда были непримиримыми противниками, слишком сильные различия в религии, нравах, культуре	30
Западные страны завидуют России	24
Другое	1
Затрудняюсь ответить	2

Декабрь 2014 г.

Мощнейшее воздействие пропагандистской демагогии сказывается на том, что первоначальные мнения людей («санкции направлены только против правящей верхушки российского руководства», что оставляло равнодушной значительную часть россиян) довольно быстро сменяются на другие, затрагивающие благополучие всего населения («санкции направлены на широкие слои населения») (табл. 15).

Таблица 15

Как вы считаете, против кого направлены нынешние санкции стран Запада?

	05.2014	06.2014	09.2014	12.2014
Против широких слоев населения России	27	31	41	54
Только против узкого круга людей, отвечающих за российскую политику в отношении Украины	42	35	30	15

Лекция 9. Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении

	05.2014	06.2014	09.2014	12.2014
Руководство стран Запада не задумывается о том, в какой мере их санкции затрагивают широкие слои населения России	19	22	21	21
Затрудняюсь ответить	13	12	8	10

Число опрошенных 1600, в % к числу опрошенных

Таблица 16

Как вы считаете, кого реально затрагивают нынешние санкции стран Запада?

	05.2014	06.2014	07.2014	08.2014	12.2014
Только узкий круг людей, отвечающих за российскую политику в отношении Украины	63	52	59	53	29
Широкие слои населения России	24	34	34	38	62
Затрудняюсь ответить	13	14	9	9	9

Число опрошенных 1600, в % к числу опрошенных

Таблица 17

Как вы думаете, к чему прежде всего стремятся страны Запада, ужесточая санкции против России?

	09.2014	12.2014
Ослабить и унизить Россию	71	72
Восстановить геополитическое равновесие, нарушенное присоединением Крыма к России	18	14
Остановить войну, разрушения и гибель людей на востоке Украины	4	6
Затрудняюсь ответить	8	7

Число опрошенных =1600, в % к числу опрошенных

Было бы наивным считать, что внешняя политика никак не связана с внутренней — наличие и умножение врагов, внешних и

внутренних, требует защиты, укрепления обороны, национальной безопасности, что работает на повышение сплоченности и солидарности с властью, защищающей общие (традиционные) ценности и интересы. Поэтому следствием этих усилий аппарата будет рост авторитета и доверия к силовым структурам — армии, политической полиции, спецслужбам и «главнокомандующему» (график 22, стр. 216).

Уже третий год индекс доверия к армии выше президентского, армия и ФСБ оттеснили церковь как институциональное воплощение морального капитала в обществе со 2-го на 4-е место в иерархии доверия к социальным и политическим институтам. Но дело не только в изменении рангов, но и в характере самой институциональной системы: три самых влиятельных института — это массовые представления о реальной власти, по существу — представления о тоталитарном государстве, опорой которого являются не представительские и демократические институты (партии, профсоюзы, независимый суд, СМИ), а институты насилия и репрессий. Вместе с крайне реакционной, антилиберальной и антизападной русской православной церковью они образуют общий комплекс архаической (традиционалистски ориентированной), централизованной власти, уничтожающей все, что пытается быть автономным от режима. Собственно, эта схема и есть выражение тотальной власти, поскольку ни партии, ни финансовые или предпринимательские образования, ни парламент или суд, ни местная или региональная власть не вызывают доверия у граждан. Все, что ниже 40% «полного доверия», лежит либо в серой области полудоверия/полунедоверия, либо в зонах преобладающего недоверия к их деятельности. Правильнее всего было бы сказать, что этот график — портрет российского общества или своего рода рентгеновский снимок его структуры и морали.

Путин опирается на силовые структуры и выражает их интересы (графики 23 и 24, стр. 217).

За время путинского правления авторитет тайной («секретной», «особой», «чрезвычайной») политической полиции поднялся с 40 до 65%, ничего здесь не действовало — ни память о КГБ или ЧК — НКВД — МГБ с практикой массового террора и уничтожением

населения, ни коррупционная деятельность современных «органов». Символический имидж «чекистов» и «агентов национальной безопасности» оказался надежно защищенным от любых критических оценок и интерпретаций. А вместе с авторитетом силовых ведомств шла и реабилитация советских практик и идеологии тотального государства, что можно иллюстрировать ростом значимости фигуры Сталина (графики 25 и 26, стр. 219). На графиках отчетливо видно, как с приходом Путина вверх пошли положительные оценки роли Сталина.

Наблюдаемые тенденции в эволюции общественного мнения говорят о том, что у «общества» нет проработки прошлого — ни социально-политической, ни моральной рефлексии над отношениями власти и подданных. Нет иммунитета против насилия и нет накопленного опыта неприятия диктатуры и террора. Само по себе возвышение и реабилитация, апология Сталина (через победу в войне, через пропаганду эффективного менеджера и успехов форсированной индустриализации при снижении благосостояния населения или по крайней мере отсутствии здесь роста) означает полную интеллектуальную и моральную импотенцию элиты, образованного сообщества, крайнюю степень развращенности общества, не способного преодолеть свое кровавое прошлое, более того, сделавшего его предметом коллективной гордости. Затем — отсутствие влиятельных групп, могущих вносить новые идеи, оценки и ценности. Еще раз повторю: власть, пропаганда, политтехнологи, консультанты и прочая обслуга режима не в состоянии вносить что-то новое, они могут лишь обновлять интерпретацию стародавних представлений, работать с пластами идеологии и культуры давно ушедших периодов. Другими словами, мы имеем стагнирующее, старое общество («старое» в том смысле, что оно живет прошлым и не способно быть иным).

Теперь перейдем к анализу потенциала и структуры российско-го протеста (графики 27, 28, стр. 220). Первая составляющая (вероятность протестных акций) указывает на предельные параметры — верхнюю границу — накопленного недовольства. Вторая (готовность к личному участию в них) представляет собой нижнюю границу этого потенциала. Но ее не следует путать с реальным

участием в протестном движении: оно на порядок или два ниже заявленной готовности. Если бы даже не 10–11%, а 1% вышел на улицы, то это был бы миллион или полтора ответственных граждан, но если не считать пиковых активностей, что крайне редко, выходят 30–40, максимум 60–70 тысяч человек по всей стране.

Причем в последний год-два наблюдается резкое расхождение между «вероятностью» протеста и готовностью участия: всплеск раздражения сочетается с падением готовности своего участия. Причины на поверхности: демонстративная жестокость полицейского разгона мирных гражданских акций и последующие столь же показательные карательные суды пугают людей.

Но это одна из причин низкой активности. Другие связаны с подавлением властями информации о протестном движении, его мотивах и участниках, ложью, и дискредитацией самих участников («купленные», «бессмысленная школота» и т.п.), и отсутствием реальных общественно-политических организаций протестного движения, без которых моральный запал и возмущение властями оказываются крайне нестойкими. Даже о таких движениях, как хабаровские протесты, которым в принципе сочувствуют миллионы людей, хорошо информированы всего 20–22%.

Нормой следует считать «что-то слышали». В этом «что-то» соединяется как пассивное нежелание включаться и вникать в причины протестов, так и ограниченность поступающей о них информации по официальным каналам, ложь и демагогия, порочащая не только организаторов или участников этих акций, но и сам факт их проведения. Доминирует равнодушно-негативный тон в отношении к подобным движениям и событиям, характерный для обывателя, массового, напуганного конформиста, оправдывающего свой оппортунизм и пассивность негативными проекциями организаторов и участников этих мероприятий и действий. Прослеживается четкая зависимость отношения к протесту от канала и источника информации: растущий негативизм у пользователей ТВ и аудитории прокремлевских СМИ, сочувствие и одобрение у пользователей телеграм-каналов, интернета и социальных сетей. Но все равно говорить о преобладании позитивных мнений об участниках протестного движения не приходится даже в этих случаях.

Лекция 9. Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении

Большинство настроено если не враждебно, то безразлично (то есть со слабым негативизмом). Раздражение против них или агрессия сильнее проявляется у старших возрастных групп и снижается у молодежи, для которой характерен высокий показатель симпатий и пассивной поддержки (графики 29, 30 и 31–33, стр. 220–222).

Рассмотрим еще один пласт российской политической культуры, массовый аморализм граждан. Не то чтобы такой диагноз был окончательным, но все же он характеризует человеческую испорченность, проявляющуюся в отношении к событиям отравления и фигуре самого Алексея Навального. Как власть ведет себя, известно и понятно: приуменьшает значимость того, что делает ФБК, и расчеловечивает его личность («берлинский пациент», тот, кого не называют, кого нельзя называть и т.п.). После информации об отравлении и лечении в берлинском «Шарите» показатели одобрения Навального пошли вниз (с 20 до 15%), уменьшилось и число одобряющих его (с 50 до 39%), и за три месяца выросло число ничего не знающих о нем (!) — с 18 до 29% (табл. 18).

Таблица 18

**Вы одобряете или не одобряете деятельность
Алексея Навального?**

	09.2020	10.2020	12.2020
Одобряю	20	17	15
Не одобряю	50	41	39
Не слышал(а) о таком/не знаю такого	18	28	29
Затрудняюсь ответить	12	15	17
Число опрошенных	1600	1600	1600

В процентах к числу опрошенных

Сказать что-то содержательное против него мало кто способен, просто «ничем не нравится», что воспроизводит общую пропагандистскую установку. Ведь в самом деле нельзя публично говорить прокремлевским политикам о том, что «царь — голый», что верхушка государства — воры. Этого даже думать не положено. Поэтому в массовом порядке воспроизводится диффузная неприязнь

без каких-либо обоснований. Цифры как симпатизирующих, так и противников Навального очень малы, что указывает на ограниченность того контингента, который может идеологически выразить свое неприятие радикального критика режима. Сам факт отравления оппозиционера, то есть неудавшаяся попытка политического убийства, не вызывает никаких чувств у почти половины населения страны (табл. 23, 24, стр. 193-194). Более того, этот факт отрицается, не признается, принимается для подкрепления своего цинизма кремлевская версия об инсценировке отравления, о действии спецслужб, о разборках в оппозиции и т.п. интерпретациях, позволяющих, несмотря на весь абсурд и демонстративную наглость подобной лжи, принять их в качестве обоснования своей позиции.

Таблица 19

Чем вам нравится Алексей Навальный?

(Открытый вопрос; вопрос задавался тем, кто что-то знает о Навальном)

09.2020

Говорит правду, за правду, вскрывает наболевшие вопросы, открывает глаза	8
Говорит правильные/умные вещи, альтернативная точка зрения, новый взгляд, ведет интересный блог, новаторские решения, свое мнение, грамотный	5
Оппозиционер, независимый, против власти/Путина, борется с властью	5
Борется с коррупцией, организовал ФБК, выводит воров на чистую воду, расследования, разоблачения	4
Смелый, храбрый, не боится	3
Близкий к народу, защищает народ, борется за права людей, борется за справедливость, справедливый	3
Молодой, энергичный, упорный, напористый, настойчивый, активный	2
Честный, искренний, открытый, хороший человек	2
Красивый, обаятельный, харизматичный, симпатичный мужчина, внешность	2

Лекция 9. Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении

Другое	2
Ничем, не нравится	54
Все равно, безразлично	1
Затрудняюсь ответить	19
Число опрошенных	1311

В процентах к числу опрошенных

Таблица 20

Чем вам не нравится Алексей Навальный?

(Открытый вопрос; вопрос задавался тем, кто что-то знает о Навальном)

09.2020

Живет на средства Запада, его хозяева на Западе, иностранное влияние, проплачен Западом, засланный казачок, агент Запада/ США/Германии, шпион, засланец	6
Много говорит, длинный язык, пустослов, одни слова/критика, мало дел, балабол, клоун, несет чушь, популист, болтун	5
Дерзкий, скандальный, хитрый, заносчивый, глупые выходки/ акции, много шума/скандалов/суеты/пиара вокруг него, пафосный, хам, жлоб	4
Сеет смуту, беспорядки, хаос, бунт, митинги без повода, провокатор, смущает молодежь/школьников, нагнетает, вносит сумбур, будоражит народ	4
Против власти, правительства, президента, оппозиция, настроивает людей против власти, призывает к свержению власти	4
Против России, плохо говорит о России, предатель, антироссийские взгляды, не патриот, враг России, подрывает величие страны	4
Его взгляды, его политика/неправильная политика, либерал, не разделяю взгляды	4
Не внушает доверия, не нравится, не верю	4
Ложь, врет, свистит, обманщик, неподтвержденная информация, клеветник	3
Пустышка, ничего из себя не представляет, такой же, как все, ни рыба ни мясо, не политик, думает только о себе, своей выгоде	2

Мутный, непонятный, темная лошадка, скользкий, пешка в чужой игре, чужие идеи, марионетка	2
Жулик, мафия, рыльце в пушку, аферист, мошенник, сам осужденный, судить его надо, нехороший человек	2
Внешность не нравится	< 1
Другое	7
Ничем/всем не нравится	16
Все нравится, все устраивает	7
Безразлично, нейтрально, нет такого, ничего плохого	3
Затрудняюсь ответить	33
<i>Число опрошенных</i>	<i>1311</i>

В процентах к числу опрошенных

Таблица 21

**Какими словами вы могли бы обозначить свое отношение к
Алексею Навальному?**

(Вопрос задавался тем, кто что-то знает о Навальном)

09.2020

Уважение	10
Сочувствие	8
Не могу сказать о нем ничего плохого	15
Нейтральное, безразличное	31
Не могу сказать о нем ничего хорошего	14
Раздражение	8
Неприязнь	10
Затрудняюсь ответить	3
<i>Число опрошенных</i>	<i>1311</i>

В процентах к числу опрошенных

Таблица 22

**Знаете ли вы об отравлении Алексея Навального
в августе 2020 года?**

	09.2020	10.2020	12.2020
Внимательно за этим слежу	18	17	17
Что-то об этом слышал(а)	59	59	61
Первый раз об этом слышу	22	23	20
Затрудняюсь ответить	1	1	2
Число опрошенных	1600	1600	1600

В процентах к числу опрошенных

Таблица 23

**Какие чувства вызвало у вас сообщение об отравлении Алексея
Навального?**

(Вопрос задавался тем, кто слышал об отравлении Навального)

09.2020

Возмущение, гнев	9
Сочувствие, сопереживание	21
Тревогу, страх	3
Недоумение	19
Удовлетворение	2
Никаких особых чувств	45
Затрудняюсь ответить	1
Число опрошенных	1234

В процентах к числу опрошенных

Таблица 24

**Доверяете ли вы или не доверяете информации о том, что
Алексей Навальный был намеренно отравлен?**

(Вопрос задавался тем, кто слышал об отравлении Навального)

09.2020

Определенно доверяю	11
Скорее доверяю	22
Скорее не доверяю	26
Совершенно не доверяю	29
Затрудняюсь ответить	12
Число опрошенных	1234

В процентах к числу опрошенных

Таблица 25

**По вашему мнению, кто, скорее всего, стоит за отравлением
Алексея Навального?**

(Открытый вопрос; вопрос задавался тем, кто доверяет информации о том, что Навальный был отравлен)

09.2020

Путин, Кремль, правительство, действующая власть, Госдума, «Единая Россия», российские спецслужбы, ФСБ	30
Фигуранты его расследований, кому он мешал, насолил, перешел дорогу, его недоброжелатели	8
США, Запад, западные спецслужбы	8
Конкуренты, завистники, соперники и проч.	6
Другое	1
Не знаю, затрудняюсь ответить/нет ответа	47
Число опрошенных	410

В процентах к числу опрошенных

Таблица 26

Какая из версий отравления Алексея Навального кажется вам наиболее правдоподобной?

(Вопрос задавался тем, кто слышал об этом)

	10.2020	12.2020
Это попытка власти устранить политического оппонента	19	15
Это личная месть кого-то из фигурантов его расследований	7	7
Это провокация западных спецслужб	24	19
Это борьба внутри российской оппозиции	9	6
Никакого отравления вообще не было, это инсценировка	25	30
Проблемы со здоровьем, случайное отравление, обычное отравление	-	1
Другое	2	4
Затрудняюсь ответить	16	19
Число опрошенных	1211	1258

В процентах к числу опрошенных

Таблица 27

По вашему мнению, насколько обвинения Алексея Навального в причастности Владимира Путина к его отравлению соответствуют действительности?

(Вопрос задавался тем, кто слышал об отравлении и считает, что это «попытка власти устранить политического оппонента»)

10.2020

Определенно, так оно и есть	21
Вполне может быть	52
Этого не может быть	22
Затрудняюсь ответить	6
Число опрошенных	227

В процентах к числу опрошенных

Нежелание принимать во внимание эту сторону российского общественного мнения, может быть, позволяет демократам и либералам чувствовать себя более уверенно и относиться к себе с должным уважением — не все придерживаются таких достойных взглядов и убеждений. Но этого мало.

Ярче всего последствия такого «самодостаточного» самосознания видны на примере отношения и голосования по поправкам к Конституции. Мотивы изменения Основного закона, легализующего в очередной раз властный произвол и сохранение нынешней структуры господства, вполне ясны для абсолютного большинства россиян. Никаких тайн или секретов. Суть совершенно понятна — удержание Путиным власти пожизненно. Мнения его сторонников и противников если не почти равны, то вполне сопоставимы. Никакого единодушного одобрения здесь не просматривается. И если бы все, кто понимает смысл этих изменений и настроен против них, пришли на избирательные участки и проголосовали бы так, как они думают, политические итоги были бы другими, но общественный резонанс был бы совершенно иным. А так все осталось «как всегда».

Расклад за и против также вполне очевиден: молодые образованные россияне настроены против, пожилые малообразованные люди, сохранившие опыт жизни при «социализме», преимущественно за (графики 34–38, стр. 223–226).

Обоснование своего отказа от участия и ответственности можно видеть в табл. 28.

В заключение я хотел бы еще раз обратить ваше внимание на те сложности, которые стоят перед теми, кто стремится превратить Россию в демократическое и правовое общество и государство. Проблема в многообразии необходимых институциональных изменений, и не только в политической сфере, но и в судебной, правовой, образовательной, в сфере исторической политики. Без серьезного осмысления нашего прошлого и признания советской системы преступной, подлежащей моральной и государственно-правовой оценке, не может быть серьезных трансформаций. Я знаю лишь одну-единственную работу в этой области, работу очень высокого класса — книгу Евгении Лёзиной, анализировавшую опыт

Таблица 28

Почему вы не будете принимать участие в этом голосовании?

1 Предприниматель	4 Служащий	7 Пенсионер
2 Руководитель	5 Рабочий	8 Домохозяйка
3 Специалист	6 Учащийся	9 Неработающий

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Я никогда не голосую	14	4	6	4	6	16	11	12	18
Считаю, что от моего голоса ничего не изменится	24	32	35	43	32	10	34	28	28
Считаю опасным голосовать в период пандемии	3	1	17	7	5	42	17	30	8
Буду занят(а), уезжаю	3	9	15	14	17	46	7	32	11
Не верю в честность этого голосования	61	45	42	39	48	10	23	26	49
Я против предложенных поправок	16	29	24	40	11	67	24	16	16
Считаю неправильным вносить поправки в Конституцию	32	8	26	23	19	38	17	4	15

В % от тех, кто не будет голосовать (САТ, июнь 2020 г., число опрошенных 408)

проработки прошлого в бывших тоталитарных системах — юридический, социальный, политический, образовательный — в Германии и бывших соцстранах, успехи и неудачи этой политики¹³³. Но таких работ должно быть десятки, сотни, чтобы это было осознано и усвоено в сколько-нибудь значительных масштабах. Пока же вся работа сосредоточена вокруг двух комплексов проблем, которыми занимается «Мемориал», — правозащита и сохранение памяти о репрессиях советского времени. Это очень много для нескольких организаций, но этого очень мало для общества в целом, поскольку нет выхода к массовой аудитории, широкой публике. Возьмите для примера тиражи исторической литературы о сталинизме, издаваемой «РОССПЭН», — издательство А. Сорокина выпустило более 200 томов в этой серии, но тираж каждого издания не превышает 1000–1500 экземпляров.

Есть прекрасные работы историков, но вокруг них не возникает публичных дискуссий, поскольку эти мысли, выводы не доходят до публики. Они остаются в узком кругу самих исследователей, даже не публицистов. Разорваны связи между группами, генерирующими новые точки зрения, интерпретации, и так называемым «образованным обществом» в целом. Не возникает то, что когда-то Хабермас назвал «сферой публичности», то есть областью систематической рефлексии над текущими процессами и прошлым, которую образует, с одной стороны, академическая наука, с другой — писатели, публицисты, журналисты, политики, активисты гражданского общества и т.п. В этом взаимодействии должно происходить осмысление стоящих проблем. У нас все эти сферы фрагментированы и изолированы друг от друга. Поэтому даже «прогрессивная журналистика» не выходит за рамки болтовни и крика, поскольку она, в отличие от западных журналистов, с которыми мне приходится постоянно иметь дело, не обладает сколько-нибудь значительными ресурсами понимания. Из отсутствия знаний и понимания рождается псевдорадикализм демократической оппозиции, очень быстро гаснущий.

---

¹³³ Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. М.: НЛО, 2021.

Лекция 9. Ресоветизация и ее отражение в общественном мнении

Все особенности такой общественной жизни, конечно, не случайны. Наши публицисты, обозреватели, критики вынуждены брать себя, свое понимание за точку опоры, поскольку они не представляют себе социальной структуры российского общества (массового посттоталитарного общества, своего рода социальной плазмы), лишенной групповой или классовой определенности. А значит, общества, точнее, аморфного по своему составу населения, в котором нет явных признаков групповой консолидированности, солидарности или, другими словами, нет механизмов представительства интересов и мнений различных групп¹³⁴. Поэтому возникает пространство мнимостей — «власть» и условные «мы» без какой-либо идеи коалиций, союзов, дискуссий и сложной партийности, средств систематического выражения и последовательного отстаивания групповой точки зрения и позиции. Особенность тоталитаризма заключается в том, что он разрушает представление об обществе как единстве многообразия, говоря словами Аристотеля, навязывает даже своим оппонентам образы самого простого, если не сказать примитивного рода — «мы»/«они», «Путин»/«протестное сообщество» — без необходимых для понимания особенностей дифференциации и сложностей социальной структуры. И рано или поздно принимаемые обществом представления под влиянием постоянной пропаганды, но прежде всего из-за вытеснения из сознания идеи сложности общества, опосредуемого работой многообразных каналов информации, создающих особое пространство публичной рефлексии. Поэтому работа демократии, противодействия тоталитаризму начинается именно с усвоения идеи сложности общества, его состава и необходимости представления многообразных идей, образов реальности и их значимости. Только на этой основе может возникать сознание значимости договора, необходимости компромиссов, общего дела и ответственности.

---

¹³⁴ Подробнее об этой проблематике см.: *Гудков Л.* Парадоксы изучения социальной структуры в России // *Вестник общественного мнения.* 2016. № 1–2. С. 95–125.

Еще раз наметчу те стадии реверсного движения, которые страна прошла после прихода к власти Путина. Первое — контроль над СМИ и установление цензуры (первоначально только над информацией из зоны военных действий в Чечне, затем — на все остальное), превращение СМИ в машину пропаганды; второе — административная реформа — централизация управления, ликвидация регионального и местного самоуправления, введение федеральных округов и представителей президента, обладающих большей властью, чем избранные руководители; третье — фактическое возвращение к государственному контролю над экономикой, выхлещивание оснований рыночного хозяйства, создание крупных госкорпораций и прессинг малого и среднего бизнеса. Четвертое — стерилизация выборного процесса и уничтожение зачатков парламентаризма, следствием чего стало формирование полностью зависимого «политического класса», ничтожного по своим человеческим характеристикам; последствия негативного отбора в политику будут сказываться чрезвычайно долго, скорее всего, всегда, если под «всегда» понимать обозримое время. Пятое — конфронтация с Западом и дискредитация идей демократии, свободы, либерализма, а вместе с ними — уничтожение идеи будущего, навязывание безальтернативного социального порядка. Узурпация власти стала возможной только при условии использования ресурсов принуждения и насилия, которыми располагает тайная, секретная, особая, чрезвычайная политическая полиция, как бы она ни называлась — ЧК, НКВД, МГБ, КГБ, ФСБ. Важно, что этому институту, включая его отдельные департаменты — Роскомнадзор, РКН, Росфинмониторинг, Минюст, Росгвардию и другие, — предоставлены полномочия действовать вне общих правовых рамок, любым образом подчиняя себе другие социальные институты: МВД, уголовную полицию, суд, следственный комитет, прокуратуру, СМИ и т.п. Без них те, кто был приведен к власти в относительно свободные годы, не удержались бы на своих позициях и не смогли бы восстановить звенья прежней репрессивной организации. Но начало этим изменениям было положено именно путинским захватом СМИ (как элементарной формой общественного представительства) после

гибели «Курска» и освещения действия федеральных войск в Чечне на ранних фазах войны.

Насколько важна роль независимых СМИ в поддержании авторитета власти, можно видеть на примерах популярности Горбачева и Ельцина (графики 39 и 40, стр. 227). Одной из причин быстрой утраты поддержки и популярности политических лидеров в период перестройки, начала реформ можно считать утрату контроля руководством страны над СМИ, быстрое нарастание политического плюрализма и свободы критики власти. Горбачев, стремясь убрать старое номенклатурное руководство, объявил политику гласности (а значит, свободу выражения мнений публики). Но чтобы лишить монополии власти цековских геронтократов, он вынул из советской системы ее замковый камень — отменил 6-ю статью брежневской Конституции¹³⁵, подорвав тем самым конституционную опору тоталитарного режима. В условиях растущей свободы СМИ он не смог ни предложить программу дальнейших реформ системы, ни сдержать напор критики. В результате советский режим пошел вразнос.

Горбачев утратил популярность за считанные месяцы после очень высокой массовой поддержки (реальной!), причем еще до своего фактического свержения в ходе августовского путча ГКЧП. То же самое очень скоро произошло с Ельциным, чья власть до 1993 года держалась главным образом на массовой поддержке и общественном мнении (и лишь позднее, после 1996 года, институционализировалась благодаря восстановлению контроля над силовыми ведомствами) (график 39, стр. 227).

Какой-то один из принципов демократии (честные выборы или свобода прессы) не может быть совместим с остальными институтами тоталитарной системы — режим обязательно будет разваливаться. Ельцин, оставив нетронутой свободу СМИ, благодаря которой он получил власть, открыл каналы для критики своей

---

¹³⁵ В 6-й статье Конституции СССР идет речь о руководящей роли компартии, то есть монополии на кадровые назначения и перемещения, главный принцип бюрократии в тоталитарных системах.

политики и ослабления своей легитимности, основанной на иллюзиях демократии и ожиданиях потребительского чуда. В результате его авторитарный режим очень быстро потерял легитимность и массовую поддержку (график 40, стр. 227).

Эти «ошибки» были учтены Путиным, который первые же свои действия во власти начал с ликвидации свободы СМИ (практически сразу после катастрофы «Курска», когда независимая пресса — в первую очередь НТВ, ОРТ и другие издания — подвергла его жесткому разному за недостойное поведение в драматической ситуации). Возвращение контроля над СМИ (ликвидация НТВ, затем ОРТ Березовского) стало первым шагом на пути восстановления «управляемой демократии», за которым последовала централизация управления регионами, ликвидация свободных выборов и т.п.

Эта цепочка последовательных действий и институциональных установлений в конечном счете создает систему воспроизводства покорности, лицемерия, пассивности, которые определяют условия социализации следующего поколения или поколений. А значит, воспроизводят описанный Ю. А. Левадой тип человека с его фобиями, в том числе отрицанием всего нового, циничного (или лукавого, «двоемысленного», «двоедушного»), внутренне фрустрированного и тревожного, а стало быть, испытывающего острую потребность присоединиться или опереться на силу, даже если это сила государства, подавляющего его самого.

Графики к лекции 9

График 1

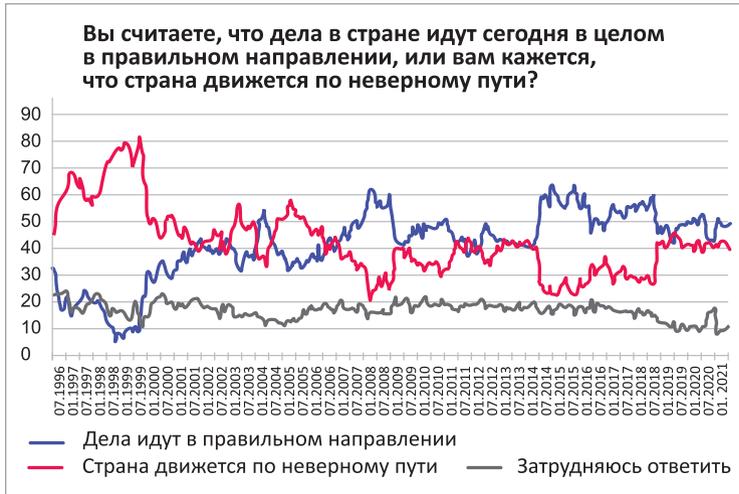

График 2

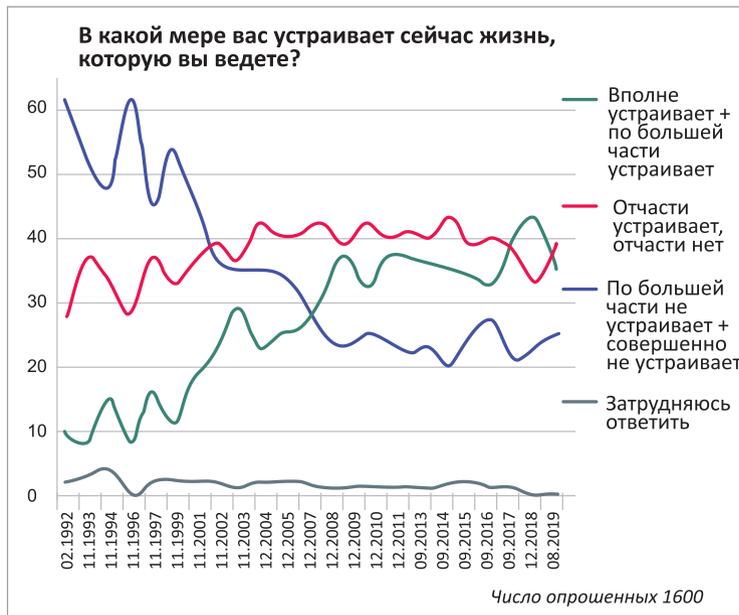

График 3

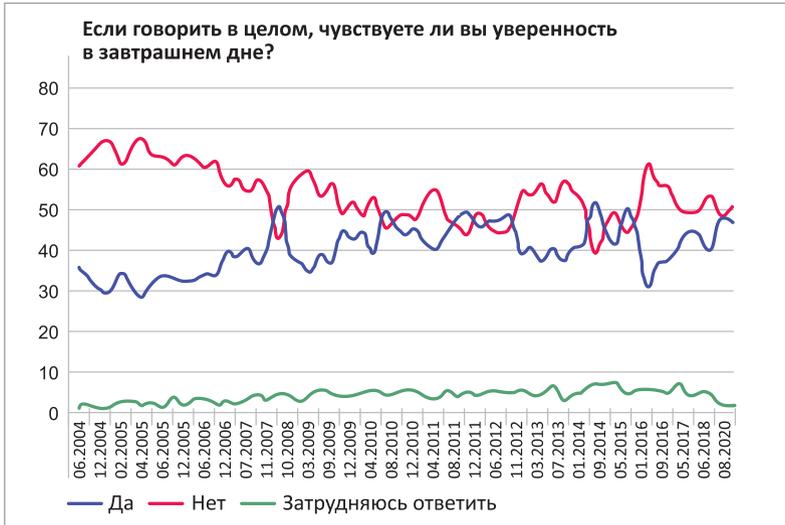

График 4

График 5

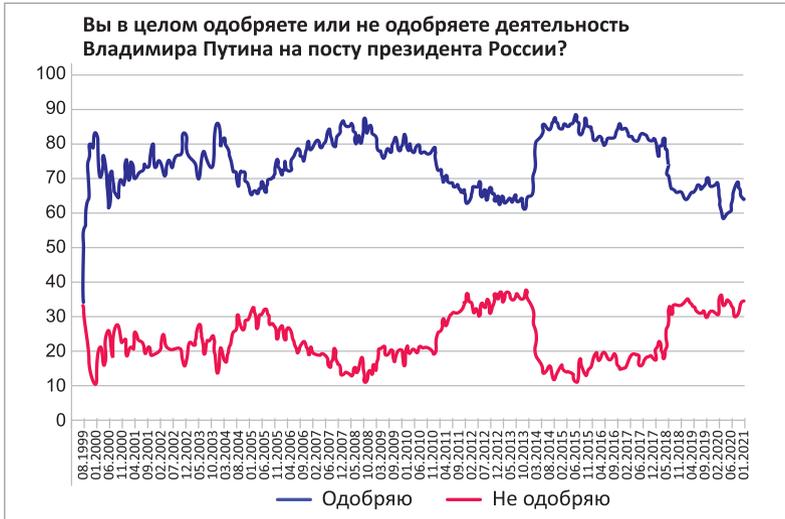

График 6

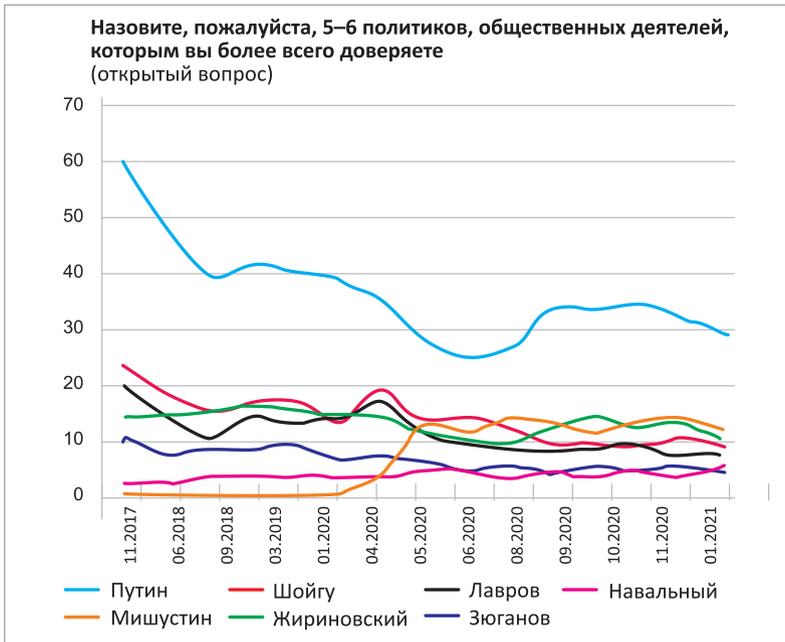

График 7

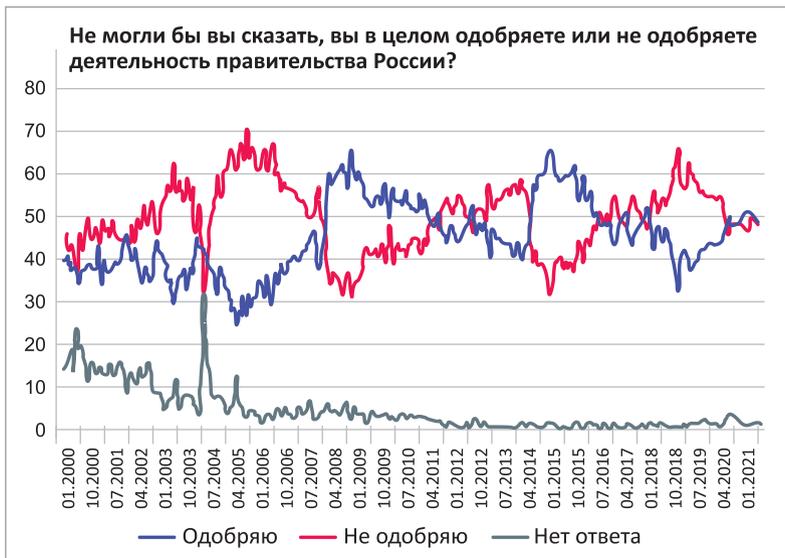

График 8

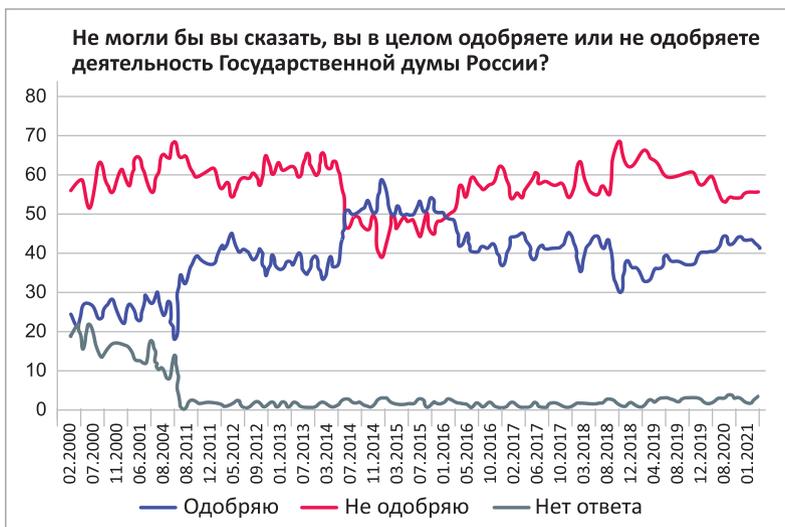

График 9

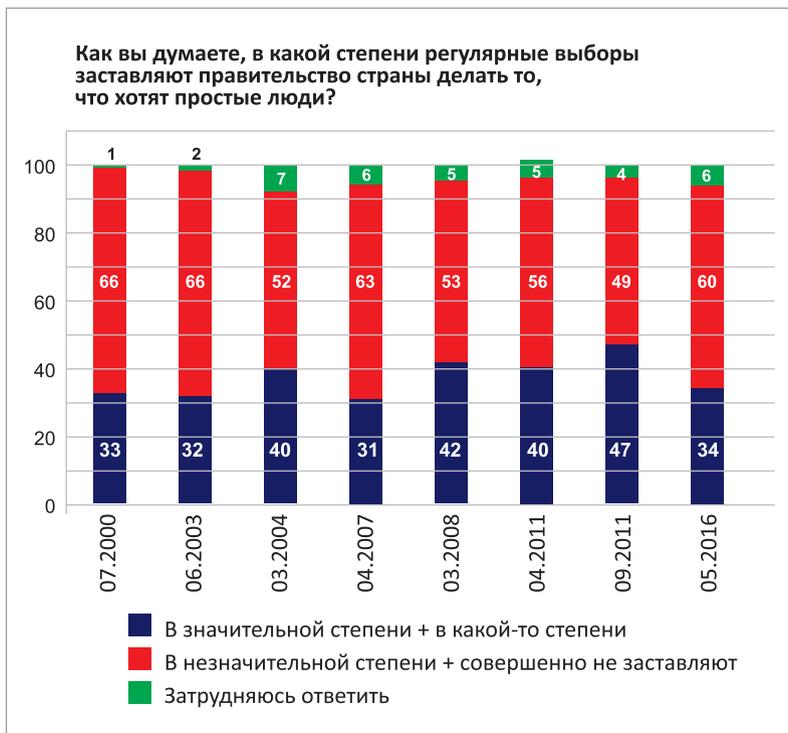

График 10

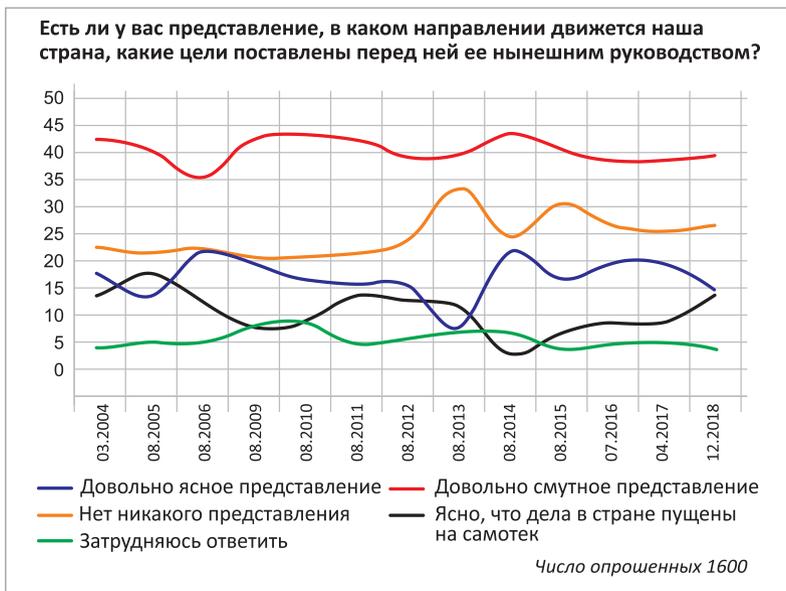

График 11

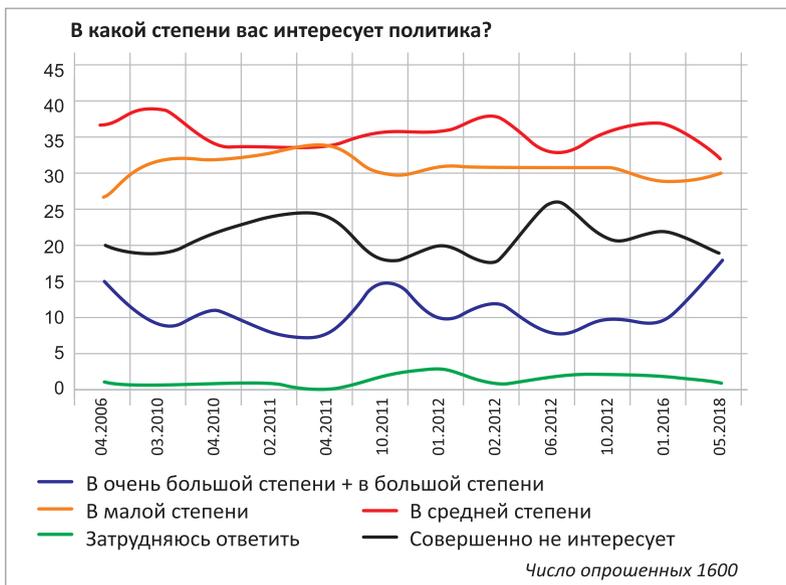

График 12

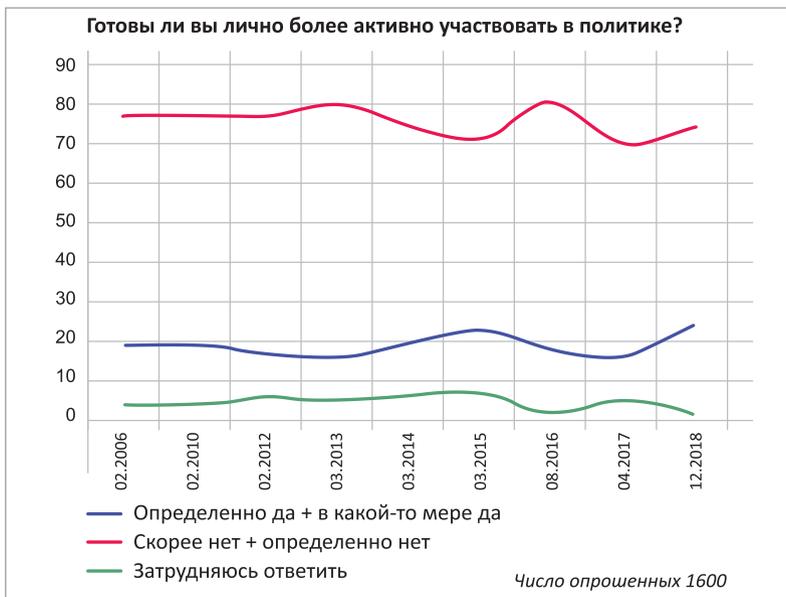

График 13

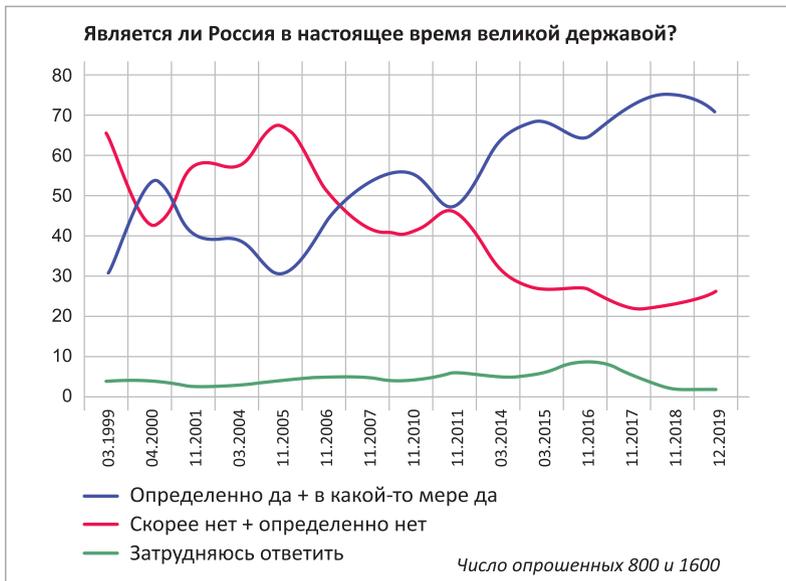

График 14

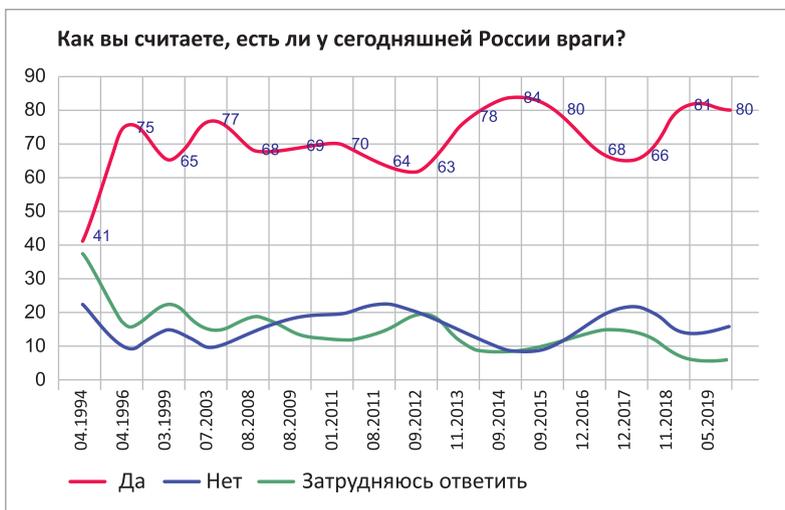

График 16

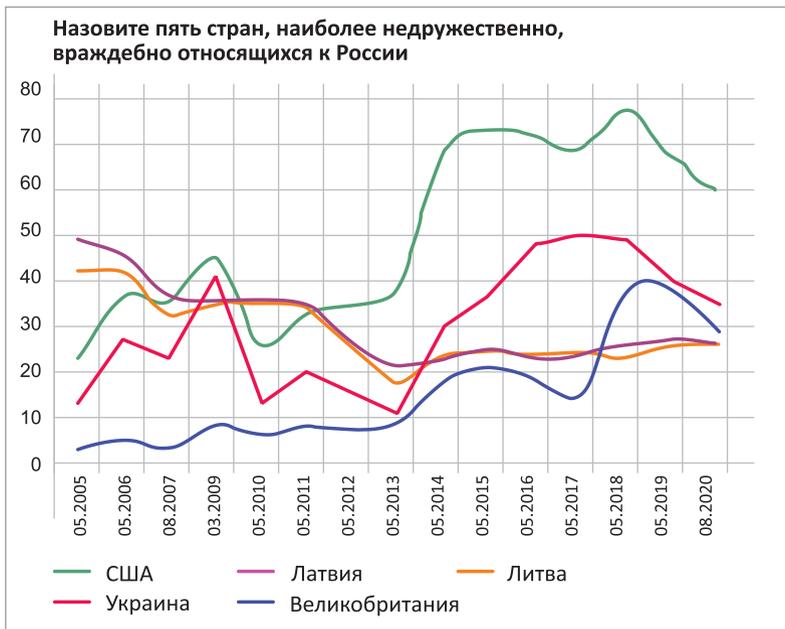

График 15

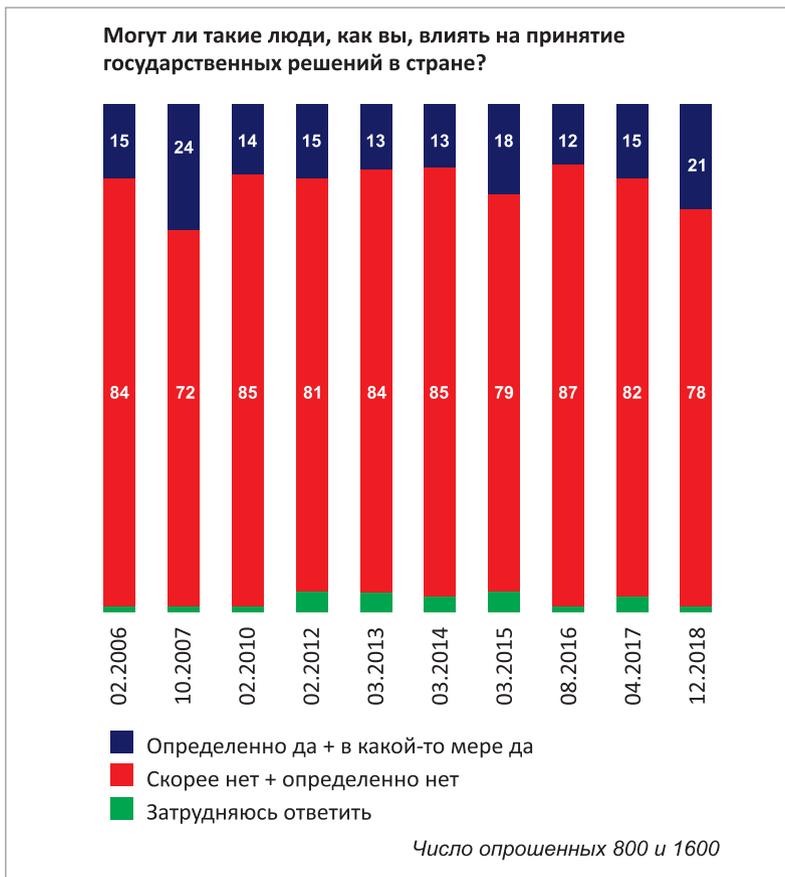

График 17

График 18

График 19

График 20

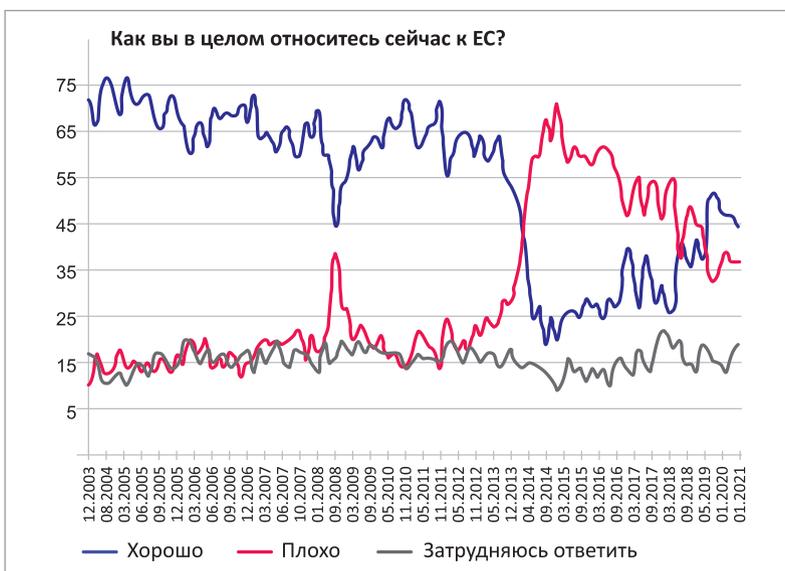

График 21

График 22

График 23

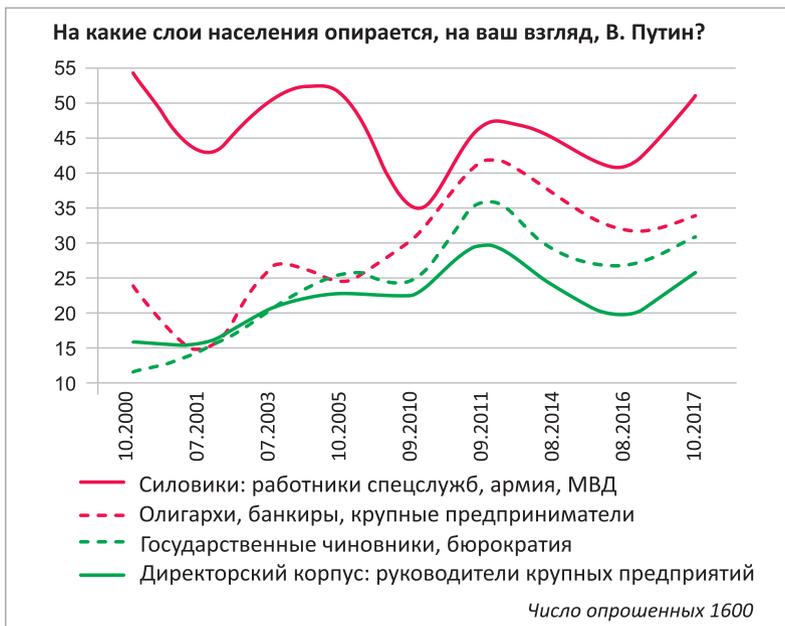

График 24

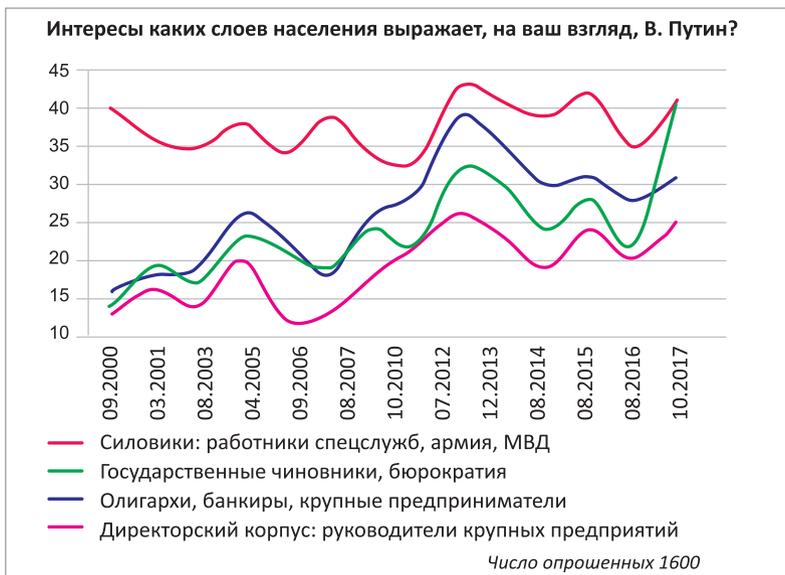

График 25

График 26

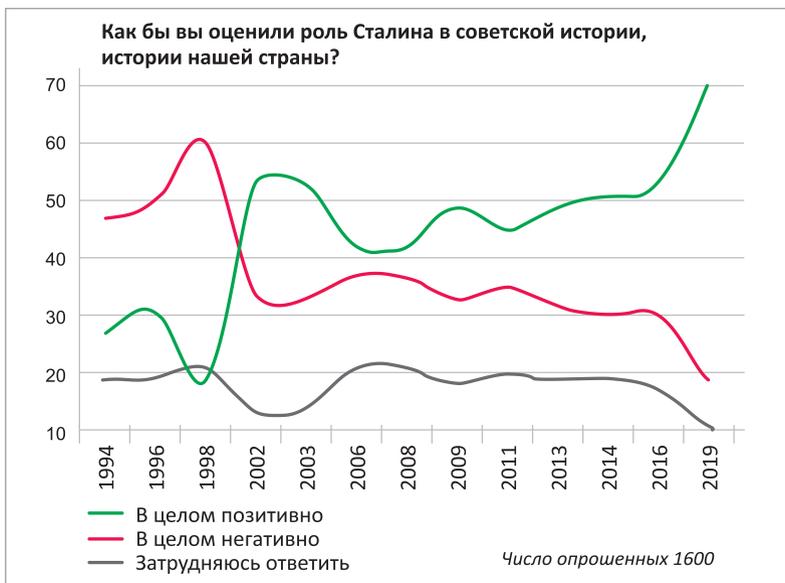

График 27

График 28

График 29

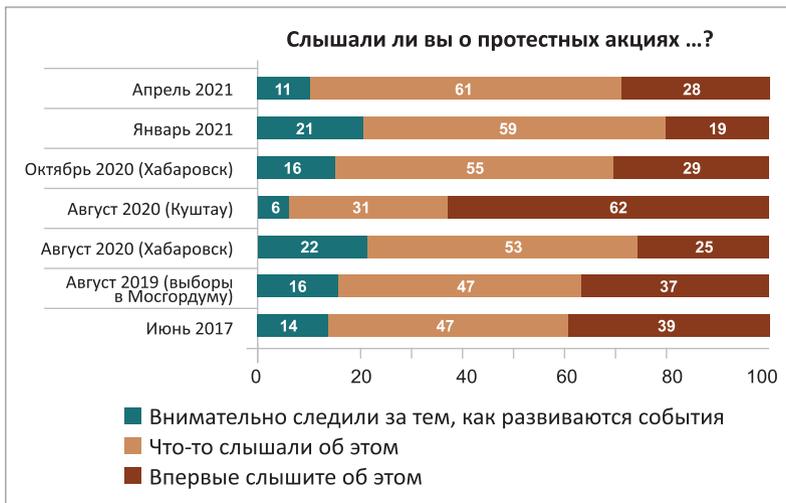

График 30

График 31

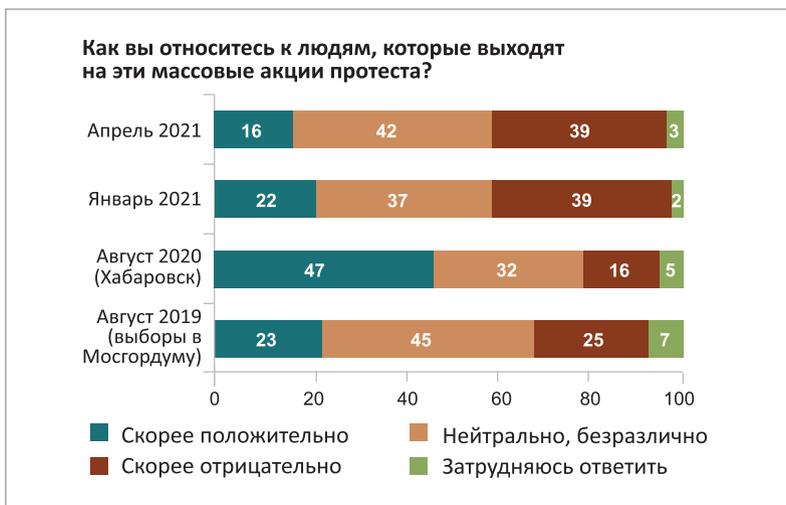

График 32

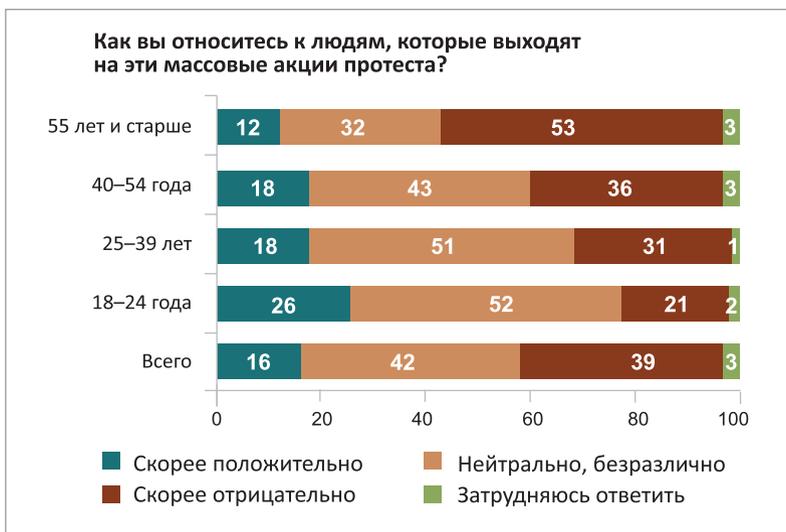

График 33

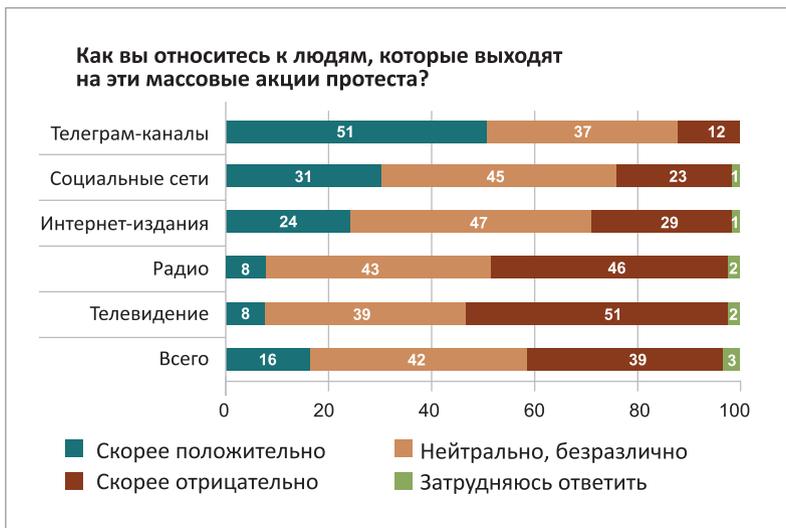

График 34

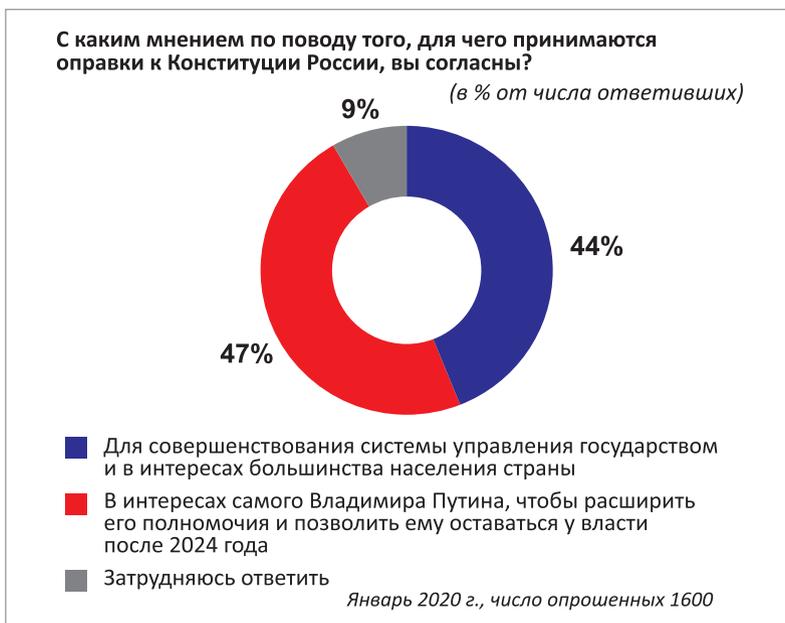

График 35

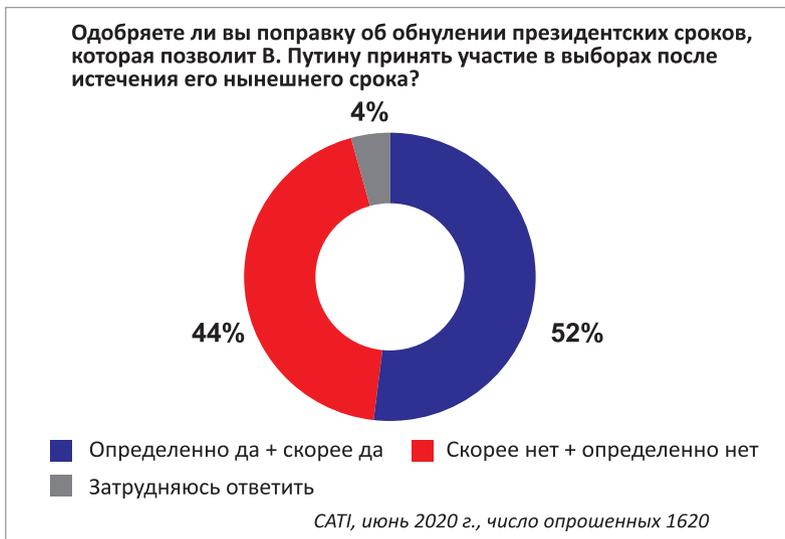

График 36

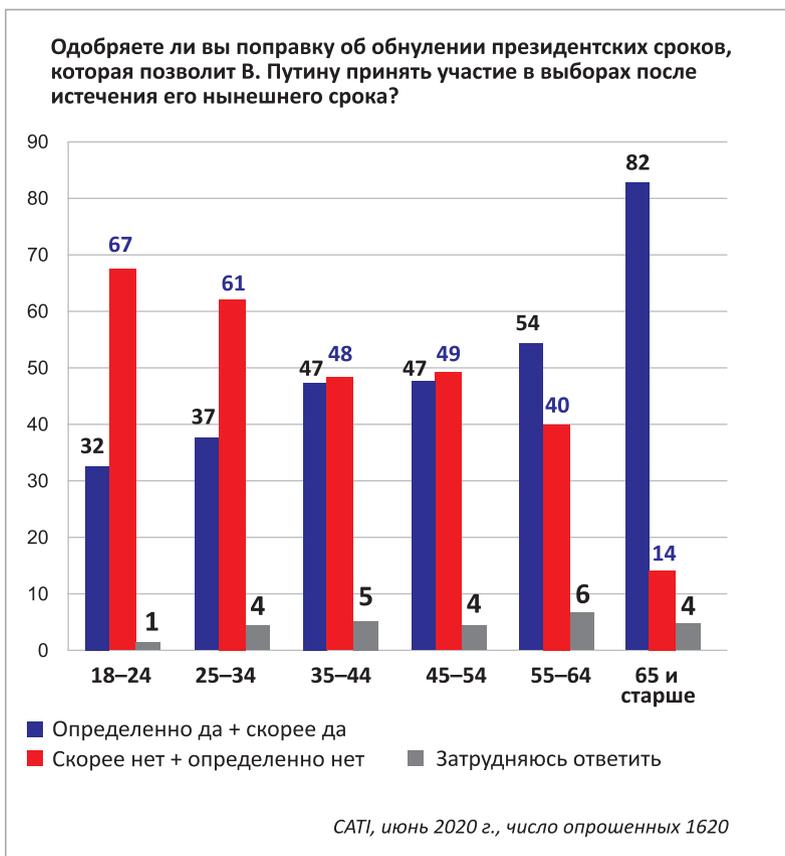

График 37

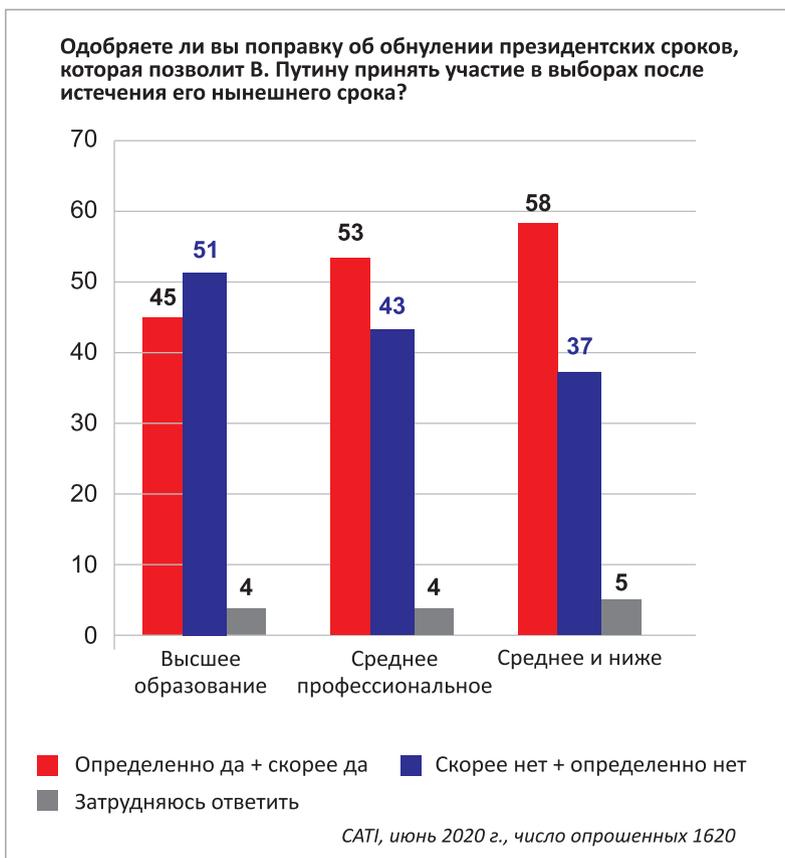

График 38

График 39

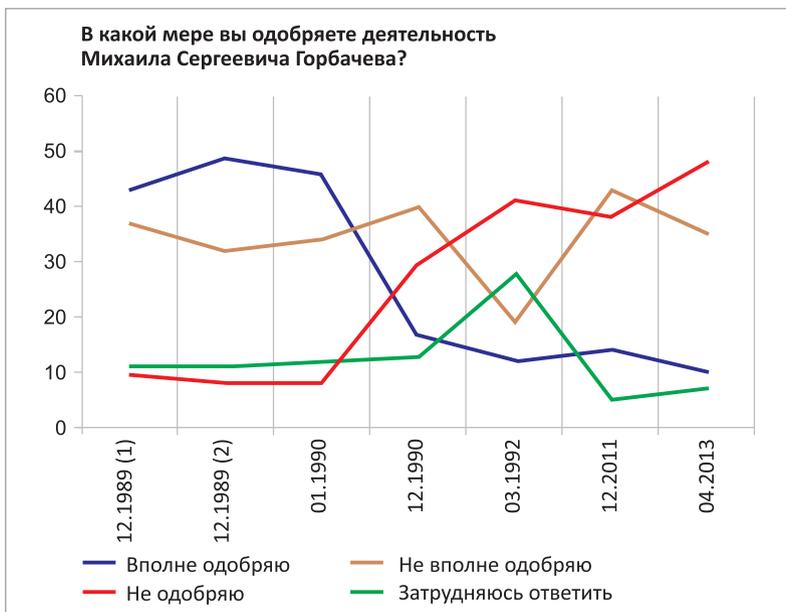

График 40

